

Н. И. ЗАГОРОДНИКОВ

**Преступления
против здоровья**

**«ЮРИДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1969**

Н. И. Загородников

34С5 Преступления против здоровья, изд-во «Юри-
3—14 дическая литература», 1969.
168 с.

В работе исследуется законодательство о преступлениях против здоровья, виды и квалификация этих преступлений по УК РСФСР и других союзных республик

Большое внимание в работе уделено анализу иных преступлений, сопряженных с причинением вреда здоровью, а также спорных вопросов, возникающих в теории и практике при использовании правовых средств для защиты здоровья граждан.

1—10—2

65—69

Советское государство создает наиболее благоприятные условия для жизни советских людей, удовлетворяет постоянно растущие материальные и культурные потребности граждан. В Резолюции XXIII съезда КПСС указано на необходимость «обеспечить в предстоящем пятилетии дальнейший подъем материального благосостояния народа за счет повышения заработной платы рабочих и служащих, доходов колхозников от общественного хозяйства, установления во всех колхозах гарантированной оплаты труда, увеличения денежных выплат и льгот из общественных фондов, дальнейшего улучшения пенсионного обеспечения рабочих, служащих и колхозников, значительного улучшения коммунально-бытового и культурного обслуживания населения как в городе, так и в сельской местности»¹.

В нашей стране повседневно проявляется большая работа об охране социалистического правопорядка. Как отметили ЦК КПСС и Совет Министров СССР в решениях об усилении мер по охране общественного порядка и борьбе с преступностью «за последние годы партийными и советскими органами осуществлен ряд мер по усилению борьбы с преступностью и нарушениями общественного порядка. Однако в городах и районах нередко еще совершаются опасные преступления и случаи дерзкого хулиганства»².

Советское законодательство предусматривает комплекс мер, призванных обеспечить беспрепятственное использование каждым человеком его прав и успешное выполнение обязанностей.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в Постановлении о мерах по дальнейшему укреплению советской милиции указали: «Важная роль в поддержании право-

¹ «Резолюция XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза по Отчетному докладу ЦК КПСС», Политиздат, 1966, стр. 17.

² «Правда» 27 июля 1966 г.

порядка и законности, обеспечении охраны интересов социалистического государства, созидательного труда, отдыха и законных прав советских граждан от преступных посягательств принадлежит органам советской милиции¹».

В работе государственных органов и советской общественности по охране личности и ее интересов определенное место занимают меры уголовноправового характера. Они призваны оградить граждан от общественно опасных деяний, посягающих на их права и интересы.

Среди этих преступлений заметное место занимают преступные посягательства на личность, обладающие высокой степенью общественной опасности.

В настоящей работе исследуется советское уголовное законодательство о преступлениях против здоровья, рассматриваются виды этих преступлений, особенности конструкций составов преступлений против здоровья, встречающиеся в уголовных кодексах союзных республик, а также другие вопросы, возникающие при применении уголовного законодательства о преступлениях, сопряженных с причинением вреда здоровью человека.

Рассмотрение этих вопросов подчинено цели совершенствования действующего уголовного законодательства, усиления охраны личности и обеспечения социалистической законности

¹ «Правда», 29 ноября 1968 г.

1 Понятие преступлений против здоровья

§ 1 ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ КАК ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Защита прав личности — одна из важнейших задач советского уголовного права, осуществляемая на основе строжайшего соблюдения социалистической законности. Обеспечивается выполнение этой задачи путем установления уголовной ответственности за общественно опасные деяния, причиняющие вред личности.

Защита интересов личности достигается в советском социалистическом государстве на основе обширной и разнообразной культурно-воспитательной и хозяйственно-организаторской деятельности государственных органов и общественных организаций.

Применение в этих условиях норм уголовного права является не главным, но эффективным средством предупреждения и пресечения общественно опасных деяний, способных причинить вред личности.

Строжайшее соблюдение социалистической законности требует, с одной стороны, незыблемого выполнения воли законодателя, выраженной в правовых нормах, а с другой — гарантии прав граждан¹. Эти гарантии, в частности, должны обеспечивать такую деятельность органов правосудия, которая исключала бы возможность безосновательного привлечения граждан к уголовной ответственности.

¹ Н. Г. Александров, Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, М., 1961, стр. 214—255; С. Ф. Кечекьян, Теория государства и права, М., 1962, стр. 457—501; А. Л. Ривлин, Об уголовноправовых и уголовно-

Поэтому современное советское уголовное законодательство и наука уголовного права уделяют большое внимание регламентации и научной разработке оснований уголовной ответственности.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 3 устанавливают, что «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние. Уголовное наказание применяется только по приговору суда».

Следовательно, единственным основанием уголовной ответственности по советскому уголовному праву является совершение лицом умышленно или по неосторожности предусмотренного в уголовном законе общественно опасного деяния.

Иные позиции занимает буржуазное уголовное законодательство, ставящее своей целью оправдание массовых репрессий в отношении прогрессивно настроенных слоев трудящихся. Оно допускает возможность признания основанием для применения наказания или мер социальной защиты, являющихся по своей репрессивной силе столь же тяжкими, как и наказание, не только совершенные преступные действия, но и негодный образ мыслей, «опасное состояние личности», признание лица «прирожденным преступником» и т. п.¹ Так, по законодательству США преступлением объявлена принадлежность к Коммунистической партии, в ряде штатов признается преступлением, влекущим тяжелое наказание, брак между представителями белой и черной расы, «неуважение» к конгрессу и т. п.²

процессуальных отношениях («Правоведение» 1959 г. № 2); В. И. Курляндский, О сущности и признаках уголовной ответственности («Советское государство и право» 1963 г. № 11).

¹ П. И. Гришаев, Критика буржуазной правовой идеологии, М., 1964; О. Гаврилов, Уголовное законодательство ФРГ — орудие милитаризма и реваншизма, «Советская юстиция» 1964 г. № 16.

² С. Л. Зивс, Реакционная сущность уголовного права США, М., 1964, Ф. М. Решетников, О некоторых характерных чертах современной американской криминологии, «Советское государство и право» 1958 г. № 10.

Советский уголовный закон считает, что ни «опасный образ мыслей», ни «опасное состояние личности», ни что-либо другое, кроме преступного деяния, предусмотренного уголовным законом, не может быть основанием уголовной ответственности.

При решении проблемы оснований уголовной ответственности необходимо последовательно придерживаться принципиальной позиции, высказанной в свое время К. Марксом, который писал: «Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, постольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие — это единственное, для чего я требую права существования, *права действительности*, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под *власть действующего права*»¹.

Из этих положений вытекает, что только совершенное общественно опасное деяние может быть основанием уголовной ответственности.

Выполнение требований закона об основаниях уголовной ответственности означает, что ни одно лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если им не будет совершено преступления. Это обязывает органы, ведущие борьбу с преступностью, в каждом случае привлечения к уголовной ответственности точно и безошибочно устанавливать, совершено ли виновным преступление и, если совершено, раскрывать его полное социально-политическое содержание.

Исчерпывающий перечень тех общественно опасных деяний, совершение которых может явиться основанием уголовной ответственности, содержится в Особой части Уголовного кодекса. Определяя круг деяний, совершение которых может быть основанием уголовной ответственности, законодатель учитывает их направленность (действие или бездействие), характер способа, приемов, орудий и средств совершения, цели, мотивы и характер вины, а также характеристику личности преступника.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 14—15.

К числу оснований уголовной ответственности законодатель относит совершение преступлений против здоровья. Они представляют собой такие общественно опасные деяния, при совершении которых умышленно или неосторожно причиняется вред здоровью человека. Общественная опасность этих преступлений обусловлена посягательством на одно из самых ценных благ человека. Лишение человека здоровья, даже и кратковременно, сопряжено с причинением ему физического, морального, а часто и материального вреда. Нанесение телесных повреждений, побоев или совершение других подобных преступлений не только причиняет вред здоровью, но и затрагивает другие интересы личности.

Причинение вреда здоровью отвлекает силы человека на восстановление утраченного блага: лечение, приспособление к новым неблагоприятным условиям. Это отвлекает его от творческого труда, семьи, от участия в работе общественных организаций.

Потеря здоровья часто влечет за собой лишение возможности принять меры, необходимые для личной гигиены, физической тренировки, для укрепления организма. Кроме того, причинение вреда здоровью человека часто лишает его возможности выполнить важнейшие общегосударственные обязанности (может препятствовать призыву на действительную военную службу, прохождению военной или другой специальной службы и т. п.).

Нанесение телесных повреждений или совершение иных преступлений против здоровья — большая травма не только для потерпевшего, но и для его родственников.

Общественная опасность этих преступлений определяется тем, что виновный сознает противоправность содеянного, так как посягает на блага, ценность которых ему хорошо известна.

Существует мнение, что понятие здоровья не требует какого-либо определения. Этим, видимо, объясняется отсутствие его разъяснения в энциклопедиях. Однако, когда речь идет о здоровье как благе, которое берется под защиту уголовным законом, и когда в зависимости от причиненного здоровью вреда устанавливаются разные по тяжести наказания, представляется необходимым остановиться на этом понятии.

Под здоровьем понимают нормальную жизнедеятельность правильно функционирующего человеческого

организма. Это означает, что человеческий организм находится в таком состоянии, при котором нормально действуют все его органы и правильно функционируют все его системы¹. Когда мы говорим о здоровье человека как об объекте защиты уголовным законом, то имеем в виду его состояние в момент совершения противоправных действий. Аномалии в организме человека не влияют на конструкцию и характер ответственности за преступления против здоровья.

Каждое преступление в конечном итоге посягает на общественные отношения. Указывая на здоровье как объект уголовноправовой защиты, мы рассматриваем его не только как биологическую категорию, а как признак, присущий индивиду как участнику общественных отношений².

Обеспечение защиты здоровья средствами уголовного права достигается законодателем не только путем установления уголовной ответственности за деяния, преступное содержание которых состоит в посягательстве на здоровье другого человека.

Вред здоровью может быть причинен при бандитизме и разбое, при совершении транспортных и других преступлений. Однако при этом основанием уголовной ответственности выступают действия, направленные против основ государственного управления, государственной, общественной или личной собственности и т. п.

Причинение вреда здоровью не является обязательным признаком этих преступлений. Увечья, телесные повреждения или иные последствия названных или подоб-

¹ А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 4—5; П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 9—10; М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 280; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, М., 1955, стр. 569.

² Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, автореферат докт. дисс., М., 1956, стр. 16; И. Д. Смолюк, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 3; В. В. Орехов, Основные вопросы общего учения об уголовной ответственности за телесные повреждения («Вестник Ленинградского университета», серия экономики, философии, права, 1957, вып. 2).

ных преступлений не меняют их юридической природы: они остаются преступлениями не против личности, а против основ государственного управления, собственности, общественной безопасности и т. п. Тяжесть причиненного здоровью вреда в подобных случаях может только влиять на степень общественной опасности личности преступника и преступления в целом.

Напротив, основное содержание преступлений против здоровья состоит в том, что при их совершении вред причиняется непосредственно и только здоровью человека. Преступлениями против здоровья признаются такие предусмотренные законом общественно опасные деяния, при привлечении к ответственности за которые основанием уголовной ответственности является причинение вреда здоровью.

Представляется, что существующее в юридической литературе определение преступлений против здоровья или отдельных преступлений этой категории только как умышленное или неосторожное противоправное причинение вреда здоровью другого лица¹ не точно. Недостаток такого определения заключается в том, что оно не содержит указания на признаки, отграничивающие преступления против здоровья от других преступлений, при совершении которых также причиняется вред здоровью другого человека. Например, при совершении побега из места заключения, сопряженного с насилием над стражей, или небрежном хранении огнестрельного оружия, повлекшем тяжкие последствия, также причиняется вред другому лицу. Однако только преступления против здоровья для привлечения к уголовной ответственности требуют совершения действий, причиняющих вред здоровью другого лица.

§ 2. ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

Действующее уголовное законодательство предусматривает нормы, специально призванные охранять здо-

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, часть Особенная, М., 1955, т. 1, стр. 569, А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 4, П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 11, И. Д. Самолук, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 2—3.

рове человека. Этими нормами определено содержание преступлений против здоровья, к числу которых относятся прежде всего телесные повреждения, чаще всего встречающиеся в судебной практике.

Особый вид преступлений против здоровья составляет умышленное нанесение ударов, побоев или совершение иных насильственных действий, причиняющих физическую боль.

Некоторыми авторами высказывается мнение, что нанесение ударов, побоев и совершение иных насильственных действий, причиняющих физическую боль, не имеет самостоятельного значения и представляет частный случай телесных повреждений¹.

Такое мнение сложилось, видимо, потому, что УК РСФСР предусмотрел уголовную ответственность за нанесение побоев в одной статье с легкими телесными повреждениями и определил для них общую санкцию.

В законодательстве встречаются нормы, определяющие ответственность за два самостоятельных преступления. Так, УК РСФСР в одной статье предусматривает ответственность за бродяжничество и попрошайничество (ст. 209), за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество (ст. 153) и т. п. Однако это не меняет их индивидуального социально-политического содержания и не отождествляет их. Что же касается нанесения ударов, побоев и причинения физической боли, то следует подчеркнуть, что УК большинства союзных республик предусматривают это преступление в виде самостоятельного состава, и только уголовные кодексы РСФСР и БССР определяют уголовную ответственность за побои в одной статье с умышленными легкими телесными повреждениями.

Вред здоровью может быть причинен и путем введения в организм инфекций. Такое деяние также посягает на здоровье человека и в зависимости от конкретных последствий при наличии всех признаков преступления может квалифицироваться как разное по тяжести телесное повреждение. Закон определяет особую ответственность за заражение венерической болезнью, рассматри-

¹ П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 8—10.

вая его как самостоятельное преступление против здоровья.

В действующем уголовном законодательстве всех союзных республик предусмотрена специальная ответственность за истязания. Истязание предусмотрено или как самостоятельное преступление, или как квалифицирующий признак разных по тяжести телесных повреждений.

К преступлениям против здоровья относится также незаконное производство аборта.

Искусственное прерывание беременности неизбежно связано с причинением вреда здоровью женщины. Поэтому непосредственным объектом незаконного аборта советские юристы единодушно признают здоровье женщин. Кроме того, некоторые авторы к этому объекту относят интересы народонаселения, плод и др. Однако при построении системы преступлений против личности это преступление располагают в группе преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье¹.

Такое решение вопроса представляется по меньшей мере нелогичным. Указанные авторы безоговорочно считают, что объектом незаконного аборта является здоровье женщины и что этим преступлением реально причиняется вред здоровью.

При незаконном аборте не просто создается угроза здоровью и жизни, а причиняется разный по тяжести вред здоровью. Не случайно при аборте, даже сделанном в стационаре, женщина временно становится нетрудоспособной, о чем лечебным учреждением выдается документ, подтверждающий это состояние.

Таким образом, действующее уголовное законодательство к преступлениям против здоровья относит: телесные повреждения, побои или иное причинение физической боли и незаконный аборт.

¹ М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 412—424; Г. А. Мендельсон, Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 16; Ш. С. Рашковская, Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, М., 1959, стр. 7; «Уголовное право. Особенная часть», М., 1966, стр. 191.

Интересы охраны здоровья человека требуют осуществления эффективных мер по предотвращению преступных посягательств на здоровье человека.

Вести успешную борьбу с преступностью невозможно без глубокого изучения причин преступности в целом и отдельных преступлений или их групп. Причины преступлений против здоровья распадаются на две основные группы: причины, обуславливающие совершение преступлений вообще, и причины, присущие именно преступлениям этой группы. Помимо выявления причин определенной категории преступлений, и в частности преступлений против здоровья, большое значение имеет выявление условий, способствующих их совершению. Научным изучением причин преступности и разработкой мер по предупреждению преступлений занимается криминология¹.

Средства предупреждения преступности, и в частности преступлений против здоровья, весьма многообразны. Это средства широкой профилактической работы (в семье, школе, на производстве, меры по искоренению неуважительного отношения друг к другу в коллективе и т. п.) и специальные

¹ А. А. Герцензон, Введение в советскую криминологию, М., 1965, стр. 103—140; В. Н. Кудрявцев, К вопросу об изучении причин преступности, «Советское государство и право» 1964 г. № 5; «Советская криминология», М., 1966, стр. 55—85; 109—126; Коллектив авторов, Расследование и предупреждение телесных повреждений, М., 1964; И. И. Карпец, О природе и причинах преступности в СССР, «Советское государство и право» 1966 г. № 4; «Преступность и ее предупреждение», Сборник статей под ред. М. Д. Шаргородского и Н. В. Кана, Л., 1966, стр. 20—58.

меры, состоящие в улучшении и совершенствовании охраны общественного порядка. Особое место занимают меры уголовноправового порядка.

Борьба с преступлениями против здоровья должна осуществляться на основе строжайшего соблюдения социалистической законности. Особое значение в этом случае приобретает правильное применение действующего уголовного законодательства.

Правильная квалификация преступлений обеспечивает эффективную борьбу с преступностью и правильное воздействие наказания как на лицо, совершившее преступление против здоровья, так и на других неустойчивых граждан. Для этого необходимо глубокое знание действующего уголовного законодательства, выявление социально-политического содержания каждой уголовноправовой нормы.

Анализ состава преступления служит проверенным средством исследования действующего законодательства. Исходя из этого, мы предполагаем остановиться на общих признаках преступлений против здоровья и проанализировать конкретные нормы Особенной части Уголовного кодекса РСФСР.

§ 1. ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

Объектом исследуемых преступлений является здоровье человека. Однако, когда говорится о здоровье как об объекте преступления, имеется в виду не только чисто физиологическое понятие здоровья, но и его социальное и общественное значение. Предусматривая охрану здоровья уголовным правом, закон имеет в виду необходимость регулирования и охраны определенных общественных отношений в связи с обеспечением неприкосновенности личности, жизни, здоровья, свободы и других благ.

Советское уголовное право, как и другие отрасли социалистического права, регулирует определенные общественные отношения. Как правильно отмечал Б. С. Никифоров, «уголовное право, регулируя своими нормами поведение людей, тем самым закрепляет общественные отношения социализма и охраняет их от нарушений»¹.

¹ Б. С. Никифоров, *Объект преступления по советскому уголовному праву*, М., 1960, стр. 13.

Охрана и совершенствование социалистических общественных отношений в современных условиях приобретают особое значение. Программа КПСС выдвинула как одну из главных задач коммунистического строительства развитие социалистических общественных отношений в отношении коммунистические.

Уголовное право обеспечивает защиту социалистических общественных отношений от преступных посягательств, ведет борьбу с общественно опасными действиями.

Нормами уголовного права охраняются не все общественные отношения, а только те из них, причинение вреда которым может повлечь тяжкие последствия. Следовательно, объектом преступления выступают не все общественные отношения, а только те, которые охраняются уголовным законом¹.

Рассматривая общественные отношения как объект преступления, необходимо хорошо представлять себе, какое место в механизме общественных отношений занимает личность.

В. И. Ленин писал, что «социолог-материалист, делая предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения»².

Такое содержание общественных отношений показывает, что закон, охраняя общественные отношения, тем самым охраняет и «реальных личностей», из действий которых и слагаются общественные отношения.

¹ В. Н. Кудрявцев, *К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления* («Советское государство и право» 1951 г. № 8); Н. И. Загородников, *Понятие объекта преступления в советском уголовном праве* («Труды Военно-юридической Академии», XIII, М., 1951); Г. А. Кригер, *К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве* («Вестник Московского университета» 1955 г. № 1); М. А. Гельфер, *Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве* («Ученые записки Всесоюзного заочного юридического института», М., 1959, вып. VII); А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1961, стр. 117; Б. С. Никифоров, *Объект преступления по советскому уголовному праву*, М., 1960, стр. 8—18; «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1964, стр. 84—85.

² В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 4, стр. 424.

Каждое преступление причиняет вред интересам человека. Однако механизм его воздействия при совершении различных преступлений не одинаков. Определяющий признак преступления (его общественная опасность) состоит в том, что оно причиняет или может причинить вред членам общества.

Общественная опасность не означает, что преступлением наносится вред интересам общества вообще, вне прямой зависимости от отдельных личностей. Интересы общества нельзя рассматривать как нечто оторванное от отдельно взятых индивидов.

Определенную группу преступлений образуют действия, которые посягают на общественные отношения путем воздействия прежде всего на субъектов общественных отношений, на личность.

Охрана личности как субъекта общественных отношений предполагает охрану жизни, а также неразрывно связанных с жизнью благ — здоровья, свободы, достоинства и др. Здоровье человека, таким образом, выступает как объект преступления определенной группы преступлений против личности.

Здоровье — это состояние человеческого организма, при котором нормально функционируют все его части, органы и системы.

Каждый человек — и безукоризненно здоровый, и страдающий различными недугами — обладает здоровьем в той или иной степени.

Уголовный закон охраняет фактическое состояние здоровья лица в данный момент независимо от его качества и индивидуальных особенностей. При этом охрана здоровья не ставится в зависимость от личности потерпевшего.

Советское уголовное законодательство предусматривает особую ответственность за причинение тяжкого телесного повреждения государственным и общественным деятелям или представителям власти в связи с их государственной или общественной деятельностью (ч. 2 ст. 66 УК РСФСР), а также представителям иностранных государств (ч. 2 ст. 67 УК РСФСР) и предусматривает в этих случаях повышенное наказание. Однако повышенное наказание в этих случаях обусловлено не стремлением создать особые условия ответственности при посягательстве на здоровье указанных лиц, а тем, что при

совершении названных общественно опасных деяний осуществляется посягательство на важнейшие общегосударственные интересы¹. При совершении этих преступлений виновный стремится причинить Советской власти ущерб, действуя со специальной целью подрыва или ослабления Советского государства, провокации войн и международных осложнений². Эти признаки названных деяний характеризуют их особую, повышенную опасность и обуславливают отнесение их к особо опасным государственным преступлениям и назначение за их совершение повышенного наказания.

Среди преступлений против порядка управления и среди воинских преступлений также содержатся преступления, совершение которых сопряжено с причинением вреда здоровью (ч. 2 ст. 193, ст. 242 УК РСФСР). Однако и в этих случаях повышенное наказание установлено не потому, что вред причинен здоровью должностных лиц, начальников или общественных деятелей, а в связи с тем, что причинение вреда здоровью при указанных в законе условиях означает посягательство прежде всего на порядок государственного управления, на порядок несения военной службы и воинскую дисциплину, а это придает названным преступлениям повышенную опасность.

В приведенных случаях мы сталкиваемся с так называемыми двуобъектными преступлениями. При их совершении осуществляется одновременно преступное посягательство на здоровье и на другие общественные отношения.

К числу двуобъектных преступлений относится также разбой, при котором осуществляется преступное посягательство на личность и на социалистическую (ст. 91) или личную (ст. 146 УК РСФСР) собственность. Здесь, как и при террористическом акте, совершенном путем причинения тяжкого телесного повреждения, основное содержание преступления определяется не причинением вреда здоровью, а посягательством на другие охраняемые уголовным законом общественные отношения. За-

¹ См. об этом подробнее в гл. VI настоящей работы.

² В. А. Владимиров, П. Ф. Гришанин и др., Государственные преступления, М., 1961, стр. 43, 49; Д. И. Богатилов, И. А. Бушуев и др., Особо опасные государственные преступления, М., 1963, стр. 104—105; «Уголовное право, часть Особенная», М., 1966, стр. 34—36; 39—40; 141—142, 272—275.

конодатель, исходя из этого и учитывая, что второй объект этих преступлений определяет их основное содержание, не относит их к числу преступлений против личности.

Объектом преступлений против здоровья выступает только здоровье другого человека. Причинение вреда своему здоровью не образует преступления. Только в случае, когда причинение вреда своему здоровью (членовредительство) избирается как средство совершения другого преступления — уклонения от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 80 УК РСФСР) или уклонения военнообязанного от учебных сборов и воинского учета (ст. 198¹ УК РСФСР), такие деяния влекут уголовное наказание¹.

Причинение вреда здоровью человека возможно с момента зачатия, с момента зарождения плода в утробе матери.

Доказано, какой большой вред причиняет здоровью вынашиваемого ребенка употребление матерью спиртных напитков, различных химикатов в целях прерывания беременности или других медикаментов, принимаемых беременной без разрешения врачей². Государство осуществляет систему мер по охране материнства и младенчества с целью охраны здоровья людей, начиная с их внутриутробного состояния.

Однако уголовноправовая защита здоровья начинается с момента рождения человека.

¹ В. М. Чхиквадзе, Советское военно-уголовное право, М., 1948, стр. 323—324, «Воинские преступления», М., 1956, стр. 117—120; «Уголовное право», М., 1966, стр. 74.

² Жертвами новых патентованных «лечебных» средств, выпускавшихся на западе, стали тысячи детей. В 1960—1961 гг. в ФРГ были выпущены новые препараты: «талидомид», «прелюдин», «контерган», «диставал» и др. Новые «лекарства» усиленно рекламировались как патентованные, успокаивающие средства против всякого рода неприятных явлений во время беременности. Эти средства были распространены в Бельгии, ФРГ, Италии, Австралии и других странах.

Употребление этих средств, выпущенных без медицинской проверки, вызвало катастрофические последствия.

В одной только Западной Германии от «контергана» пострадало более пяти тысяч новорожденных. Дети рождались без рук и без ног, у некоторых отсутствовали пальцы и уши, другие оказывались глухими и немыми, третьи появлялись на свет с другими физическими недостатками. Все это оказалось результатом преступных махинаций хищников-монополистов, не останавливающихся ни перед чем ради наживы («Известия» 27 ноября 1962 г. № 282 (14136)).

«Здоровье ребенка,— справедливо указывает проф. М. Д. Шаргородский,— может быть объектом телесного повреждения с момента начала родов»¹. Действия, которые совершаются в отношении беременной и плода и которые могут причинить вред здоровью младенца до его рождения, не охватываются преступлениями против здоровья. Они могут квалифицироваться как преступление только в том случае, если они причинили вред здоровью беременной.

В связи с охраной здоровья детей встает вопрос о роли родителей в определении форм и методов лечения детей и подростков в возрасте до 16 лет.

По существующим правилам хирургические операции лицам моложе 16 лет производятся лишь с согласия их родителей или опекуна, это было установлено в декабре 1924 г.). На страницах советской медицинской печати был поднят вопрос о том, что за это время значительно поднялся уровень медицинской науки и советского здравоохранения, и потому оно нуждается в пересмотре². В самом деле, в соответствии с этим правилом охрана здоровья ребенка, меры по его сохранению или восстановлению ставятся в зависимость от воли родителей, которые подчас не компетентны в вопросах медицины.

Нам кажется, что в решении вопросов об избрании метода лечения, в том числе и хирургического, большая роль должна принадлежать работникам медицины. Может быть, необходимо установить, чтобы эти вопросы решались коллегиально, с участием родителей, но не исключительно и не только родителями.

При выяснении содержания объекта посягательства в преступлениях против здоровья необходимо иметь в виду, что эти преступления причиняют вред конкретным лицам, которые выступают в качестве потерпевших. Согласно уголовно-процессуальному закону (ст. 53 УПК РСФСР) потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (разрядка наша.—Н. З.). В рассматриваемых преступлениях потерпевшим может высту-

¹ М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 310.

² «Право родителей и ответственность врача», «Медицинский работник» 9 февраля 1960 г., «Медицинский работник» 5 мая 1960 г.

пать только физическое лицо. Если посягательство было совершено против здоровья ребенка или больного, не способного сознавать свои поступки, потерпевшими считаются родители, опекуны или лица, их заменяющие¹.

Потерпевший является участником процесса при рассмотрении уголовного дела. Он может заявлять ходатайства, предъявлять суду доказательства о характере причиненного ему вреда, о тяжести повреждения его здоровья, поддерживать обвинение и т. п. Если в результате телесных повреждений потерпевший полностью или в какой-то части утратил трудоспособность или понес материальный ущерб в связи с лечением или по иным причинам, он может требовать через суд возмещения причиненного ущерба.

§ 2. ДЕЙСТВИЕ (БЕЗДЕЙСТВИЕ) ПРИ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ

Преступления против здоровья характеризуются совершением противоправных действий или бездействием (когда виновный обязан был совершить те или иные действия). Характер действий в преступлениях против здоровья определяется содержанием и индивидуальными свойствами тех благ, на которые направлены преступные деяния.

Здоровье человека, степень его уязвимости, качество сопротивляемости организма воздействию внешней среды, характер восприимчивости внешних воздействий отдельными органами и частями человеческого тела определяют форму действий при совершении преступлений против здоровья.

Действия могут иметь форму механического воздействия на здоровье человека: повреждение частей тела человека, нарушение функций его органов или причинение физической боли. Они могут причиняться правонаруши-

¹ В. М. Савидкий, И. И. Потеружа, Потерпевший в советском уголовном процессе, М., 1963; В. Дубровинный, Кто является потерпевшим от преступления?, «Социалистическая законность» 1965 г. № 4; М. М. Выдря, Гарантии прав потерпевшего и его представителя при рассмотрении уголовного дела в суде, «Советское государство и право» 1965 г. № 7.

телем путем воздействия рук, ног, головы или с применением твердых предметов, оружия и т. п. При совершении этих преступлений могут использоваться различные химические или биологические средства: отравляющие вещества, бактерии инфекционных заболеваний, химикалии, вызывающие, например, ожоги, язвы, и т. п.

Преступление против здоровья возможно осуществить и путем психического воздействия на человека: «Многочисленные эксперименты показывают,— пишет проф. Ф. Углов,— что отрицательный психологический раздражитель (а грубое слово, говоря научно, и есть отрицательный раздражитель) оказывает вредное влияние на течение всех физиологических функций, резко ухудшает течение болезненных процессов»¹. В этой же статье проф. Ф. Углов приводит слова академика К. М. Быкова о том, что «эмоциональные воздействия могут часто оказывать во много раз больше влияния, чем какой-либо физический фактор, что слово может наносить глубокие изменения во всем организме».

Судебная практика подтверждает возможность воздействия на здоровье психическими средствами. Однако констатация, доказывание и процессуальное закрепление доказательств преступного воздействия на организм человека этими средствами весьма затруднены².

Бездействие как способ посягательства на здоровье человека означает, что лицо, обязанное не допустить причинения вреда здоровью другого человека, о котором виновный обязан проявлять заботу, бездействует, не принимает необходимых мер.

Действие или бездействие при преступлениях против здоровья носит противоправный характер. Их противоправность в рассматриваемых преступлениях понятна каждому, так как при этом осуществляется посягательство на такие блага, которые имеются у каждого человека, и вредность их утраты или причинения им ущерба очевидна.

Противоправность деяния при преступлениях против здоровья могут исключать необходимая оборона, выпол-

¹ Ф. Углов, Грубое слово, «Известия» 3 сентября 1962 г.

² Интересный пример причинения тяжкого телесного повреждения путем психического воздействия на потерпевшего приводит П. А. Дубовец в работе «Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву», М., 1964, стр. 20—21.

нение профессиональных функций, крайняя необходимость и другие обстоятельства, исключающие противоправность и общественную опасность деяния.

Преступное воздействие на здоровье человека образует законченное преступление только в том случае, если эти действия вызвали вредные последствия, размер, характер и объем которых весьма разнообразны. Так, в отличие от преступлений против жизни, где последствиями может быть только причинение смерти, в преступлениях против здоровья последствия по своему содержанию определяются в зависимости от того, какому органу причинен вред, насколько тяжелым для организма в целом является причиненный вред, какова сила боли и страданий, какова степень утраты трудоспособности в результате причинения вреда здоровью и т. п.

При совершении некоторых преступлений для окончательного состава преступления необходимо наступление указанных в законе последствий, например, утраты трудоспособности, прерывания беременности, заражения венерической болезнью и т. п. При совершении других преступлений важно установить, что эти действия могли причинить вред здоровью или повлечь за собой другие тяжкие последствия, например смерть потерпевшего.

В тех случаях, когда законодатель конструирует состав преступления против здоровья таким образом, что включает в него в качестве необходимого элемента определенные последствия, то необходимо установление причинной связи между преступными деяниями (действием или бездействием) и наступившими вредными последствиями.

Это требование последовательно проводится в судебной практике. Пленум Верховного Суда СССР при рассмотрении дела В. и И. отменил приговор народного суда и все решения других судебных инстанций исходя из того, что не была установлена причинная связь между нанесением побоев и наступлением смерти потерпевшего. Как было установлено по этому делу, «В. во время работы поссорился с потерпевшим Р., и между ними несколько раз возникала драка, которая прекращалась вследствие вмешательства других работников совхоза. Вечером того же дня Р. вместе с другими лицами направился на автомашине в село Найду. Как только автомашина выехала из гаража, в нее на ходу сел В. и стал избивать Р. Тут

же в автомашину прыгнул И., который, как указано в приговоре, «стал помогать В. в избивании Р.». Водитель остановил машину с помощью Н. высадил из машины В. и И. ...После этого происшествия автомашина отправилась дальше, и в пути следования Р. высказал жалобы на боли в животе, в связи с чем был доставлен в больницу, и после произведенной операции скончался.

Обвинение В. в причинении тяжких телесных повреждений Р., повлекших смерть, и И. в пособничестве в этом преступлении нельзя признать обоснованным. ...Непосредственная причина смерти Р., — указал Пленум, — по делу не установлена». Для правильного решения этого дела Пленум Верховного Суда СССР предложил установить «подлинные причины смерти Р., выяснить, какие конкретно повреждения были причинены ему действиями осужденных и к какой категории телесных повреждений они относятся в соответствии с правилами определения степени тяжести телесных повреждений, находится ли смерть Р. в непосредственной причинной связи с теми повреждениями, которые были нанесены ему во время избивания...»¹ (разрядка наша. — Н. З.).

Решение вопросов о характере и степени тяжести телесных повреждений требует специальных медицинских познаний и поэтому осуществляется врачами-специалистами, привлекаемыми следственными и судебными органами в качестве экспертов.

Уголовно-процессуальное законодательство специально указывает, что «проведение экспертизы обязательно: 1) для установления причины смерти и характера телесных повреждений...» (ст. 79 УПК РСФСР).

Судобномедицинская экспертиза, таким образом, назначается для констатации характера и тяжести вреда, причиненного здоровью. Квалификация преступного деяния против здоровья по определенной статье уголовного кодекса осуществляется судом на основании заключения эксперта с учетом всех обстоятельств дела.

Причинение телесного повреждения может исключать уголовную ответственность, если эти действия соверша-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1964 г. № 3, стр. 34—36.

ются в лечебных целях, например ампутация конечностей, при определенных заболеваниях, удаление того или иного органа в результате полостной операции и т. п. В необходимых случаях для таких операций требуется согласие больного.

Однако согласие потерпевшего на причинение телесных повреждений или на причинение иного вреда здоровью исключает уголовную ответственность не во всех случаях. Ответственность исключается только в том случае, если «телесное повреждение» осуществляется в целях оказания помощи больному для облегчения его страданий и лицами, имеющими право производить хирургические операции.

Причинение вреда здоровью, даже по просьбе потерпевшего, но без соблюдения этих условий, не исключает уголовной ответственности. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР своим определением от 28 марта 1962 г. по делу Г., который был признан виновным в том, что он 5 января 1962 г. по просьбе гр-на Б. отрубил ему кисть правой руки, признала правильным квалификацию действий Г. по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Суд квалифицировал эти действия по ч. 2 этой статьи на том основании, что Г., отрубив потерпевшему кисть правой руки, причинил ему тяжкое телесное повреждение.

Для определения тяжести преступлений против здоровья имеет значение не только характер вреда, причиненный здоровью, но и то, какими действиями этот вред причинен, в какой обстановке и др. В законе особо выделена ответственность за причинение вреда здоровью путем заражения венерической болезнью. Такие, например, признаки преступлений против здоровья, как систематичность деяний, указаны в законе как отягчающее обстоятельство. Отягчающим обстоятельством закон называет мучения, истязание потерпевшего.

Уголовные кодексы союзных республик называют в качестве признаков тяжкого телесного повреждения и другие признаки, характеризующие способ действия при преступлениях против здоровья. Уголовный кодекс Латвийской ССР (ч. 2 ст. 105) в качестве квалифицирующего признака называет способ, опасный для жизни и здоровья многих лиц, Уголовный кодекс Эстонской ССР (п. 5 ст. 107) называет тот же способ, но упоминает

только об опасности для жизни. Уголовный кодекс Казахской ССР (ч. 2 ст. 93) считает отягчающими обстоятельствами тяжкого телесного повреждения признаки, указанные в статье о квалифицированном убийстве, где также говорится о способе совершения преступления. При определении ответственности за такое преступление, как криминальный аборт, указывается на совершение этого преступления вне больницы.

Эти и другие признаки, относящиеся к объективной стороне преступления, присущи не всем преступлениям названной группы. Они указываются в законе только как признаки, отягчающие ответственность, и будут подробно рассмотрены при анализе соответствующих составов преступлений против здоровья.

§ 3. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется тем, что уголовная ответственность за вред, причиненный здоровью, может наступить только в том случае, если виновный совершил деяние умышленно или по неосторожности.

В действующем законодательстве РСФСР и других союзных республик определена разная ответственность за преступления против здоровья, совершенные умышленно или по неосторожности.

Более тяжким преступлением закон считает умышленное совершение этих преступлений. За некоторые преступления против здоровья уголовная ответственность устанавливается только в случаях, когда они совершаются умышленно — аборт (ст. 116 УК), нанесение побоев (ст. 112 УК) и др.

Субъективное отношение виновного к своим действиям и их последствиям в преступлениях против здоровья представляется в некоторых из этих преступлений в довольно сложном виде. Это объясняется тем, что содержание рассматриваемых преступлений по своим объективным и субъективным признакам сложно, особенно когда речь идет о субъективном отношении виновного к своим действиям и к последствиям, которые они вызывают. Имеются в виду не все последствия умышленного преступного деяния, а те, которые законодатель опреде-

ляет как элемент состава или как квалифицирующее обстоятельство. В этом случае необходимо рассматривать отдельно субъективное отношение виновного к преступному действию и к преступным последствиям.

Некоторые юристы считают это деление искусственным. «Понятие вины,— пишет А. Б. Сахаров,— не может определяться отдельно, а тем более различно в отношении преступных действий и их последствий. Это означало бы искусственный разрыв между действиями лица и причиняемым ими вредным результатом, образующим в своем единстве общественно опасное посягательство»¹.

Другие юристы, напротив, считают, что такое деление вполне допустимо, так как оно отражает подлинное психическое отношение субъекта к своим действиям и последствиям своих действий².

Наиболее ярко такое психическое отношение к действиям и их последствиям проявляется при преступлениях против здоровья. Например, при криминальном аборте прерывание беременности возможно только умышленно, а отношение к последствиям смерти потерпевшей — только в форме неосторожности.

Однако субъективное отношение к действиям и к последствиям при совершении преступлений против здоровья носит весьма своеобразный характер. Оно состоит в том, что имеется в виду разное субъективное отношение не к последствиям деяния вообще, а только к тем, которые являются так называемыми квалифицирующими обстоятельствами³. Что же касается последствий, являю-

щихся элементом того или иного состава преступления против здоровья, то отношение к ним определяет содержание вины в целом.

При совершении преступлений против здоровья их тяжесть определяется степенью вреда, причиненного здоровью. Субъективное отношение к наступлению этого вреда и будет определять содержание субъективной стороны содеянного в целом.

Такое понимание субъективной стороны указанных преступлений полностью разделяется практикой. А. был признан виновным в том, что «он вечером 29 января 1961 г. в своей квартире на почве неприязненных отношений и возникшей ссоры с гр. Л. нанес последней удары ногой и рукой в живот, причинив ей тяжкие телесные повреждения, выразившиеся в прерывании шестинедельной беременности». Суд первой инстанции квалифицировал действия А. по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР как тяжкое телесное повреждение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев это дело, указала: «Выводы органов следствия и суда о том, что А. имел умысел на причинение Л. тяжкого телесного повреждения, нельзя признать обоснованными. Материалами дела установлено, что А. во время ссоры с Л. не знал о ее беременности, так же как об этом не знала и сама Л.

Нанося удары в живот Л., осужденный А. не предвидел и наступления таких тяжких последствий, как прерывание беременности, хотя должен был и мог предвидеть наступление тяжких последствий своих действий.

При таких данных преступление А. надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 114 УК РСФСР как неосторожное тяжкое телесное повреждение»¹.

Из этого определения видно, что основное содержание субъективной стороны преступления против здоровья

¹ А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву, М., 1956, стр. 111—112; Г. А. Кригер, Еще раз о смешанной форме вины, «Советская юстиция» 1967 г. № 3.

² А. А. Пионтковский, Учение о преступлении, М., 1961, стр. 398; А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, часть Особенная, 1955, т. 1, стр. 583—584; Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 120—121; В. Кириченко, Смешанные формы вины, «Советская юстиция» 1966 г. № 19, стр. 13—14; Б. А. Куринов, Установление субъективной стороны преступления при посягательстве на жизнь и здоровье человека, «Советское государство и право» 1967 г. № 6, стр. 135.

³ А. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 90; Ю. Милько, С. Булатов, А. Мамутов, Ответственность за преступления против личности по Уголовному кодексу Казахской ССР, Алма-Ата, 1961, стр. 45; Н. Загородников,

А. Игнатов, Преступления против личности, М., 1962, стр. 35; А. Филиппов, Борьба с умышленными телесными повреждениями по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Л., 1964, стр. 14; П. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 43; Э. Побегайло, Умышленные убийства и борьба с ними, Воронеж, 1965, стр. 63.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 6 февраля 1962 г. по делу А. № 78-Д2 ор-12.

суд усмотрел не в субъективном отношении виновного к своим действиям. Эти действия были совершены умышленно — виновный сознавал общественно опасный характер своего действия, сознательно наносил удары в живот потерпевшей. Содержание субъективной стороны определило отношение к последствиям — прерыванию беременности. Прерывания беременности виновный не предвидел, но должен и мог это предвидеть. Поэтому в целом Судебная коллегия квалифицировала действия виновного как неосторожное преступление.

По затронутому вопросу совершенно правильно указывал проф. Н. Д. Дурманов: «Если последствия являются конститутивным признаком состава преступления и отношение к последствию было в форме самонадеянности или небрежности, то все преступление должно быть признано совершенным по неосторожности»¹.

Это точно выраженное определение роли субъективного отношения к последствиям при определении формы вины преступления в целом нуждается в одном уточнении. Если последствие и было конститутивным признаком состава, но выступало в роли квалифицирующего признака, то возможно несовпадение форм вины в отношении действия и в отношении последствия. С этим как раз мы и встретились при анализе субъективных оценок тяжкого телесного повреждения или аборта, повлекших смерть потерпевшего.

При анализе субъективной стороны преступлений против здоровья встречаются следующие сочетания субъективного отношения виновного к действиям и их последствиям:

- а) умысел как в отношении действий, так и последствий — преступление умышленное;
- б) умысел в отношении действий и неосторожность в отношении последствий — преступление неосторожное;
- в) неосторожность в отношении действий и неосторожное отношение к последствиям — преступление неосторожное.

При определении ответственности за преступления против здоровья уголовные кодексы большинства союз-

ных республик не называют характер целей и мотивов как признаков, влияющих на квалификацию действий виновного. Исключение составляет выделение специальных составов тяжкого и менее тяжкого телесного повреждения, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправным поведением потерпевшего, а также при превышении пределов необходимой обороны. При этом следует отметить, что Уголовный кодекс Казахской ССР, отсылая при определении признаков тяжкого телесного повреждения к признакам умышленного убийства, включает тем самым в состав этого преступления такие признаки, как корыстный мотив, хулиганские побуждения и др. Уголовный кодекс Эстонской ССР при определении квалифицированного состава особо тяжкого телесного повреждения называет в числе квалифицирующих признаков хулиганские побуждения и совершение преступления в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга. Этот признак называет также и Уголовный кодекс Молдавской ССР.

Цели и мотивы совершения преступлений против здоровья имеют, бесспорно, большое значение для оценки степени общественной опасности личности преступника, преступления и индивидуализации наказания.

В силу специфических особенностей преступлений против здоровья для оценки общественной опасности этих преступлений имеет значение характер психического отношения виновного к избранному способу совершения преступления (например, жестокость), обстановке, в которой совершено преступление (при аборте, например, антисанитарная обстановка), и т. п.

Для определения характера и тяжести преступления против здоровья имеет большое значение состояние психики виновного¹. Совершение преступления в результате сильного душевного волнения, вызванного противоправным поведением потерпевшего, является обстоятельством, уменьшающим общественную опасность действий виновного. Совершение этих преступлений с заранее обдуманном намерением, из корысти, хулиганских по-

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 122.

¹ В. Владимиров, Сильное душевное волнение как обстоятельство, смягчающее ответственность, «Советская юстиция» 1957 г. № 8

буждений свидетельствует при прочих равных условиях о большой опасности преступника.

Вопрос о характере субъективной стороны преступлений против здоровья представляет нередко большие трудности. Для решения этого вопроса большое значение имеют объективные свойства содеянного: в какую часть тела нанесен удар, каким оружием, с какой силой, каково поведение виновного во время совершения насильственных действий и после них и целый ряд других объективных признаков. По одному конкретному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала: «...умысел Кудимова на убийство Дубровина подтверждается обстоятельствами нанесения удара. Удар Кудимовым нанесен в жизненно важный орган — в висок головы — с большой силой, от чего лезвие ножа сломалось и осталось в голове потерпевшего. Удар наносился охотничьим ножом большого размера»¹.

Объективные данные о совершении посягательства на здоровье в совокупности с другими материалами дела позволяют составить правильную картину субъективной стороны преступления.

§ 4. СУБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

Совершение преступления вообще и преступления против здоровья в особенности представляет собой результат проявления наиболее отрицательных и опасных пережитков в быту и сознании людей. При совершении этих преступлений проявляются такие отрицательные качества личности, как эгоизм, жестокость, распушенность, преступная неосмотрительность, пренебрежение жизненно важными интересами людей. В совершении преступлений против здоровья, причинении тяжкого вреда другим лицам проявляется высокая степень общественной опасности личности преступника, что особенно нетерпимо в нашем обществе, при постоянно проявляемой государством заботе о благополучии и безопасности граждан.

Общая социально-политическая характеристика личности преступника, и в частности лиц, виновных в совершении преступлений против здоровья, указывает на не-

обходимость глубокого изучения личности преступников и правильной их классификации¹. Это будет способствовать правильному определению меры наказания и вида исправительно-трудовой колонии, в которую целесообразно направить осужденного. Кроме того, такая классификация должна помочь решить практическую задачу, состоящую в том, чтобы преступники-рецидивисты не содержались совместно с лицами, впервые осужденными, и не оказывали пагубного влияния на них².

Все лица, виновные в совершении преступлений против здоровья, как показывает изучение судебной практики, могут быть распределены по следующим пяти группам.

Первую группу образуют преступники, умышленно совершившие тяжкое телесное повреждение после осуждения за умышленные тяжкие преступления и в силу этого признанные особо опасными рецидивистами.

Вторую группу составляют лица, виновные в повторном причинении умышленных тяжких преступлений против здоровья, совершенных из низменных побуждений, жестоким способом, причинивших тяжкий вред здоровью нескольких лиц или при наличии других отягчающих обстоятельств.

Третью группу образуют лица, впервые совершившие умышленные тяжкие преступления против здоровья из низменных побуждений, жестоким способом или совершившие эти преступления при наличии других отягчающих обстоятельств.

Четвертую группу составляют лица, впервые совершившие умышленно нетяжкие и по неосторожности тяжкие преступления против здоровья, которые нуждаются

¹ К. Светлозаров, Изучение личности обвиняемого на предварительных и судебных следствиях, «Социалистическая законность» 1958 г. № 11; И. Шмаров, Б. Утевский, А. Яковлев, Изучение личности преступника и назначение наказания, «Социалистическая законность» 1958 г. № 10; «Советское исправительно-трудовое право», М., 1960, стр. 99—105; Б. Корсаков, А. Любавин, Исследование личности обвиняемого, «Социалистическая законность» 1959 г. № 2; А. М. Яковлев, Об изучении личности преступника, «Советское государство и право» 1962 г. № 11.

² Н. Р. Миронов, О некоторых вопросах предупреждения преступности и других антиобщественных явлений и борьба с ними в современных условиях, «Советское государство и право» 1961 г. № 5.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 10, стр. 7.

в исправительно-трудовом воздействии, связанном с лишением свободы.

Пятую группу образуют лица, виновные в совершении умышленных менее тяжких преступлений против здоровья или неосторожных преступлений, совершенных при смягчающих обстоятельствах, свидетельствующих о невысокой степени их общественной опасности. В эту группу входят лица, в отношении которых представляется возможным, даже если санкция закона устанавливает наказание в виде лишения свободы, ограничиться применением условного осуждения, исправительных работ или применением других более мягких мер наказания или в отношении которых возможно ограничиться применением мер общественного воздействия.

Классификация преступников, основанная на выработанных наукой критериях, позволит правильно определить виды исправительно-трудовых учреждений в отношении разных категорий преступников, чтобы обеспечить наилучшее предупредительное и воспитательное воздействие наказания¹. Каждый осужденный в соответствии с тяжестью совершенного преступления и его индивидуальными особенностями должен быть помещен в такую колонию, режим которой позволит осуществить наиболее полное исправительно-трудовое воздействие. Кроме того, такая классификация позволит избежать ошибок и не применять мер наказания, связанных с лишением свободы к лицам, не нуждающимся в изоляции от общества.

Учет характера и опасности совершенного преступления и личности правонарушителя приобретает таким образом первостепенное значение.

При социально-политической характеристике личности преступника большое значение имеет то, насколько ясно и правильно представляет себе виновный противоправность и общественную опасность совершаемого преступного действия (бездействия). Сознание противоправности преступных действий свидетельствует о высокой степени общественной опасности преступника. Отсутствие такого

сознания при совершении преступлений служит обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность.

Однако при совершении преступлений против здоровья отсутствие сознания общественной опасности и противоправности содеянного исключается, поскольку виновный посягает на такие блага, которыми он сам обладает, и имеет полную возможность практически осознать на своем личном опыте — в чем именно состоит вред, наносимый здоровью. Это обстоятельство непременно должно учитываться при определении общественной опасности личности виновного в совершении преступления.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и уголовные кодексы союзных республик устанавливают разный возраст уголовной ответственности применительно к преступлениям против здоровья. За умышленное тяжкое, менее тяжкое и легкое телесное повреждение, повлекшее расстройство здоровья (ст. ст. 108, 109, 110, 111, ч. 1 ст. 112 УК РСФСР), установлена уголовная ответственность с 14-летнего возраста. За истязание, аборт, легкое телесное повреждение и побои, не повлекшие расстройства здоровья, неосторожное телесное повреждение, заражение венерической болезнью (ст. ст. 113, 114, 116, ч. 2 ст. 112, ст. 115 УК РСФСР) ответственность наступает с 16 лет.

Установление уголовной ответственности за некоторые умышленные преступления против здоровья с 14 лет вполне оправдано. Уже с этого возраста подросток вполне дает себе отчет о том, какие общественно опасные действия он совершает, в чем их вредность, и полностью может воспринять исправительно-трудовое воздействие наказания. Однако и в этих случаях не исключена возможность, при наличии смягчающих обстоятельств, передачи дела в комиссию по делам несовершеннолетних и применение мер воспитательного характера (направление в воспитательную колонию, передача на поруки родителям и т. п.).

В отношении некоторых преступлений, общественная опасность которых не столь очевидна, закон устанавливает более высокий возраст уголовной ответственности.

При определении общественной опасности личности преступника и преступления большое значение имеют

¹ А. М. Яковлев, Об изучении личности преступника, «Советское государство и право» 1962 г. № 11; П. Ф. Гришанин, Социальная характеристика личности особо опасных рецидивистов («Труды ВШ МООН РСФСР» № 12, стр. 47—60).

индивидуальные качества личности преступника: жестокость, недисциплинированность, аморальное поведение и т. п., которые должны учитываться при определении меры наказания.

Некоторые индивидуальные качества личности преступника имеют значение для состава отдельных преступлений. К их числу относятся, например, повторное совершение преступления (УК Казахской и Эстонской союзных республик), а также профессиональную подготовку виновного при аборте.

3 Телесные повреждения

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

Телесные повреждения представляют собой один из видов преступлений против здоровья, характерный тем, что их следствием является нарушение анатомической целостности тканей или нормального функционирования тех или иных органов либо систем человеческого организма. В большинстве случаев они сопровождаются внешними проявлениями (раны, смещения, переломы, разрывы, ссадины, кровоподтеки), расстройством нервной системы и т. п. Определение характера телесных повреждений относится к компетенции медицины. Правовые нормы на основе данных медицинской науки определяют правовые последствия, характер и условия уголовной ответственности за разные по тяжести телесные повреждения. Перечень телесных повреждений дается в Правилах определения тяжести телесных повреждений¹, которые утверждены Министерством здравоохранения союзной республики по согласованию с заинтересованными ведомствами.

В РСФСР эти Правила определяют телесные повреждения, как «причинение вреда здоровью, выразившееся в нарушении анатомической целостности или физиологической функции тканей или органов воздействием факторов внешней среды»². Подобное опре-

¹ В Казахской ССР эти Правила называются: «Правила для составления заключения о тяжести телесных повреждений», Алма-Ата, 1960.

² Правила определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР 1960 г., утверждены 4 апреля 1961 г., см. «Советская юстиция» 1961 г. № 13.

деление телесных повреждений содержится в Правилах других союзных республик.

Телесным повреждением признается лишь такое причинение вреда здоровью, при котором нарушается анатомическая целостность или нормальное функционирование органов и тканей тела человека.

Следует отметить, что вред здоровью может быть нанесен и без нарушения функций и целостности органов человеческого организма (побои, истязания, причинение физической боли). Однако эти деяния не являются телесными повреждениями¹.

Определение телесных повреждений только как причинения вреда здоровью другого лица является неполным и, следовательно, недостаточно точным. Оно не раскрывает индивидуальных особенностей этих преступлений, не ограничивает их от других преступлений против здоровья, в частности от нанесения побоев, истязаний. Между тем эти преступления четко разграничиваются в законодательстве, в теории и в практической деятельности судов. В этом случае нельзя не согласиться с Н. Д. Дурмановым, утверждающим, что «телесные повреждения и насилия в виде нанесения ударов, побоев существенно различаются между собой и по объекту и по объективной стороне»².

При определении телесных повреждений очень важно подчеркнуть, что вред здоровью причиняется путем действия или бездействия, состоящих в нарушении целостности и функций органов и тканей человеческого орга-

¹ В нашей литературе высказано и другое мнение «Принципиально правильно в определение телесных повреждений включить насильственные действия: удары, побои и тому подобные действия, которые причиняют физические страдания. Удары, побои и иные насильственные действия, соединенные с причинением физической боли, так же как и все другие телесные повреждения, наносят вред здоровью человека» (П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 8).

² Н. Д. Дурманов, Понятие телесных повреждений по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1956 г. № 1, стр. 84. См. также А. П. Филиппов, Борьба с умышленными телесными повреждениями по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Л., 1964, стр. 6; «Советское уголовное право, ч. Особенная», М., 1966, стр. 188.

низма, когда «этот вред может быть точно определен»¹.

Причинение при телесных повреждениях определенно-го вреда, объективно выраженного и поддающегося точному определению соответствующими специалистами, — одно из конститутивных признаков, ограничивающих телесные повреждения от других преступлений против здоровья. При побоях и ударах также происходит известное нарушение нормального функционирования тканей и органов тела человека. При болях происходит ряд «глубоких изменений в клетках и тканях организма»². Однако в этих случаях очень трудно, а иногда и невозможно констатировать последствия таких деяний, их объем и размер.

Степень общественной опасности телесных повреждений определяется интенсивностью противоправного воздействия на здоровье потерпевшего и продолжительностью болеоощутимого периода. Нарушение анатомической целостности и функций органов и тканей организма влечет разное по продолжительности расстройство здоровья, связанное с тяжелым и интенсивным болеоощущением.

Обязательным элементом состава преступления телесного повреждения является наступление вредных последствий — ухудшение здоровья, разное по степени и по содержанию.

В зависимости от тяжести вреда, причиненного здоровью человека насильственными действиями, различаются разные по степени общественной опасности составы преступления³.

Для определения степени их общественной опасности большое значение имеют действия виновного при совер-

¹ Н. Д. Дурманов, там же; В. К. Жукова, Умышленные телесные повреждения и борьба с ними по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс. М., 1966, стр. 3.

² Н. Г. Кассиль, Победа над болью, М., 1950, стр. 11.

³ А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 88—89; Н. Д. Дурманов, Понятие телесных повреждений по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1956 г. № 1; А. А. Пионтковский, Учение о преступлении, М., 1962, стр. 366—367; П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 35; И. Самолук, Об умысле при телесных повреждениях, «Советская юстиция» 1966 г. № 13.

шении преступления. Уголовный закон предусматривает разную ответственность за умышленные и неосторожные телесные повреждения.

При умышленных телесных повреждениях субъективная сторона имеет ряд особенностей. Нередко телесные повреждения совершаются при таком психическом отношении виновного к своим действиям и их последствиям, когда он предвидит и желает или сознательно допускает наступление не какого-то определенного результата, а стремится причинить вред здоровью, не отражая в своем сознании объем и характер этого вреда. В таких случаях виновный действует с неопределенным или неконкретизированным умыслом. Например, нанося беспорядочные удары, ранения, сбрасывая с высоты, виновный не имеет ясного представления о том, какой вред наносит здоровью другого лица, не стремится к причинению определенного вреда.

Неопределенный умысел может быть прямым и косвенным. При прямом неопределенном умысле виновный, не имея конкретного представления, какой он причинит вред здоровью, желает наступления этого вреда — причинения легких, менее тяжких или тяжких телесных повреждений. При косвенном неопределенном умысле виновный не желает, но допускает наступление не какого-то определенного, а любого вреда здоровью. С таким умыслом мы встречаемся тогда, когда виновный, «сознательно допуская причинение в результате своих действий (бездействия) вреда здоровью другого человека, вместе с тем не конкретизировал для себя характер этого вреда, одинаково допуская телесные повреждения любой тяжести (так называемый неопределенный умысел)»¹.

Во время ссоры Ж. нанес потерпевшему Т. гаечным ключом несколько ударов по лицу и затылочной части головы, от чего у потерпевшего произошло кровоизлияние в глаз, и вследствие этого некоторая утрата зрения, вызвавшая стойкую утрату трудоспособности на 20%.

В данном случае действия виновного были совершены умышленно. Нанося удары, Ж. предвидел и сознавал, что причинит Т. телесные повреждения, но какие, он точно не предвидел. Его сознание отражало то, что он этими

насилованными действиями может причинить любой вред здоровью и сознательно допускал наступление этого вреда.

Своими действиями Ж. причинил здоровью потерпевшего средний по тяжести вред, и поэтому его действия были правильно квалифицированы как умышленные менее тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 109 УК). Если бы действия Ж. повлекли за собой потерю зрения или утрату трудоспособности Т. более чем на 33%, то тогда совершенное Ж. преступление квалифицировалось бы по ч. 1 ст. 108 как умышленное тяжкое телесное повреждение. Обоснованность такой квалификации при косвенном неконкретизированном или неопределенном умысле объясняется тем, что виновный допускал причинение любого вреда здоровью, в том числе и тяжкого.

При неопределенном умысле, по мнению некоторых авторов, ответственность наступает во всех случаях за то преступление, которому соответствуют по своей тяжести фактически наступившие последствия «Согласно концепции «неопределенного» умысла, — утверждает А. С. Никифоров, — в вину субъекту вменяется тот результат, который в действительности произошел от его действия»¹. Ту же позицию занимает и П. А. Дубовец, полагая, что при неопределенном умысле «ответственность должна наступать за фактически причиненное телесное повреждение»². По нашему мнению, такое решение не может быть признано безупречным, хотя и разделяется рядом авторов, исследовавших эту проблему³. Ошибка указанных авторов состоит в том, что при конструкции так называемого неопределенного умысла они упускают из виду то обстоятельство, что этот умысел может быть и прямым, и косвенным, или допускают в этом случае очевидную непоследовательность. Так, П. А. Дубовец утверждает, что «неопределенный умысел — это не какой-либо самостоятельный вид умысла (как скажем, прямой или косвенный), а разновидность прямого умысла по его содержанию»⁴ (разрядка наша. —

¹ А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 88.

² П. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 36.

³ «Комментарий УК РСФСР» под ред. Б. С. Никифорова, М., 1964, стр. 263; А. Колосов, указ. работа.

⁴ П. А. Дубовец, указ. работа, стр. 35.

¹ А. Колосов, Уголовная ответственность за телесные повреждения, «Советская юстиция» 1962 г. № 21, стр. 19.

Н. З.). Однако при оценке косвенного умысла автор также считает, что «при причинении телесных повреждений с косвенным умыслом содержание умысла всегда является неопределенным (неконкретизированным)»¹. Таким образом, неопределенный или неконкретизированный умысел может быть и прямым, и косвенным.

Исходя из содержания общих положений о значении формы умысла при конструировании ответственности за оконченное и неоконченное преступление, следует прийти к следующим выводам.

При прямом неопределенном (неконкретизированном) умисле ответственность за телесное повреждение определяется в зависимости от характера намерений виновного и фактически наступившего вреда. Если виновный, действуя с прямым неконкретизированным умыслом, причинил желаемый, хотя детально и неопределенный вред, ответственность наступает за оконченное преступление. Если желаемый результат не наступил, то ответственность наступает по правилам квалификации неоконченных преступлений. При этом виновный несет ответственность за покушение на телесное повреждение, которое он желал совершить.

Для того чтобы содеянное рассматривалось только как преступление против здоровья, виновный не должен желать причинения смерти потерпевшему. Если виновный, действуя с неопределенным прямым умыслом, совершает неопределенные насильственные действия и при этом не только допускает, но и желает наступления любых последствий, в том числе и смерти потерпевшего, однако причиняет, например, телесные повреждения средней тяжести, ответственность должна наступать не за фактически причиненный вред, а за покушение на убийство. В этом случае виновный, хотя и не конкретизировал для себя характер возможных последствий и действовал с неопределенным умыслом, он должен нести ответственность за покушение на убийство, так как он желал причинения смерти. Следовательно, он покушался на жизнь другого человека и совершил не преступление против здоровья, а покушение на убийство. На такой позиции находится судебная практика.

¹ П. А. Дубовец, указ. работа, стр. 40.

Характерно в этом отношении дело по обвинению Р., рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. Между Р. и оскорбившим его Х. произошла драка. Во время драки Р. выхватил нож и нанес Х. семь ножевых ран. По заключению судебно-медицинской экспертизы, одна из ран была проникающей в плевральную полость и поэтому опасной для жизни в момент нанесения. Следственные органы и суд усмотрели в действиях Р. преступление, подпадающее под признаки ч. 1 ст. 108 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев это дело, указала: «Из материалов дела видно, что во время драки потерпевший ничем не был вооружен. Осужденный, нанося ему удары ножом в жизненно важные органы, предвидел возможность смерти потерпевшего и желал наступления таких последствий. Об этом свидетельствует множество ран, нанесенных Р. потерпевшему Х.»¹.

Таким образом, в практике и теории признается, что так называемый неопределенный или неконкретизированный умысел при совершении преступлений против здоровья характеризуется тем, что виновный действует с намерением причинить любой вред, но у него при этом отсутствует желание причинить смерть потерпевшему.

При косвенном неопределенном умисле виновный несет ответственность только за то преступление, которому соответствует фактически причиненный вред. При косвенном умисле покушения быть не может².

Примером может служить преступление Б., действия которого первоначально были квалифицированы как покушение на убийство своей жены Н. и гр-ки Ю. по ст. 15 и п. «з» ст. 102 УК РСФСР.

Б. состоял в браке с потерпевшей, систематически пьянствовал и на этой почве устраивал скандалы. В связи с этим Н. бросила учебу и уехала к своим родителям, куда через некоторое время приехал и Б.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Р. от 23 июня 1962 г. № 21-02-1.

² Иную точку зрения высказывает И. И. Горелик, допуская возможность покушения и при косвенном умисле («Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву», Минск, 1964, стр. 31).

Вечером 17 ноября 1962 г. Б. в состоянии опьянения на закрепленной за ним автомашине приехал к клубу, где смотрела кинокартину Н. Когда она вместе с гр-кой Ю. вышла из клуба, Б. сел за руль автомашины и, двигаясь со скоростью 40 км в час, без всякой цели направил ее по пешеходной дорожке на потерпевших. Передней частью машины он сбил потерпевших и скрылся с места происшествия, причинив Н. и Ю. менее тяжкие телесные повреждения. Виновность осужденного доказана, однако, указала коллегия, квалифицировать эти действия по ст. 15 и п. «з» ст. 102 УК РСФСР неправильно.

В соответствии со ст. 15 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, которое не было доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного. Из этого следует, что покушение на совершение преступления представляет собой целенаправленную деятельность и может совершаться лишь с прямым умыслом, так как, не желая достигнуть определенного результата, лицо не может покушаться и на его достижение.

Поскольку по данному делу было установлено, что осужденный действовал не с прямым, а с косвенным умыслом, Б. должен нести ответственность не за те последствия, которые могли наступить, а за те, которые реально наступили, т. е. за умышленное менее тяжкое телесное повреждение по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР.

Этот пример убедительно показывает, что при совершении тех или иных деяний, в том числе и телесных повреждений с косвенным умыслом, ответственность наступает за те последствия, которые фактически наступили.

В некоторых случаях при телесных повреждениях умысел может носить альтернативный характер. При этом виновный предвидит возможность наступления двух или нескольких, но вполне определенных и конкретных преступных результатов и желает наступления любого из них. Например, виновный с силой ударяет потерпевшего металлической палкой по голове и предвидит возможность наступления в этом случае и смерти потерпевшего, и причинения ему тяжкого или менее тяжкого

телесного повреждения. Отношение у виновного к последствиям также альтернативное: он желает и причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, и наступления смерти. При подобном психическом отношении к последствиям своих действий виновный отвечает за более тяжкое преступление. Если в приведенном примере наступит смерть потерпевшего, содеянное образует умышленное убийство, если потерпевшему будут нанесены только увечья или будут причинены легкие или менее тяжкие телесные повреждения, то виновный должен отвечать за покушение на убийство.

Поскольку при альтернативном умысле виновный действует с большей степенью определенности и не только предвидит, но и желает наступления одного из возможных последствий, этот умысел может быть только прямым.

Альтернативный умысел не имеет самостоятельного значения, но при разрешении конкретных дел его конструкция может позволить более точно определить характер совершенного преступления и обеспечить более точную квалификацию содеянного.

Для выяснения субъективной стороны телесных повреждений имеет большое значение способ их нанесения, место ранения, орудия, используемые при совершении преступления, и другие данные, характеризующие объективную сторону содеянного. В случаях, когда виновный, совершая насильственные действия, стремится к определенному результату и этот результат наступает, то он отвечает за тот вид телесных повреждений, который по тяжести соответствует причиненному вреду. Если этот вред не наступает, виновный несет ответственность за покушение на этот вид телесных повреждений.

Так, арестованный Д. во время очной ставки со своей женой стал требовать, чтобы та отказалась от своих показаний, а когда последняя не пожелала выполнить эту просьбу, Д. набросился на нее, схватил руками за голову и пытался пальцами выдавить глаза¹. Действия Д. суд правильно квалифицировал как покушение на тяжкие телесные повреждения по ст. 15 и ч. 1 ст. 108 УК РСФСР.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 31 октября 1962 г. № 10-02-52.

При покушении на тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения виновный может причинить менее тяжкий вред, чем тот, который определен соответствующим составом преступления. Если виновным причинен указанный в законе вред здоровью, то содеянное образует оконченное преступление.

При телесных повреждениях возможно причинение такого вреда здоровью, который будет иметь признаки тяжкого, менее тяжкого или легкого телесного повреждения. Следует ли такие действия квалифицировать по совокупности ст. ст. 108 и 109 или 112 УК РСФСР? Например, при избиении потерпевшему обезобразили лицо и лишили трудоспособности менее чем на одну треть. В этом случае имеются признаки двух преступлений, предусмотренных ст. ст. 108 и 109 УК РСФСР. На первый взгляд квалификация этих действий по совокупности может позволить более точно определить ответственность за эти преступления. Однако особенность исследуемых преступлений состоит в том, что меньший вред, причиненный одновременно, является составной частью, качественной особенностью совершенного деяния, и правила о совокупности здесь не применимы.

Телесные повреждения могут квалифицироваться по совокупности лишь тогда, когда имеется несколько разновременных действий, причинивших разные по тяжести телесные повреждения, когда каждое действие по времени, объекту, месту, способу и т. п. имеет законченный индивидуальный вид, охватываемый конкретным составом преступления.

По тяжести телесные повреждения распадаются на три вида: тяжкие телесные повреждения, менее тяжкие телесные повреждения и легкие телесные повреждения¹.

Тяжкие телесные повреждения и ответственность за них определены в зависимости от форм вины, психического состояния личности и других обстоятельств. Это умышленные тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 108 УК), умышленные тяжкие телесные повреждения с отяг-

чающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 108 УК), умышленные тяжкие телесные повреждения, совершенные в состоянии сильного, внезапно возникшего душевного волнения (ст. 110 УК); тяжкие телесные повреждения, причиненные при превышении пределов необходимой обороны (ст. 111 УК), неосторожное тяжкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 114 УК).

Менее тяжкие телесные повреждения: умышленные менее тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 109 УК), умышленные менее тяжкие телесные повреждения при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 109 УК), умышленные менее тяжкие телесные повреждения при превышении пределов необходимой обороны (ст. 111 УК), неосторожное менее тяжкое телесное повреждение (ч. 2 ст. 114 УК).

Легкие телесные повреждения: умышленные легкие телесные повреждения, причинившие кратковременное расстройство здоровья (ч. 1 ст. 112 УК), умышленные легкие телесные повреждения, не причинившие расстройства здоровья (ч. 2 ст. 112 УК).

§ 2 УМЫШЛЕННОЕ ТЯЖКОЕ ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ

Действующее уголовное законодательство предусматривает два вида тяжкого телесного повреждения: тяжкое телесное повреждение без отягчающих обстоятельств и тяжкое телесное повреждение при отягчающих обстоятельствах.

Телесные повреждения относятся к разряду тяжких, если они в момент их причинения были опасными для жизни или вызвали наступление тяжких для здоровья последствий (ч. 1 ст. 108 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

При отнесении телесных повреждений к разряду тяжких законодатель оценивал тяжесть причиненного здоровью вреда, исходя из разных по своему содержанию критериев¹. Несмотря, однако, на разные критерии отне-

¹ УК Эстонской ССР придерживается иной терминологии, предусматривая особо тяжкие телесные повреждения (ст. 107), тяжкие телесные повреждения (ст. 108) и легкие телесные повреждения (ст. 112). Однако по содержанию эти преступления совпадают соответственно с телесными повреждениями, предусмотренными в УК РСФСР.

¹ В нашей литературе при определении степени вреда, причиненного здоровью, указывалось на необходимость руководствоваться анатомопатологическим, экономическим и эстетическим критериями. По поводу содержания и значимости этих критериев высказыва-

сения телесных повреждений к тяжким, главное заключается в объективном вреде, причиненном противоправным действием здоровью человека.

Умышленное телесное повреждение, опасное для жизни, встречается наиболее часто в судебной практике. При этом вред причиняется жизненно важным органам человека, и обычно они могут закончиться смертью или создают реальную угрозу наступления смерти. К опасным для жизни телесным повреждениям относятся следующие повреждения:

а) проникающие раны черепа, позвоночника, груди, живота, гортани, трахеи, пищевода, даже без поражения внутренних органов¹. Благополучный исход проникающих ранений в большинстве случаев является следствием своевременной медицинской помощи, свидетельствующей о мобильной работе органов здравоохранения, а также о силе организма потерпевшего, но ни в какой степени не снижает тяжести совершенного преступления и общественной опасности преступника;

б) закрытые трещины и переломы костей черепа, тяжелая степень сотрясения мозга с угрожающими для жизни симптомами и ушиб мозга (установленный клинически). Легкая и средняя степени сотрясения головного мозга могут быть отнесены к тяжким телесным повреждениям, если клинически подтвержден диагноз сотрясения мозга, и это повреждение по своим последствиям оказалось или опасным для жизни, или вызвало значительную (не менее одной трети) потерю трудоспособности, или наступили другие тяжкие последствия;

в) перелом тела позвоночника, а равно шейного, грудного или поясничного отделов также могут быть отнесены к тяжким телесным повреждениям, если они со-

лись различные соображения. Нам представляется, что существует единственный критерий — объективный вред, причиненный здоровью потерпевшего (А. А. Жижиленко, Преступления против личности, М — Л., 1927, стр. 40—41; М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 333; А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 74—82; П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 53—58).

¹ М. Лисанович, К вопросу оценки тяжести проникающих ранений живота» («Материалы четвертой расширенной научной конференции Киевского отделения Украинского научного общества медиков и криминалистов», Киев, 1959).

провождались тяжелым шоком или повлекли за собой утрату трудоспособности не менее чем на одну треть;

г) подкожные разрывы внутренних органов грудной и брюшной полости, установленные клинически;

д) повреждения крупных кровеносных сосудов: аорты, сонных артерий, подключных, подмышечных, плечевых, бедренных, подколенных и сопровождающих их вен. В зависимости от конкретной опасности для жизни, вызванной повреждениями сосудов предплечья, кисти, голени и стопы, эти повреждения также могут быть отнесены к тяжким телесным повреждениям;

е) к тяжким телесным повреждениям относится также большая потеря крови с резким падением кровяного давления с угрожающими для жизни симптомами, расстройство мозгового кровообращения с потерей сознания, амнезией, возникшей от сдавливания шеи петлей или руками;

ж) открытые переломы длинных трубчатых костей: бедра, голени, плеча и предплечья;

з) тяжелая степень шока с угрожающими для жизни симптомами.

Другие повреждения определяются по степени их тяжести в зависимости от исхода, от того, насколько значительный ущерб был причинен здоровью, и от той опасности, которую они представляли для жизни человека.

Так, является тяжким телесным повреждением введение во внутренние органы инородных тел, удаление которых без полостной операции невозможно, например, введение через пищевод в желудок металлических предметов, которые не могут сами выйти из человеческого тела. Эти повреждения признаются тяжкими по признаку опасности для жизни.

Опасные для жизни повреждения при оказании квалифицированной и своевременной медицинской помощи могут не повлечь тяжелых последствий для здоровья человека. Поэтому очень часто опасность для жизни может быть констатирована только в момент ранения или вскоре после него.

Правила определения тяжести телесных повреждений, изданные в РСФСР, не называют ожоги в числе возможных травм. Аналогичные правила, изданные в Ка-

захской ССР¹, Белорусской ССР² и других союзных республиках, совершенно основательно к числу телесных повреждений относят ожоги. Правила, изданные в Казахской ССР, относят к тяжким телесным повреждениям «ожоги термические, химические, электрические 2-й и 3-й степеней, занимающие более $\frac{1}{3}$ поверхности тела», а Правила, изданные в БССР, относят к тяжким телесным повреждениям те же ожоги, но занимающие 25% тела.

По нашему мнению, ожоги как одни из видов телесных повреждений должны быть указаны в Правилах по определению тяжести телесных повреждений во всех союзных республиках. Образовавшийся пробел следует устранить.

Умышленное телесное повреждение, повлекшее потерю зрения, представляет собой такое причинение вреда здоровью, в результате которого человек становится слепым, т. е. не может различать очертаний предметов на близком расстоянии. При этом имеется в виду неизлечимая слепота, а не временная утрата зрения.

Правила определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом РСФСР, потерю зрения на один глаз относят к тяжким телесным повреждениям, потому что утрата зрения одним глазом влечет за собой стойкую утрату трудоспособности свыше одной трети (35%).

Утрата зрения на один глаз, по нашему мнению, должна быть отнесена к тяжким телесным повреждениям независимо от значительной потери трудоспособности и обезображивания лица (в случаях, когда утрата зрения связана с удалением глазного яблока). Потеря глаза влечет за собой сужение колец зрения на 30° и утрату бинокулярного стереоскопического зрения, затрудняет, а иногда и исключает вовсе способность точного восприятия глубины³. Лица, утратившие один глаз, испыты-

¹ «Правила для составления заключения о тяжести телесных повреждений», Алма-Ата, 1960.

² Правила по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденные министром здравоохранения БССР 25/IV-61 г., «Уголовный кодекс БССР», комментарий, Минск, 1963, стр. 123

³ М. А. Тумаркина, Врачебно-трудоуговая экспертиза при глазных заболеваниях, М., 1948, стр. 49—56; П. Г. Арешев, Судебно-медицинская квалификация повреждений глаз и потери зрения, автореферат канд. дисс., М., 1949.

вают затруднения не только в выборе профессии, но и в организации своего отдыха, легко могут стать жертвой несчастного случая. Поэтому вне зависимости от утраты трудоспособности более чем на 35% утрата глаза причиняет столь существенный вред здоровью человека, что должна оцениваться как тяжкое телесное повреждение.

Потеря зрения может быть результатом таких повреждений, когда утрачивается орган зрения (глаз уничтожается при самом телесном повреждении или удаляется в процессе лечения). Возможна утрата зрения при телесных повреждениях, вызывающих, например, паралич зрительного нерва, когда орган зрения внешне выглядит в полной сохранности. Для квалификации телесных повреждений как тяжких это значения не имеет, хотя утрата глазного яблока создает еще один признак тяжкого телесного повреждения — неизгладимое обезображение лица.

Умышленное телесное повреждение, повлекшее за собой потерю слуха, представляет собой такое причинение вреда здоровью, в результате которого человек становится полностью глухим. Состояние полной глухоты означает, что человек не может слушать громкой речи на очень близком расстоянии — 2—5 см от ушной раковины. При этом подразумевается неизлечимая глухота на оба уха.

Слух — одно из важных органов чувств. Повседневный быт, работа, досуг человека неразрывно связаны с использованием звуковых ощущений. Утрата слуха — очень тяжелая как чисто физическая, так и моральная травма. Вполне основательно действующее уголовное законодательство, охраняя здоровье человека, особо называет одним из признаков тяжкого телесного повреждения утрату слуха.

В нашей литературе было высказано мнение о том, что потерю способности слышать на одно ухо «исходя из интересов усиления охраны человеческой личности советским законом, следует относить к тяжким телесным повреждениям»¹. С этим, однако, едва ли можно согласиться. Утрата слуха на одно ухо не лишает возможности человека слушать нормальную человеческую речь,

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 575.

разговаривать по телефону, исполнять профессиональные обязанности, посещать концерты и другие культурно-политические мероприятия. Глухота на одно ухо, как правило, ощутимо не влияет на трудоспособность. Такая утрата слуха не влияет на деятельность речевого аппарата. Поэтому не случайно Правила потерю слуха на одно ухо не относят к тяжким телесным повреждениям. Поскольку утрата слышимости одним ухом влечет за собой стойкую утрату трудоспособности на 15%, по этому признаку телесное повреждение, вызвавшее утрату слуха на одно ухо, будет квалифицироваться как менее тяжкое телесное повреждение по ч. 1 ст. 109 УК.

Утрата слышимости одним ухом, соединенная с потерей в результате травмы ушной раковины, может быть квалифицирована как тяжкое телесное повреждение на том основании, что в результате такой травмы неизгладимо обезображивается лицо

Умышленное телесное повреждение, повлекшее за собой потерю какого-либо органа либо утрату органом его функций, является одним из видов тяжкого телесного повреждения. Утрата какого-либо органа, а равно утрата органом его функции, т. е. способности выполнять свое естественное назначение, свидетельствует о тяжелом ущербе, нанесенном здоровью человека.

Под утратой понимают как полное физическое отделение органа от тела человека, так и состояние паралича. Поскольку в законе специально оговорены утрата органов зрения и слуха, в данном случае имеются в виду другие органы.

Телесное повреждение будет тяжким при потере языка — неизлечимой потере речи, способности выражать мысли сочлененными звуками, понятными для окружающих. Следовательно, под потерей языка имеют в виду не только утрату языка как физического тела, но и утрату речи при сохранении языка как части тела.

Поскольку речь идет о языке, как о способности человека выражать свои мысли сочлененными звуками, то, естественно, возникает вопрос об определении тяжести телесного повреждения, вызвавшего утрату голоса и как следствие этого утрату способности звуковой речи

Речь является весьма важной естественной способностью человека. Без речи лицо оказывается ограниченным в целом ряде своих возможностей. Утрата нормаль-

ной речи в результате телесного повреждения независимо от сохранения языка как части тела является тяжелой травмой, причиняющей огромный вред здоровью.

При утрате голоса (афония) человек может только шепотом выражать свои мысли. Это лишает его многих возможностей, и в частности влечет за собой утрату трудоспособности на 25%. Следовательно, телесное повреждение, в результате которого у человека оказывается утраченным голос и сохраняется только возможность говорить шепотом, относится к менее тяжким телесным повреждениям. Это при условии, если потеря голоса не была следствием проникающего ранения гортани, так как такое телесное повреждение будет тяжким по признаку опасности для жизни.

Потеря руки, ноги как при физическом их отделении от тела, так и при их параличе означает тяжкое телесное повреждение. Так же тяжким будет телесное повреждение, заключающееся в потере способности к совокуплению и в потере способности к оплодотворению, к зачатию и деторождению¹.

При телесных повреждениях возможна утрата внутренних органов, однако в практике такая утрата возможна только в результате повреждений, опасных для жизни.

Поэтому практически при телесных повреждениях, относимых к тяжким в связи с утратой тех или иных органов, речь может идти об утрате руки, ноги, языка, половых органов и органов зрения и слуха.

Умышленное телесное повреждение, повлекшее за собой душевную болезнь, представляет собой такое причинение вреда здоровью, в результате которого человек становится психически больным. Психическое заболевание как результат телесного повреждения бывает чаще всего в результате травмы головного мозга.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Ж., осужденного по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, указала: «Как усматривается из дела, Ж. и Б. являлись владельцами пасек, находившихся в Гамовском лесу. С целью отлова пчел Ж. на одном из де-

¹ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Я, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 1, стр 9—10

ревьев повесил улей, который Б. спял, боясь что в него могут залететь и его пчелы. Будучи этим недоволен, Ж. затеял с Б. ссору и избил его.

...Согласно судебно-медицинскому заключению у потерпевшего обнаружена закрытая черепно-мозговая травма, повлекшая за собой психическое расстройство в форме травматического психоза с явлениями амнестической спутанности, относящаяся к категории тяжких телесных повреждений»¹.

Для признания телесного повреждения тяжким необходимо наличие именно душевной болезни, а не нервного заболевания.

Определение душевной болезни, ее характера, тяжести и причинной связи с полученной травмой осуществляется судебно-психиатрической экспертизой с участием судебно-медицинского эксперта².

Телесное повреждение, повлекшее душевную болезнь в результате травмы черепа при проникающих ранениях, закрытых трещинах и переломах костей черепа, будет признано тяжким по признаку опасности для жизни. Однако и в подобных случаях необходимо назначение судебно-психиатрической экспертизы, чтобы определить причинную связь между нанесенной травмой и душевной болезнью и таким образом точно определить тяжесть совершенного преступления.

Душевная болезнь может быть и результатом тяжелого психического потрясения потерпевшего³. Душевное заболевание, расстройство психики являются весьма тяжким повреждением здоровья. В некоторых случаях душевная болезнь может привести к полной деградации личности. Не случайно поэтому закон считает телесное повреждение тяжким, если его следствием выступает любое по тяжести душевное заболевание. При этом имеется в виду как хроническое душевное заболевание, так и временное расстройство психики человека.

Душевная болезнь является очень тяжким уроном для больного и его близких. Даже временное психическое заболевание надолго травмирует потерпевшего. Поэтому телесное повреждение должно квалифицироваться как тяжкое, даже если оно имело своим последствием временное психическое заболевание.

В нашей литературе было высказано мнение, что признаком тяжкого телесного повреждения не являются излечимые душевные заболевания. «К последствиям тяжкого телесного повреждения,— пишет А. С. Никифоров,— должны быть отнесены любые виды хронического или острого серьезного душевного заболевания и, кроме того, случаи менее серьезного, даже незначительного, но неизлечимого душевного заболевания»¹. Следовательно, излечимые душевные заболевания автор не относит к признакам тяжкого телесного повреждения. Такая позиция представляется нам неправильной.

Закон не делает никаких исключений при определении тяжкого телесного повреждения по признаку душевного заболевания. Кроме того, современная психиатрия не может еще с достоверностью сказать, что излеченное психическое заболевание не даст рецидива в будущем. Поэтому любое душевное заболевание, в том числе и излечимое, следует считать признаком тяжкого телесного повреждения².

Утрата трудоспособности очень часто встречается как последствие телесного повреждения. Закон, охраняя неприкосновенность личности, ее права и интересы, особо оговаривает утрату трудоспособности как один из признаков телесного повреждения.

Советское законодательство в равной мере охраняет блага личности независимо от имущественного положения, служебной деятельности, возраста, социального

¹ А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр. 31.

² П. Г. Мишунин, Ответственность за умышленные тяжкие телесные повреждения по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1956 г. № 1; «Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий», т. 2, Свердловск, 1962, стр. 158; И. С. Ной, Критерий умышленного тяжкого телесного повреждения без смягчающих обстоятельств по УК РСФСР, «Ученые записки Саратовского юридического института им. Д. И. Курского», 1959, вып. 3, стр. 71, «Уголовное право, часть Особенная», М., 1966, стр. 183.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 8, стр. 7—8

² Я. М. Калашник, Судебная психиатрия, М., 1961, стр. 230—238.

³ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, т. 1, М., 1955, стр. 578, П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 21.

происхождения и т. п. Поэтому, когда речь идет об утрате трудоспособности, то имеется в виду общая трудоспособность, а не профессиональная. Если взять за основу трудоспособность профессиональную, то это неизбежно повлекло бы за собой неравную охрану здоровья человека. Одним и тем же телесным повреждением имущественный, моральный урон может быть причинен разный в зависимости от характера травмы и профессии потерпевшего. Это может иметь значение для решения вопроса о возмещении имущественного вреда, причиненного телесным повреждением.

Утрата трудоспособности указывается в законе, как признак тяжести телесного повреждения, как свидетельство вреда, причиненного здоровью. Поэтому данный признак следует рассматривать не с позиции имущественного ущерба, причиненного личности, а с позиции того вреда, который причинен организму человека. Поэтому никак нельзя согласиться с авторами курса Особенной части советского уголовного права, которые утверждают, что для квалификации тяжких телесных повреждений «имеет значение степень утраты профессиональной трудоспособности»¹.

Решение вопроса о том, какая имеется в виду трудоспособность, общая или специальная, С. Я. Булатов и А. М. Мамутов ставят в зависимость от целей и мотивов совершенного телесного повреждения. «Если телесное повреждение было причинено со специальным умыслом лишить человека профессиональной трудоспособности,— пишут названные авторы,— например, повреждение пальцев у пианиста или скрипача, то суд должен назначить специальную трудовую экспертизу для определения степени потери профессиональной трудоспособности. В таких случаях тяжкими телесными повреждениями признаются телесные повреждения, повлекшие потерю профессиональной трудоспособности свыше $\frac{1}{3}$, хотя бы общая трудоспособность была потеряна в меньшей степени»².

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, 1956, стр. 578.

² С. А. Булатов, А. М. Мамутов, Ответственность за преступление против личности по Уголовному кодексу Казахской ССР, Алма-Ата, 1961, стр. 44.

Однако и при такой трактовке субъективной стороны телесного повреждения при определении его тяжести берется все же в основу не профессиональная, а общая трудоспособность.

В том, что законодатель имел в виду при определении тяжести телесного повреждения общую, а не профессиональную трудоспособность, нас убеждает то, что уголовные кодексы Узбекской, Киргизской и Литовской союзных республик в самом определении тяжкого телесного повреждения говорят об утрате общей трудоспособности. Судебная практика также придерживается при определении тяжести телесных повреждений признака утраты не профессиональной, а общей трудоспособности.

Ранее действовавшее законодательство не расшифровывало понятия «значительной утраты трудоспособности», что вызывало немало затруднений. В действующем законодательстве точно определено, что телесное повреждение является тяжким, если оно повлекло стойкую утрату трудоспособности не менее чем на одну треть. При утрате трудоспособности в результате отчленения какого-либо органа установление степени утраченной трудоспособности не представляет особого труда. В тех случаях, когда утрата трудоспособности является результатом менее очевидного повреждения, а иногда и повреждения нескольких органов, когда травма затронула в какой-то степени не одну область, а многие части организма, определение утраченной трудоспособности может представлять известные трудности. При этом закон имеет в виду стойкую, т. е. не обратимую утрату трудоспособности.

Определение степени утраты трудоспособности устанавливается (кроме очевидных случаев, например, при утрате органа зрения) лишь после заживления повреждения. Размер утраченной трудоспособности определяется по официальной таблице для определения процента постоянной утраты общей трудоспособности от несчастных случаев.

Поскольку закон имеет в виду утрату общей, а не профессиональной трудоспособности, то нецелесообразно увязывать степень тяжести телесного повреждения с группой инвалидности, которая будет определена потерпевшему после излечения от телесных повреждений.

Инвалидность и определение ее групп имеют в своей основе возмещение имущественного урона личности и не всегда согласуются с тяжестью вреда, причиненного организму человека. Значительную роль в этом случае имеет профессия потерпевшего.

Определение степени тяжести телесного повреждения у детей и инвалидов осуществляется так же, как и у взрослых или здоровых людей, исходя из того, какова бы была утрата трудоспособности у взрослого человека, если бы он получил такое же телесное повреждение. Если, например, ребенок лишился зрения на один глаз, то это означает утрату трудоспособности на 35% и, следовательно, это телесное повреждение должно быть отнесено к тяжким.

Умышленное телесное повреждение, повлекшее за собой прерывание беременности, предполагает, что прерывание беременности не связано с какими-либо индивидуальными особенностями организма потерпевшей, которые могли бы обусловить преждевременный выкидыш. Прерывание беременности должно быть в этом случае причинно связано с причинением телесных повреждений.

Указывая на прерывание беременности, законодатель тем самым подчеркивает тяжесть причиненного здоровью вреда. Прерывание беременности могут вызвать только телесные повреждения, глубоко потрясшие весь организм женщины, только насильственные действия, которые тяжело травмируют организм женщины и являются сами по себе вредными, болезненными.

Представители медицинской науки прерывание беременности относят к опасным для жизни телесным повреждениям¹. При исследовании аборта, т. е. искусственного прерывания беременности, авторы единодушно считают, что аборт — деяние не только причиняющее вред здоровью женщины, но и опасное для жизни². Тем более опасно прерывание беременности в результате насильственных действий.

¹ Е. Н. Минович Шевчук, Пособие к производству судебно-медицинской экспертизы живых лиц, Волгоград, 1957, стр. 19; Многоготовное руководство по акушерству и гинекологии, М., 1961, т. VI, стр. 29, М. Г. Сердюков, Судебная гинекология и судебное акушерство, М., 1957, стр. 320.

² И. И. Горелик, Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву, Минск, 1964, стр. 84—85.

Законодатель, указывая в статье об ответственности за тяжкие телесные повреждения на прерывание беременности, имел в виду повысить ответственность за посягательство на здоровье женщины вообще и особенно беременной женщины.

Умышленное телесное повреждение, выразившееся в неизгладимом обезображении лица, признается тяжким телесным повреждением, если лицу потерпевшего придается неприятный, отталкивающий внешний вид.

При отнесении этого вида телесных повреждений к тяжким законодатель учитывал и патологоанатомические и эстетические моменты.

Установление факта обезображения лица относится к компетенции суда. Суд по своему внутреннему убеждению устанавливает, обезображивают ли телесные повреждения внешний вид лица. В результате телесных повреждений лица могут образоваться также шрамы, рубцы, которые не придают лицу отталкивающего вида. При этом суд исходит из объективных критериев. Он не может класть в основу своего решения жалобу потерпевшего о том, что до телесного повреждения его лицо было более приятным, привлекательным, интересным и т. п.

Констатация факта обезображения лица определяется не относительно того, каким был внешний вид потерпевшего до телесного повреждения и каким он стал после телесного повреждения. Суд учитывает то состояние внешности потерпевшего, то впечатление, которое оно производит к моменту судебного разбирательства.

Обезображение лица как критерий тяжкого телесного повреждения берется не только в силу эстетических соображений, но и по ряду других причин. Телесные повреждения, которые обезображивают лицо, свидетельствуют о том, что здоровью потерпевшего причинен тяжкий вред.

Тяжесть этого вреда обуславливается тем, что лицо человека является легко ранимой частью тела, с повышенным болезненным ощущением и близостью его тканей к головному мозгу. Ранение этих тканей может вызвать различного рода вторичные явления в виде заболевания головного мозга, паралича лицевых нервов и т. п.

Кроме того, ранение лица, тем более то, которое неизгладимо его обезображивает, представляет собой тяжкую психическую травму потерпевшего, унижает его до-

стоинство и в некоторых случаях (например, отделение носа) ставит потерпевшего в такие условия, что его пребывание в обществе может оказаться неприятным для окружающих.

Таким образом, обезображение лица является не только эстетическим признаком, но и патологоанатомическим признаком, свидетельствующим о высокой степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего.

Закон предусматривает обезображение только лица; неизгладимые шрамы, рубцы других частей тела не будут являться признаками тяжкого телесного повреждения.

Признаком тяжкого телесного повреждения считается неизгладимое обезображение лица. Для решения вопроса о неизгладимости повреждений назначается судебно-медицинская экспертиза (в том случае, если у суда возникают по этому поводу сомнения).

Лицо считается обезображенным, если его внешние очертания приобретают неприятный, отталкивающий вид, что может произойти от различного рода повреждений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении от 15 марта 1962 г. по делу В., признавая телесные повреждения тяжкими, указала: «Во время ссоры, на почве ревности В. нанес своей жене несколько ударов по голове, а затем зубами откусил ей нос, причинив ей тем самым тяжкие телесные повреждения»¹.

Один из фактов обезображения лица сформулирован судом в следующем виде: «В результате нанесенных Н. ножевых ран у последнего левая бровь опущена, глазная левая щель сужена, левая носогубная складка сглажена, рот при оскале образует грушевидную форму, отмечается тик (подергивание) левой половины лица»².

Повреждения, обезображивающие лицо, признаются тяжкими телесными повреждениями, если они не могут

с помощью лечебных мероприятий либо естественным путем стать мало заметными или исчезнуть вообще.

Если для ликвидации последствий повреждений лица необходимо применение хирургического вмешательства (косметическая операция), то повреждение относится к тяжким телесным повреждениям.

Для квалификации телесного повреждения как тяжкого достаточно хотя бы одного из названных признаков. Если оно сопровождается несколькими признаками тяжкого телесного повреждения, это не меняет квалификации содеянного. Однако при расследовании и рассмотрении дела в суде эти признаки должны быть обстоятельно исследованы, что должно найти отражение в обвинительном заключении и в приговоре. Наличие в совершенном преступлении нескольких признаков тяжкого телесного повреждения свидетельствует о повышенной опасности преступника. Эти обстоятельства учитываются судом при назначении меры наказания виновному.

Если тяжкое телесное повреждение повлекло за собой смерть потерпевшего, или носило характер мучения или истязаний, или было совершено особо опасным рецидивистом, оно считается квалифицированным, и в этом случае закон устанавливает повышенное наказание.

При отнесении телесных повреждений к квалифицированным закон исходит из характеристики тяжести последствий — смерти пострадавшего, особого характера действий (мучение, истязание) и особого характера личности преступника (особо опасные рецидивисты).

Тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего, представляет собой как бы два преступления, соединенные в одном составе: умышленное тяжкое телесное повреждение и неосторожное причинение смерти.

Поскольку эти действия посягают на один родовой объект, совершаются одним лицом в условиях объединения времени и места действия, закон определяет их как одно преступление.

При тяжком телесном повреждении, повлекшем смерть потерпевшего, действие виновного непосредственно направлено на здоровье другого лица и поэтому в целом деяние является преступлением против здоровья. Совершая умышленное преступление против здоровья, виновный вместе с тем по неосторожности лишает жиз-

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 4-02-24, 1962 Определение Судебной коллегии по уголовному делу Верховного Суда РСФСР от 15 марта 1962 г. по делу В. И

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г № 8, стр. 21.

ни потерпевшего¹. Таким образом, субъективная сторона этих действий характеризуется умышленной виной в отношении тяжких телесных повреждений и неосторожностью в отношении наступившей смерти².

Для квалификации действий виновного по ч 2 ст. 108 УК необходимо, чтобы телесные повреждения по своим признакам были тяжкими

Действующее законодательство не подразделяет тяжкие телесные повреждения на условно смертельные и безусловно смертельные повреждения³. Такое деление не показательное, поскольку зависит от ряда случайных обстоятельств и главное не раскрывает содержания действий виновного по степени их опасности в зависимости от формы вины, объективных свойств содеянного и других признаков, определяющих уголовную ответственность за телесные повреждения.

¹ Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 июня 1960 г «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» указал «Суды должны строго отличать умышленное убийство, предполагающее наличие прямого или косвенного умысла со стороны виновного на причинение смерти потерпевшему, от умышленного причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего (ст 142, ч. 2, УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), когда отношение виновного к указанным последствиям своих действий выступает не в форме умышленной вины, а в форме вины неосторожной» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр 275—276) Это указание Пленума Верховного Суда СССР полностью применимо и к ч 2 ст. 108 УК РСФСР 1960 г. так как новый УК полностью воспринял юридическую конструкцию состава тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего.

² П. Г. Мишунин, Ответственность за умышленные тяжкие телесные повреждения по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1956 г № 1, А. А. Пионтковский, В. Д. Мельшагин, Курс советского уголовного права, 1955, т 1, стр 583, В. А. Серебрякова, К вопросу об ответственности за неосторожное лишение жизни по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1961 г № 3, П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр 82; В. К. Жукова, Умышленные телесные повреждения и борьба с ними по советскому уголовному праву, автореферат канд дис, М., 1966, стр 10, Б. А. Куринов, Установление субъективной стороны преступления при посягательстве на жизнь и здоровье человека, «Советское государство и право» 1967 г № 6, стр 135

³ А. С. Никифоров, Ответственность за телесные повреждения, М., 1959, стр 98—100.

Судебная практика при рассмотрении дел о телесных повреждениях также не разделяет эти повреждения на условно и безусловно смертельные.

Оценка тяжести телесных повреждений, их общественной опасности должна даваться с учетом всех объективных и субъективных моментов содеянного. Подразделение телесных повреждений на условно и безусловно смертельные способно только отвлечь внимание от всесторонней оценки поведения виновного, мотивов его действий, обстановки нанесения повреждения и других обстоятельств дела. Правила определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных уголовным кодексом РСФСР 1960 года, указывают, что «судебно-медицинскому эксперту не следует в заключении характеризовать повреждения как безусловно или условно смертельные»¹.

Приговором Колундинского районного народного суда Алтайского края Р и С. были осуждены по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

«...Из обстоятельств дела видно,— указывается в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР,— что Р. в связи с приездом родственников у себя на квартире организовал вечер Среди гостей были О и С. Во время вечера между Р. и О. возникла ссора, в которую вмешался и С.

Р. и С., вытолкнув О. из квартиры, избили его. В результате избиения О. получил ушибы и сотрясение головного мозга.

Как установлено, избиение потерпевшего осужденными имело место 11 апреля 1964 г. С 13 апреля по 12 мая 1964 г. О. находился на излечении в больнице и выписался в удовлетворительном состоянии. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, производившего освидетельствование потерпевшего после выписки из больницы, О. причинены ушибы и сотрясение головного мозга, относящиеся к менее тяжким телесным повреждениям.

После выписки О. в течение месяца находился дома, а 17 июня 1964 г. поступил в больницу в тяжелом состоянии и через день умер. Из акта судебно-медицинского исследования трупа усматривается, что до вторичного

¹ «Советская юстиция» 1961 г. № 13.

поступления в больницу О на несколько дней исчез из дома, обнаружен был 17 июня и доставлен в больницу в тяжелом состоянии. Сидеть и ходить он не мог. Эксперт пришел к выводу, что смерть О последовала от кровоизлияния в мозг, происшедшего за 2—3 дня до поступления в больницу. В заключении комиссии экспертов не дается прямого ответа на вопрос о наличии причинной связи между смертью и ранее причиненными О телесными повреждениями. В материалах дела нет данных, свидетельствующих о непосредственной причинной связи между смертью потерпевшего и действиями осужденных. Поэтому Р. и С. должны нести ответственность за умышленное причинение О. менее тяжких телесных повреждений по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР»¹.

Для квалификации тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего по ч. 2 ст. 108 УК, необходимо установление причинной связи между тяжкими телесными повреждениями и наступившей смертью.

Если, например, потерпевшему нанесена резаная рана плечевой артерии и смерть наступила от острого малокровия, то в этом случае и нанесенная рана является телесным повреждением, опасным для жизни, и наступившая смерть находится в причинной связи с действиями виновного, поскольку она вызвана острым малокровием.

Для привлечения к ответственности помимо установления причинной связи необходимо еще, чтобы эта связь охватывалась виной лица, причинившего телесное повреждение.

Если, например, потерпевшему нанесено легкое телесное повреждение или менее тяжкое повреждение, а смерть оказалась обусловленной случайным загрязнением раны инфекцией, внесенной во время ранения, например столбняком, то причинная связь между повреждением и смертью имеется, однако такая причинная связь, которую виновный не предвидел и не мог предвидеть. Эта причинная связь — случайная, она не охватывалась сознанием виновного и не может быть вменена в вину лицу, причинившему легкое или менее тяжкое телесное повреждение.

Если смерть наступила в результате тяжелого телесного повреждения, но причиненного по неосторожности, совершенные действия в целом образуют состав неосторожного убийства.

Поэтому для квалификации действий по ч. 2 ст. 108 необходимо установить, чтобы тяжкие телесные повреждения были причинены умышленно. Это положение подтверждено в решении Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу С., осужденному судом первой инстанции по ч. 3 ст. 101 УК Украинской ССР (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть).

2 октября 1965 г. С., находясь в пьяном состоянии, в 21-м часу стоял на крыльце чайной. В это время из чайной вышел находившийся также в нетрезвом состоянии гр-н К., который, став около С. спиной к ступенькам в 40—50 см от края площадки крыльца, пытался завести разговор с С.

С. нанес К. удар в лицо, которым сбил его с крыльца высотой 75 см. От этого удара К. упал навзничь на цементированные ступени и ударился головой о каменный грунт, получив тяжкие телесные повреждения — перелом затылочной кости, гематому затылочной области и обширные ушибы головного мозга. От полученных повреждений К., не приходя в сознание, через двое суток скончался.

Вывод суда, указала коллегия, о том, что С. предвидел и допускал наступление тяжких телесных повреждений и только неосторожно относился к смерти потерпевшего, не основан на материалах дела С. в судебном заседании пояснил, что он на крыльце чайной лишь слегка оттолкнул от себя подошедшего к нему пьяного К., умысла на причинение ему тяжелого телесного повреждения не имел, свои действия по отношению к К. считает неосторожными. Эти объяснения С. подтверждаются материалами дела, которые дают основание считать, что С. хотя и не предвидел, что от его действия К. при падении может получить тяжкие телесные повреждения и умереть, однако мог и должен был предвидеть наступление таких последствий. В связи с этим коллегия Верховного Суда пришла к выводу, что вина С. в отношении фактически совершенных им деяний состоит в неосторожности, а не умысле, и на этом основании в целом

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 2, стр. 7—8.

квалифицировала деяния, совершенные С., по ст. 98 УК Украинской ССР как неосторожное убийство¹.

Из общего содержания закона об ответственности за тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, следуют два важных вывода.

Во-первых, при совершении насильственных действий с прямым или косвенным умыслом на убийство — деяние в целом в случае наступления смерти образует состав умышленного убийства. Если эти действия причинили телесные повреждения, а смерть по независящим от виновного причинам не наступила, то при прямом умысле содеянное образует покушение на убийство а при косвенном — телесное повреждение. Не может рассматриваться как покушение на убийство, причинение телесных повреждений, если они были нанесены с косвенным умыслом без цели причинить смерть потерпевшему.

Во-вторых, при отсутствии прямого или косвенного умысла в отношении причиненной смерти, наступившей в результате тяжких телесных повреждений, все содеянное образует состав квалифицированного умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего за собой смерть потерпевшего.

При разграничении тяжких телесных повреждений и умышленного убийства в основу не могут быть положены такие объективные и механические признаки, как продолжительность времени с момента ранения до наступления смерти. «Нередко допускается в судебной практике ошибка, сводящаяся к тому, что ранение, более или менее быстро повлекшее за собой смерть потерпевшего, рассматривается как убийство, а ранение, при котором смерть потерпевшего наступила спустя более или менее значительный период времени, квалифицируется как телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего»².

Та же мысль отражена в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР под общим заголовком: «То обстоятельство, что смерть потерпевшего наступила по истечении нескольких дней пос-

ле причинения телесных повреждений, само по себе без других обстоятельств не может свидетельствовать об отсутствии у виновного умысла на убийство потерпевшего».

Приговором Березовского народного суда Кемеровской области Е. осужден по совокупности ст. 103 УК РСФСР и ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Он избил С. и П., которые в результате причиненных телесных повреждений скончались.

В определении коллегии по этому делу говорится, что «органы предварительного следствия и суд, оценивая действия Е. в отношении П., пришли к выводу об отсутствии у него умысла на убийство потерпевшей. Основанием для такого вывода послужил тот факт, что смерть П. наступила через 12 дней после избивания. Однако такой вывод органов предварительного следствия и суда нельзя признать правильным. О наличии или отсутствии умысла на убийство должны свидетельствовать все данные дела, в частности, обстоятельства преступления, причинная связь между совершенными действиями и наступившими последствиями».

Из дела видно, что телесные повреждения П. так же, как и С., наносились в жизненно важные органы тела. Смерть С. последовала сразу после избивания, а П. через 12 дней. Однако этот последний факт не может свидетельствовать об отсутствии у осужденного умысла на убийство П. Характер нанесенных П. телесных повреждений, орудие преступления, поведение осужденного, одновременно избивавшего и С. и П., причинная связь и другие обстоятельства дела подтверждают наличие у Е. умысла на убийство П.»¹.

При квалификации тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, в судебной практике возникает целый ряд трудностей. Это объясняется прежде всего сложностью выяснения подлинных целей и мотивов лица, совершившего насильственное действие. При решении этих вопросов важное значение имеют выяснение и учет обстановки совершения преступления, средств и способов причинения тяжких телесных повреждений, отношений между потерпевшим и лицом, виновным в

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 6, стр. 40—41

² А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 534.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 9, стр. 8—9.

причинении телесных повреждений, и другие обстоятельства¹.

При решении вопроса о том, направлены ли действия виновного на причинение смерти потерпевшему, суд учитывает орудия, которыми причинено тяжкое телесное повреждение, а также наличие доказательств по делу о том, что виновный имел намерение причинить смерть потерпевшему.

«И. признан виновным в том,— указывается в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, что он, будучи в нетрезвом состоянии в гостях у Б., затеял ссору со своей женой Ш., во время которой нанес ей удар вилкой в живот, причинив тяжкие телесные повреждения, от которых Ш. на следующий день вечером скончалась в больнице.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы видно, что на теле потерпевшей были обнаружены 4 колотые ранки, соответствующие по величине рожкам вилки. Смерть Ш. наступила в результате ранения аорты. Материалами дела не доказано, что И. имел намерение убить жену»².

При таких обстоятельствах, когда И. не мог предвидеть, что в результате его удара будет повреждена аорта, и когда не был доказан умысел на лишение жизни потерпевшей, Судебная коллегия обоснованно квалифицировала его действия как тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшей.

В решении этой же коллегии по делу З. указано, что «З. затеял с гр. Р. ссору, а затем вышел с ним во двор и из хулиганских побуждений ударил Р. поленом по голове.

По заключению судебно-медицинской экспертизы,

¹ С. Бородин, Разграничение умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, «Социалистическая законность» 1958 г. № 1; Ю. Т. Милько, Ответственность за тяжкие телесные повреждения по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., М., 1959, стр. 14—16, А. С. Никифоров, Ответственность за тяжкие телесные повреждения, М., 1959, стр. 101; В. Жукова, Отграничение умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, от умышленного и неосторожного убийства, «Советская юстиция» 1965 г. № 14, стр. 9—11.

² Архив Верховного Суда РСФСР Дело № 93-ДЗ-2, 1963 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 24 апреля 1963 г. по делу И.

смерть Р. наступила от перелома костей свода и основания черепа с кровоизлияниями под твердую и мягкую мозговые оболочки.

Нанося удар поленом по голове,— указала коллегия,— З. предвидел и желал наступления смерти»¹. Учитывая, что удары наносились с силой поленом по голове, коллегия сделала правильные выводы о субъективной стороне действий Р. и квалифицировала их как убийство. В этом случае умышленной виной З. охватывалось и причинение тяжкого телесного повреждения, и лишение жизни. Поэтому в целом содеянное образует состав убийства.

Показателем субъективных намерений виновного может служить также то, что виновный, имея полную возможность лишить потерпевшего жизни, не делает этого, не добивается причинения смерти потерпевшему, а ограничивается нанесением телесных повреждений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу осужденного Г., не признала в его действиях убийства, в частности, на том основании, что Г., имея возможность причинить смерть потерпевшему, не сделал этого, а ограничился только учинением насильственных действий.

«8 декабря около 8 часов вечера Г. пришел в общежитие в нетрезвом состоянии. В комнате он увидел Ш., В. и других, распивающих спиртные напитки. Побыв в комнате некоторое время, Г. собрался идти в магазин. В. попросил его купить папирос, но Г. ему грубо отказал. В связи с этим между ними возникла ссора.

Во время этой ссоры В. нанес несколько ударов Г. и выгнал его из комнаты.

Г., затеяв злобу на В. и Ш., вышел на улицу. В двенадцатом часу ночи он вернулся в свою комнату, где в это время спали Ш. и В. Г. подошел к В., взял табуретку и нанес два удара по голове. После первого удара табуреткой по голове В. схватился рукой за голову, поэтому второй удар был нанесен также и по руке. После этого Г. взял со шкафа резиновый сапог, нанес им удар спящему Ш. по голове и убил его.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР Дело № 78-09с 61, 1959 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 2 марта 1959 г.

Г., находясь в комнате один с потерпевшими, имел полную возможность убить В, однако этого не сделал. После нанесения ударов В табуреткой Г нанес удар резиновым сапогом спящему Ш по голове. От этого удара, вызвавшего кровоизлияние в желудочки и вещества головного мозга, наступила смерть Ш.

Нанося удары табуреткой основному обидчику В., а Ш. резиновым сапогом, осужденный Г. с целью мести имел намерение причинить физическую боль потерпевшим, а не лишить их жизни.

При наличии таких данных Судебная коллегия считает, что преступные действия Г. подпадают под признаки ч. 2 ст. 108 и ч. 1 ст. 112 УК РСФСР»¹.

Такое решение нам представляется вполне обоснованным, так как из материалов дела вытекало, что виновный имел умысел только на причинение тяжкого телесного повреждения. Что же касается наступившей смерти, то отношение к этому было у виновного в форме неосторожности.

При решении вопроса о субъективной стороне нанесения телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, имеет значение локализация ранения, выяснение места нанесения раны. Если рана или удар нанесены в жизненно важные части тела, то виновный имеет большую возможность предвидеть последствия.

Выводы о субъективной стороне причинения тяжких телесных повреждений, вызвавших смерть потерпевшего, должны базироваться на учете всех обстоятельств дела.

Пленум Верховного Суда СССР, касаясь конструкции субъективной стороны состава тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, указывал: «Решая вопрос о содержании умысла виновного по указанному роду делам, суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств совершенного преступления и учитывать, в частности, предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, способы и орудия преступления, а также самый характер ранений (например, в жизненно важные органы человека) и т. д. Выяснение всех этих обстоятельств в их совокупности может

помочь суду правильно разрешить вопрос о том, предвидел ли виновный последствия своих действий»¹.

Взятые вместе обстоятельства дела должны с полной достоверностью доказывать, что виновный умышленно наносил телесные повреждения и допустил неосторожность в отношении наступившей смерти потерпевшего.

Тяжкое телесное повреждение, носящее характер мучения или истязания, представляет собой такое телесное повреждение, которое имеет один или несколько признаков, изложенных в ч. 1 ст. 108 УК, и, кроме того, способ их причинения сопряжен с мучениями или истязаниями потерпевшего.

Причинение любого телесного повреждения, а особенно тяжкого, связано с причинением физической боли, которая вызывает определенные страдания потерпевшего. Устанавливая повышенную ответственность за причинение тяжких телесных повреждений, носящих характер мучения или истязания, законодатель имел в виду не обычные болезненные ощущения и страдания, которые испытывает любое лицо при телесном повреждении. Закон в данном случае предусмотрел такое телесное повреждение, которое самим процессом своего осуществления причиняет особенно большие физические страдания, и лицо, их учиняющее, действует специально таким образом, чтобы причинить особую физическую боль, тяжелые физические страдания.

Причинение страданий достигается путем лишения пищи, тепла, воды и т. п. Под истязаниями понимают причинение особой физической боли путем сечения розгами, щипания, уколов и других действий, связанных с причинением особенной боли². Способы, которыми причиняются мучения, производятся истязания, могут быть самыми разнообразными.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев 14 января 1963 г. дело К., квалифицировала совершенные им тяжкие телесные повреждения по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Действия К. выразились в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, избивал потерпевшего М. кулаками, ногами и один раз ударил его молотком в бок.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 4, стр. 52

² См. Правила, «Советская юстиция» 1961 г. № 13, М. И. Авдеев, Судебная медицина, 1949, стр. 369

М. были причинены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни, носившие характер истязания: сотрясение головного мозга, разрыв внутренних органов — селезенки, тонкой кишки; кровавые подтеки на голове, туловище, ссадины на лице¹.

Телесные повреждения, носящие характер мучений и истязаний, свидетельствуют не только о тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, но и повышенной опасности личности преступника

Причинение мучений, истязаний указывает на жестокость виновного, что не может не учитываться при определении степени общественной опасности преступления в целом.

Неоднократные удары, нанесенные при телесных повреждениях, не во всех случаях могут рассматриваться как истязание и не всегда дают основание для квалификации действий осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

Под квалифицирующими признаками ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, в частности мучением и истязанием, следует понимать такие действия, специальной целью которых было умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения с причинением потерпевшему особенно сильной боли либо тяжких физических и моральных страданий. Это обстоятельство подтвердила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматривая уголовное дело К. «С 1964 г. осужденный состоял в браке с потерпевшей и с первых же дней их совместной жизни приходил домой в нетрезвом состоянии, при этом учинял ссоры, избивал жену, за что привлекался к административной ответственности за мелкое хулиганство.

В ночь на 8 ноября 1966 г. К. в нетрезвом состоянии нанес жене удары кулаками по голове, ломал ей руки, зажимал рот, чтобы она не кричала, затем повалил на кровать и нанес ей два удара ножом в спину, причинив тяжкое телесное повреждение, опасное для жизни».

Суд первой инстанции квалифицировал действия К. по ч. 2 ст. 108 УК по признаку нанесения потерпевшей тяжкого телесного повреждения, связанного с мучением и истязанием.

¹ Архив Верховного Суда РСФСР. Дело № 4-02-196, 1963 Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 14 января 1963 г. по делу К.

«Такой вывод суда, — указала коллегия, — является неправильным. Под мучением и истязанием по смыслу ч 2 ст. 108 УК РСФСР понимается умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, связанного с причинением потерпевшему особенно сильной боли либо тяжких физических или моральных страданий. Этих квалифицирующих признаков в действиях К. нет». Поэтому Судебная коллегия Верховного Суда действия К. переqualificировала с ч 2 на ч 1 ст. 108 УК¹.

Тяжкое телесное повреждение, совершенное особо опасным рецидивистом, отнесено к квалифицированному виду исследуемого преступления потому, что субъект этого преступления представляет особую повышенную общественную опасность.

В общесоюзном законе нет указаний о том, осуждение за какие преступления и в какой последовательности может послужить основанием для признания лица особо опасным рецидивистом.

В нормах Общей части уголовных кодексов союзных республик содержится подробное определение характера преступлений, повторное или многократное осуждение за которые дает основание суду признавать то или иное лицо особо опасным рецидивистом. (Примечание 1 к ст. 24 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Для признания лица особо опасным рецидивистом необходимо наличие определенных, указанных в законе и не снятых судимостей в связи с совершением виновным в прошлом преступлений в возрасте старше 18 лет и совершение нового преступления.

Таким образом, особо опасные рецидивисты — это люди, которые, будучи однажды или неоднократно осужденными, не прекратили своей преступной деятельности.

Не может быть признано поэтому особо опасным рецидивистом лицо, если оно совершило несколько преступлений, но первоначально было осуждено только за одно из них, а затем, по мере раскрытия ранее совершенных преступлений, осуждается неоднократно. Эти судимости суд не может учитывать при признании виновного особо опасным рецидивистом, так как преступления были совершены им до его осуждения.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1968 г № 1, стр 7—8.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении по делу Р. указала, что «лицо, совершившее умышленное тяжкое телесное повреждение и хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах, может быть признано особо опасным рецидивистом в случае, если одно из этих преступлений совершено после вынесения первого приговора... Оба преступления Р. совершил до вынесения первого приговора, когда он вообще судим не был». На этом основании коллегия отменила определение суда первой инстанции о признании Р. особо опасным рецидивистом¹.

Неоднократное совершение преступлений после осуждения за каждое из них подчеркивает, что особо опасные рецидивисты проявили глубоко внедрившуюся в их сознание установку на совершение преступлений, что осуждение и применение к ним наказания не оказало на них должного исправительно-трудового воздействия, что эти лица стремятся лишь к паразитическому образу жизни.

Признание лица особо опасным рецидивистом имеет большое значение и порождает важные правовые последствия. В этом случае недопустим формальный подход, необходимо вдумчивое изучение личности преступника, изучение характера и степени опасности совершенных общественно опасных действий и всех обстоятельств дела.

При квалификации тяжких телесных повреждений возникает вопрос о возможности в случае признания виновного особо опасным рецидивистом в связи с совершением последнего преступления квалифицировать причиненные тяжкие телесные повреждения по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Вправе ли суд квалифицировать тяжкие телесные повреждения по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР на том основании, что до этого виновный, например, дважды был осужден за злобное хулиганство и есть основания для признания его особо опасным рецидивистом или в этом случае телесные повреждения должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, хотя он и признается особо опасным рецидивистом.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 8, стр. 9.

При рассмотрении подобных дел некоторые суды применяли ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, и эта практика иногда признавалась правильной¹.

Такое толкование действующего законодательства неправильно и нарушает требования уголовного закона.

Для квалификации совершенного преступления по закону, предусматривающему ответственность особо опасных рецидивистов, необходимо, чтобы в момент совершения преступления субъектом преступления выступил особо опасный рецидивист.

Во всех случаях, когда закон в качестве квалифицирующего признака называет индивидуальные качества личности преступника, предполагается, что виновный должен обладать этими качествами к моменту совершения преступления.

Закон в Особенной части Уголовного кодекса, предусматривая в качестве квалифицирующего обстоятельства совершение преступления особо опасным рецидивистом, исходит из того, что виновный, будучи повторно или неоднократно осужденным за тяжкое преступление или неоднократно осужденным за иные указанные в законе преступления, совершением новых преступлений обнаруживает упорное нежелание соблюдать закон, преграждать преступный образ действий. Это указывает на необходимость в отношении такого рода лиц применять более строгие меры, устанавливая более строгие условия отбытия наказания.

Если совершением тяжкого телесного повреждения виновный создал необходимость предпосылки для признания его особо опасным рецидивистом, эти тяжкие телесные повреждения не могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, так как в момент их совершения виновный еще не был признан особо опасным рецидивистом. После совершения их он стал таковым, и, хотя его действия не квалифицируются по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР, отбывать наказание он должен по правилам, установленным для отбытия наказания особо опасными рецидивистами.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1961 г. № 1, стр. 8; «Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г.», изд-во ЛГУ, 1962, стр. 68; С. В. Бородин, Квалификация убийств, М., 1963, стр. 80—86.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по признанию лиц особо опасными рецидивистами» указал: «По статьям уголовных кодексов союзных республик, предусматривающим повышенную ответственность за преступление, совершенное особо опасным рецидивистом, могут квалифицироваться действия только тех лиц, которые до совершения этого преступления уже были признаны особо опасными рецидивистами в установленном законом порядке»¹.

При квалификации тяжких телесных повреждений, совершенных особо опасными рецидивистами, может возникнуть такая ситуация, когда преступление совершается при наличии смягчающих обстоятельств, указанных при определении ответственности за телесные повреждения. Так, особо опасным рецидивистом может быть совершено тяжкое телесное повреждение в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насильем или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Совершение тяжких телесных повреждений особо опасным рецидивистом возможно и при превышении пределов необходимой обороны.

В этих случаях имеется как бы коллизия противоположных признаков тяжких телесных повреждений — отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств. При квалификации таких случаев необходимо решить, какому из называемых обстоятельств должно быть отдано предпочтение. Представляется, что при решении этого вопроса следует исходить из того, что закон, устанавливая пониженное наказание за тяжкие телесные повреждения, совершенные в состоянии аффекта, или при превышении пределов необходимой обороны, учитывает, что эти преступления являются ответным действием на противозаконное поведение потерпевшего, лишены низменных мотивов преднамеренности. Совершенное преступление, следовательно, не является свидетельством особой повышенной опасности личности преступ-

ника. Вследствие этих исключительных смягчающих обстоятельств такие действия будут менее опасными, даже если они совершены особо опасным рецидивистом.

Это мнение разделяется и судебной практикой.

П., признанный ранее особо опасным рецидивистом, был осужден за то, что он 18 января 1961 г., будучи в нетрезвом состоянии, во время ссоры убил свою жену, имевшую полуторамесячную беременность; действия П. были квалифицированы областным судом по п. «л» ст. 102 УК РСФСР как убийство, совершенное особо опасным рецидивистом.

В кассационной жалобе П. просил переквалифицировать его преступление на ст. 104 УК РСФСР, ссылаясь на то, что потерпевшая систематически пьянствовала, наносила ему оскорбления, это и послужило, по его словам, поводом к совершению преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отклоняя жалобу П., свое решение мотивировала не тем, что виновный был особо опасным рецидивистом. Коллегия указала, что изложенные П. доводы об убийстве своей жены в состоянии сильного душевного волнения, вызванного оскорблениями со стороны потерпевшей, являются не обоснованными и его просьба о переквалификации преступления на ст. 104 УК РСФСР удовлетворению не подлежит¹.

Следовательно, если бы доводы, изложенные в жалобе, были обоснованными и убийство было бы действительно совершено в состоянии аффекта, преступление, совершенное П., могло бы быть квалифицировано по ст. 104 УК РСФСР.

Потерпевший в подобных случаях своими противоправными действиями вызывает умысел на совершение преступления и его реализацию. Возникновение намерения совершить телесные повреждения в этих случаях не подсказано паразитическими и другими настроениями, свойственными особо опасным рецидивистам, поэтому рассматриваемые действия не могут быть оценены как особо тяжкие и должны квалифицироваться по ст. 110 или ст. 111 УК РСФСР.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 176

¹ Архив Верховного Суда РСФСР, дело № 10-01-110, 1961. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу П. А от 17 апреля 1961 г.

Судебная практика при коллизии отягчающих обстоятельств умышленного убийства или тяжкого телесного повреждения и обстоятельств, смягчающих ответственность в виде аффекта или превышения пределов необходимой обороны, отдает предпочтение смягчающим обстоятельствам, и совершенные преступления при подобных ситуациях квалифицируются как менее тяжкие.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР при рассмотрении уголовного дела И., осужденного за умышленное убийство своего отца Н., совершенное с особой жестокостью, указала, что все обстоятельства дела и поведение осужденного И. во время совершения преступления свидетельствуют о том, что убийство им совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего. Однако суд, учитывая эти обстоятельства, одновременно признал, что И. совершил преступление с особой жестокостью, поскольку он убил отца путем нанесения множества ранений в присутствии младших братьев и сестер.

Такой вывод суда коллегия признала необоснованным. Умышленное убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, даже при наличии в нем признаков, которые при иных условиях позволяют деяние рассматривать совершенным при отягчающих обстоятельствах, не может расцениваться как умышленное убийство с особой жестокостью, поскольку оно совершено в состоянии физиологического аффекта, вызванного насилием со стороны потерпевшего. На этом основании Судебная коллегия по уголовным делам квалифицировала действия И. по ст. 108 УК Туркменской ССР (убийство, совершенное в состоянии сильного внезапно возникшего душевного волнения)¹.

Такую позицию судебной практики следует признать правильной, полностью соответствующей и социально-политическому, и юридическому смыслу действующего законодательства.

Наказание за умышленное тяжкое телесное повреждение. Умышленное тяжкое телесное повреждение действующее уголовное законодательство относит к числу

тяжких преступлений (примечание II к ст. 24 УК РСФСР). Это обстоятельство находит свое отражение и в санкции ст. 108 УК РСФСР.

Умышленное тяжкое телесное повреждение, совершенное без квалифицирующих обстоятельств, наказывается лишением свободы на срок до восьми лет (ч. 1 ст. 108 УК РСФСР). Уголовные кодексы РСФСР, БССР и Латвийской ССР не устанавливают низшего предела наказания. Уголовные кодексы УССР, Узбекской, Азербайджанской, Киргизской и Таджикской союзных республик устанавливают минимум наказания в три года. Уголовный кодекс Грузинской ССР — один год и уголовные кодексы остальных республик — два года. Максимум наказания уголовные кодексы большинства союзных республик определяют в восемь лет, уголовные кодексы УССР и Таджикской ССР — в десять лет.

Умышленное тяжкое телесное повреждение при указанных в законе квалифицирующих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР). Уголовный кодекс БССР не устанавливает низшего предела наказания. Уголовные кодексы УССР, Азербайджанской, Литовской, Киргизской, Таджикской и Армянской союзных республик определяют низший предел наказания в пять лет, а УК остальных союзных республик — в три года. Уголовные кодексы Грузинской и Молдавской союзных республик определяют минимум наказания в три года, а при совершении этого преступления особо опасным рецидивистом — в пять лет. Максимум наказания уголовные кодексы большинства союзных республик устанавливают в десять лет, уголовные кодексы УССР, Таджикской и Грузинской ССР — двенадцать лет и Уголовный кодекс Молдавской ССР при совершении этого преступления особо опасным рецидивистом — пятнадцать лет.

Высокие размеры наказания, предусмотренные за совершение умышленных тяжких телесных повреждений, отражают взгляд законодателя на эти преступления как на преступные деяния, обладающие повышенной общественной опасностью, с которыми необходимо вести самую решительную борьбу. Это находит свое отражение не только в высоких размерах наказаний, предусмотренных в законе, но и в других институтах советского уголовного права.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 5, стр. 39—40.

Лица, впервые осужденные за умышленные тяжкие телесные повреждения, направляются для отбытия наказания в колонии усиленного режима. Больше того, поскольку тяжкие телесные повреждения в соответствии с законом отнесены к тяжким преступлениям, суд может на весь срок или на часть его направить осужденного для отбытия наказания в тюрьму. Условно-досрочное освобождение к лицам, осужденным за эти преступления, в случае их примерного поведения и добросовестного отношения к труду допускается по отбытии не менее $\frac{2}{3}$ срока назначенного наказания.

Совершение умышленного тяжкого телесного повреждения после осуждения за такое же преступление или совершение этого преступления после осуждения за ряд других тяжких преступлений дает основание суду для признания виновного особо опасным рецидивистом.

§ 3. УМЫШЛЕННОЕ МЕНЕЕ ТЯЖКОЕ ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ

Только два вида телесных повреждений предусматривало ранее действовавшее уголовное законодательство (УК РСФСР 1926 г): тяжкое и легкое. Такое деление телесных повреждений вызывало трудности в судебной практике.

Ныне действующее уголовное законодательство отдельным составом выделяет менее тяжкие телесные повреждения¹.

Менее тяжкие телесные повреждения без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 109 УК РСФСР) — это преступные действия, причинившие вред здоровью, которые по своей тяжести занимают промежуточное положение между тяжкими и легкими телесными повреждениями.

¹ В Уголовном кодексе Эстонской ССР менее тяжкие телесные повреждения называются тяжкими (ст. 108). Уголовные кодексы Казахской, Украинской, Латвийской ССР менее тяжкие телесные повреждения называют телесными повреждениями средней тяжести. Уголовный кодекс Узбекской ССР не выделяет специальной статьи, посвященной определению признаков и ответственности за менее тяжкие телесные повреждения. В ст. 88 (п. «а») определяются признаки, соответствующие менее тяжкому телесному повреждению.

Менее тяжкие телесные повреждения — это такие повреждения на здоровье, которые нарушают целостность тканей, нормальные функции органов, но не опасны для жизни. Такие повреждения могут нанести весьма ощутимый вред функциям органов человека, но не могут быть связаны с утратой органа, не могут влечь за собой значительной потери трудоспособности либо неизгладимого обезображения лица.

Признаки, присущие менее тяжкому телесному повреждению, заключаются в длительном расстройстве здоровья и значительной стойкой утрате трудоспособности менее чем на одну треть.

Длительное расстройство здоровья представляет собой такое нарушение нормальной жизнедеятельности человеческого организма (заболевание, нарушение функций какого-либо органа), которое продолжается свыше четырех недель.

Правила для составления заключения о тяжести телесных повреждений, предусмотренных Уголовным кодексом Казахской ССР, считают длительным расстройством здоровья, продолжавшееся от 3 до 12 недель¹.

К менее тяжким телесным повреждениям относятся: трещины и переломы мелких трубчатых костей, прудины, одного-трех ребер на одной стороне; мелкие закрытые переломы костей лицевого скелета; вывихи костей в мелких суставах; умеренное ограничение подвижности в крупных суставах; потеря слуха на одно ухо; потеря пальца на кисти или на ступне; значительное ослабление голоса; травматическое удаление полноценных зубов и т. п.

Правила определения степени тяжести телесных повреждений и авторы Особенной части советского уголовного права считают, что повреждение слепого глаза, потребовавшее его удаления², следует расценивать как повреждение менее тяжкое. По нашему мнению, это утверждение не совсем точно и нуждается в существенных уточнениях.

¹ «Правила для составления заключения о тяжести телесных повреждений», Алма-Ата, 1960, стр. 4

² «Советское уголовное право, Особенная часть», М., 1966, стр. 187.

Удаление глаза, в том числе и слепого, неизбежно влечет за собой неизгладимое обезображение лица. Кроме того, удаление глаза во всех случаях является тяжелой травмой, связано с причинением здоровью потерпевшего опромного физического и морального вреда. Поэтому телесное повреждение, повлекшее за собой удаление глаза независимо от того зрячий это глаз или нет, должно квалифицироваться как тяжкое телесное повреждение.

Значительная стойкая утрата трудоспособности — это утрата трудоспособности менее одной трети — от 15 до 33% включительно. В данном случае, так же как и при тяжких телесных повреждениях, имеется в виду утрата общей, а не профессиональной трудоспособности.

Умышленные менее тяжкие телесные повреждения могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Телесные повреждения квалифицируются как менее тяжкие, если виновный, действуя с косвенным умыслом, причинил телесные повреждения средней тяжести независимо от того, что при их совершении допускал возможность наступления более тяжкого вреда. При косвенном умысле ответственность за телесные повреждения наступает в зависимости от фактически причиненного вреда здоровью потерпевшего.

Менее тяжкие телесные повреждения при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 109 УК РСФСР) квалифицирующими признаками имеют те же обстоятельства, которые названы законодателем при определении ответственности за тяжкие телесные повреждения.

К ним относятся: мучения или истязания и совершение этого преступления особо опасным рецидивистом. Признаки эти рассмотрены при анализе умышленных тяжких телесных повреждений, поэтому здесь на них останавливаться нет надобности.

Наказывается умышленное менее тяжкое телесное повреждение без отягчающих обстоятельств лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года (ч. 1 ст. 109 УК РСФСР). При отягчающих обстоятельствах это преступление наказывается лишением свободы на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 109 УК РСФСР) Уголовные кодексы Украинской, Казахской и Азербайджанской союзных респуб-

лик не предусматривают состава умышленных телесных повреждений средней тяжести при отягчающих обстоятельствах. Эти действия по уголовным кодексам названных союзных республик охватываются общим составом умышленного менее тяжкого телесного повреждения.

§ 4 УМЫШЛЕННОЕ ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ, ПРИЧИНЕННОЕ В СОСТОЯНИИ СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ

Действующее уголовное законодательство выделяет отдельные виды телесных повреждений не только исходя из характера тяжести вреда, причиненного здоровью, но учитывает и другие обстоятельства, влияющие на общественную опасность преступного посягательства.

Выделение отдельных составов телесных повреждений преследует в этом случае цель не только всемерно оградить здоровье человека, но и учесть данные о личности виновного, поведение потерпевшего и т. п. Этим, в частности, обусловлено выделение состава тяжких и менее тяжких телесных повреждений, причиненных в состоянии сильного душевного волнения.

В числе обстоятельств, смягчающих ответственность, уголовные кодексы союзных республик (ст. 38 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) называют совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего. Это обстоятельство при определении ответственности за телесные повреждения закон положил в основу для конструирования специального состава менее опасного вида тяжкого и менее тяжкого телесного повреждения.

При этом закон имеет в виду не вообще состояние волнения, а сильное душевное волнение — состояние аффекта. «Аффектами называются чрезвычайно сильные, быстро возникающие и бурно протекающие кратковременные эмоциональные состояния. Таковы, например, аффекты отчаяния, ярости, ужаса и т. п. Аффекты возникают большей частью внезапно и продолжаются иногда всего несколько минут. В состоянии аффекта сознание, способность представлять и мыслить суживается, подавляется. При этом сильное эмоциональное возбужде-

ние проявляется в бурных движениях, в беспорядочной речи, часто в выкриках. Действия человека при аффектах происходят в виде «взрывов»¹.

Состояние сильного душевного волнения выводит психику человека из обычного состояния, затрудняет самоконтроль, критическую оценку методов и приемов исполнения своих желаний.

Состояние психики человека во время сильного душевного волнения тормозит «сознательную, интеллектуальную деятельность, динамические моменты начинают преобладать над смысловым содержанием и избирательной направленностью действия»².

Некоторое торможение интеллектуальной деятельности человека затрудняет контроль за поведением, может привести к тому, что состояние аффекта окажется определяющей эмоциональной силой в таком поведении человека, при котором нарушаются нормы морали или требования социалистического права.

Поэтому вполне понятно, что аффективные действия представляются менее общественно опасными, чем поступки, совершенные в спокойном состоянии психики.

Вместе с этим следует подчеркнуть, что состояние аффекта только затрудняет, но не исключает вовсе самоконтроль, возможность воздержаться от желаний, поданных возбужденным состоянием психики. И в состоянии аффекта человек может овладеть собой, взять себя в руки³. Состояние физиологического аффекта не исключает уголовной ответственности. Это состояние может только смягчить ответственность.

Наряду с физиологическим аффектом встречаются аффекты патологические. При патологическом аффекте происходит расстройство сознания, и человек утрачивает способность сознавать свои поступки или руководить своими действиями.

«Патологический аффект рассматривают как болезненное состояние, возникшее у психически здорового человека. Длится он непродолжительное время, сопровождается помрачением состояния, выражается в беспорядочном, большей частью агрессивном поведении с разру-

шительными действиями, и заканчивается спадом физических и психических сил с последующим глубоким сном»¹.

Состояние патологического аффекта, как связанное с расстройством психики, свидетельствует об отсутствии вменяемости и исключает уголовную ответственность.

При определении ответственности за умышленное тяжкое и менее тяжкое телесное повреждение закон называет не вообще аффективное состояние виновного, а такое состояние психики виновного, которое возникло внезапно и было вызвано насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего или иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжелые последствия для виновного или его близких. Оно должно возникнуть и находиться в причинной связи с противоправным поведением потерпевшего; телесные повреждения в этом случае носят ответный характер на насилие, оскорбление и иные противозаконные действия потерпевшего.

Сильное душевное волнение вообще, а возникшее внезапно особенно затрудняет самоконтроль, ослабляет способность руководить своими действиями: порождает намерение пренебречь правовыми нормами и приводит к посягательству на личность.

Приговором Егорлыкского районного народного суда Ростовской области М. признан виновным в причинении А. тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, и осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Заместитель прокурора РСФСР внес в Судебную коллегию Верховного Суда РСФСР протест о перекавалификации действий на ст. 110 УК РСФСР.

Материалами дела установлено, что М. приехал в село Журавлевку Егорлыкского района Ростовской области в гости к родственникам. Находясь в нетрезвом состоянии, он зашел в ларек Журавлевского сельпо за продуктами. При выходе из магазина М. столкнулся с А., который также был в нетрезвом состоянии. Возникший по этому поводу скандал предотвратила жена М., которая увела мужа. Догнав М. на улице села, А. стал выражаться нецензурными словами. Тогда М. снял с себя

¹ П. И. Иванов, Психология, М., 1959, стр. 276

² С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1940, стр. 395

³ «Психология», М., 1956, стр. 377—378.

¹ Я. М. Калашник, Судебная психиатрия, М., 1961, стр. 166.

пиджак и нанес А. удар кулаком по голове, сбив его на землю, а затем ударил его по голове еще раз. От полученных повреждений А., не приходя в сознание, умер.

Как видно из дела, М. перед нанесением ударов потерпевшему снял с себя пиджак и передал его жене. Это обстоятельство не свидетельствует о том, что он находился в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Здесь нет немедленного реагирования на поступки потерпевшего. Между тем диспозиция ст. 110 УК РСФСР предполагает наряду с другими признаками то обстоятельство, что действия виновного следуют немедленно за насильем, тяжким оскорблением или иными противозаконными действиями потерпевшего.

При таких данных следует признать, что по делу отсутствуют признаки, необходимые для применения к осужденному ст. 110 УК РСФСР. Как правильно признал суд, в действиях М. имеется состав преступления — причинение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего¹.

Это определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР подтверждает вывод о том, что если намерение причинить тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение возникло не внезапно, а по истечении времени, позволяющего «одуматься», то такого рода деяние, хотя оно и было обусловлено противоправным поведением потерпевшего, не может рассматриваться как совершенное в состоянии сильного душевного волнения.

Существование неприязненных отношений между виновным и потерпевшим не исключает возможности признания причиненных телесных повреждений совершенными в состоянии аффекта. Это возможно при том непременном условии, если совершение преступления было обусловлено состоянием аффекта, внезапно возникшего в результате противоправного поведения потерпевшего. В данном случае умысел не только возникает внезапно, но тут же немедленно приводится в исполнение.

При квалификации действий виновного по ст. 110 УК следует выяснить, каково содержание (интенсивность, степень опасности и т. п.) противозаконных насильственных действий, совершенных потерпевшим. Необходимо разграничить, в каких случаях действия потерпев-

шего могут рассматриваться как причина сильного душевного волнения и когда они могут обусловить право на необходимую оборону или во всяком случае право на снижение наказания за телесные повреждения, причиненные при превышении пределов необходимой обороны.

В рассматриваемом преступлении под насильем со стороны потерпевшего имеется в виду насилье, которое по своему характеру и обстановке совершения не создает реальной угрозы жизненно важным интересам личности и, следовательно, не создает в сознании виновного решимости пресечь нападение, защитить себя или другое лицо от опасного нападения путем причинения тяжких или менее тяжких телесных повреждений. Однако насильственные действия потерпевшего должны быть достаточно серьезными и активными, чтобы они могли вывести из душевного равновесия человека и обусловить возникновение сильного душевного волнения.

По ст. 110 УК могут квалифицироваться тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, совершенные виновным в состоянии сильного душевного волнения, вызванного тяжкими насильственными действиями, имеющими форму нападения, при условии, если ответные действия были совершены после того, как нападение окончилось и необходимая оборона была уже невозможна.

При применении ст. 110 УК РСФСР в деятельности судов обнаруживаются затруднения в понимании характера насилья, о котором идет речь в этой статье. Рассматривая дело по обвинению А. (причинившего тяжкие телесные повреждения своей жене) по ст. 110 УК РСФСР, Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР отменила определение нижестоящего суда и предложила переквалифицировать деяние на ст. 108 УК на том основании, что действия потерпевшей, выразившиеся в том, что она ударила мужа дамской сумкой, поцарапав ему лицо, не дают оснований для квалификации совершенного А. преступления по ст. 110 УК РСФСР, так как «тяжких последствий от действий потерпевшей не наступило и не могло наступить»¹.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 4, стр. 4—5.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 12, стр. 5—6.

Как видно из этого определения, коллегия считает, что действия виновного, выразившиеся в нанесении телесных повреждений в состоянии аффекта, только тогда могут квалифицироваться по ст. 110 УК, когда совершенное потерпевшим насилие повлекло или могло повлечь тяжкие последствия.

Мы не будем останавливаться на обоснованности вывода коллегии по данному делу. Обратим внимание только на то, как следует понимать насилие, о котором речь идет в ст. 110 УК РСФСР.

Статья 110 УК, определяя условия ответственности за умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения, указывает, что имеются в виду случаи причинения телесных повреждений в состоянии волнения, вызванного «насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких». Из этого следует, что при определении характера насилия закон не определяет никаких условий, каким должно отвечать это насилие. Правда, в ст. 110 УК речь идет о тяжких последствиях, но указания о тяжких последствиях относятся не к насилию или к тяжкому оскорблению, а только к иным противозаконным действиям.

Тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, совершенное в состоянии аффекта, может считаться менее опасным преступлением только в том случае, если состояние сильного душевного волнения вызвано незаконным насилием со стороны потерпевшего. Если потерпевшим (представителем власти или общественности) учинены на законном основании насильственные действия (задержание, применение силы и т. п.) и названные действия вызвали у виновного состояние волнения, в котором оно причинило тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, содеянное не является преступлением, совершенным при смягчающих обстоятельствах.

Состояние аффекта может быть также вызвано тяжким оскорблением. Тяжкое оскорбление в данном случае охватывает собой унижение чести и достоинства личности независимо от возможной квалификации оскор-

бительных действий. Оскорбительные действия могут быть и лишены юридических признаков конкретного состава оскорблений. Они могут охватываться составом хулиганства, когда направлены не только на честь и достоинство человека, но и нарушают общественный порядок.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу С. признала нанесенные оскорбления тяжкими при следующих обстоятельствах. С. признан виновным в том, что 26 сентября 1965 г. на кухне во время ссоры нанес соседям по квартире И. тяжкие телесные повреждения...

...По делу установлено, что утром 26 сентября 1965 г. на справедливое замечание С. о том, что неправильно поступают И., наступая ногами на стол, на котором С. готовит пищу, И. ответил нецензурными словами как в адрес самого С., так и в адрес его родителей и жены. Все эти оскорбления по своей форме и характеру были грубыми, циничными и неожиданными для С.¹

Учитывая материалы дела, коллегия пришла к заключению, что эти оскорбления были тяжкими, вызвали внезапное сильное душевное волнение, и преступление С. должно быть квалифицировано как совершенное в состоянии аффекта.

К тяжкому оскорблению следует, с нашей точки зрения, отнести унижение чести и достоинства личности, унижение национального чувства, подчеркивание в неприличной форме физических недостатков человека, надругательство над родительской любовью, обвинение в шкурничестве, трусости и т. п.

Причиной возникновения состояния аффекта и умысла на совершение телесных повреждений могут явиться иные противозаконные действия потерпевшего, если они повлекли или могли повлечь тяжелые последствия для виновного или его близких.

Поскольку закон при определении ответственности за тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, совершенное в состоянии аффекта, прежде всего говорит о насилиях и тяжких оскорблениях, поэтому иные противозаконные действия представляют собой поведение лица, которое без насилия над личностью виновного и его оскорбления способно вызвать состояние аффекта.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 6, стр. 38—39.

Характер противозаконных действий в законе не определен, но указывается, что имеются в виду такие противозаконные действия, которые повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких. Из этого можно сделать вывод, что имеется в виду действие, которое представляется противоправным, общественно опасным и непосредственно угрожающим жизненно важным интересам потерпевшего или его близких.

Для данного признака характерно, что именно противозаконное действие потерпевшего, причинившее или могущее причинить тяжкие последствия для виновного или его близких, вызвало внезапное сильное душевное волнение и обусловило возникновение умысла на совершение насильственных действий, и сразу же этот умысел был приведен в исполнение.

С субъективной стороны данное преступление характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом. Чаще всего подобного рода действия совершаются с косвенным неконкретизированным умыслом, поэтому квалификация насильственных действий при таком субъективном состоянии виновного должна определяться тяжестью наступивших последствий.

При квалификации умышленного тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, причиненного в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, а равно вызванного иными противозаконными действиями потерпевшего, если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких, возникает вопрос о том, как квалифицируется тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения, повлекшее за собой смерть потерпевшего.

Статья 110 УК РСФСР определяет ответственность за умышленные тяжкие телесные повреждения, причиненные в состоянии сильного душевного волнения, и не ограничивает в этом случае тяжкие телесные повреждения, предусмотренные ч. 1 ст. 108, и телесные повреждения, предусмотренные ч. 2 этой статьи.

Из этого можно сделать вывод, что по ст. 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик могут быть квалифицированы как простые

телесные тяжкие повреждения (ч. 1 ст. 108 УК), так и телесные повреждения, повлекшие за собой смерть потерпевшего или совершенные особо опасным рецидивистом (ч. 2 ст. 108).

Судебная практика при квалификации этой категории дел противоречива.

Сошлемся на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 18 июня 1963 г. по делу А., осужденного по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

11 декабря 1962 г. А. в помещении фермы крупного рогатого скота М-ского совхоза на почве ссоры нанесла скотнику Д. удар лопатой по голове, причинив ему тяжкое телесное повреждение, от которого Д. 5 января 1963 г. скончался.

«Как установлено из материалов дела,— указывается в определении коллегии,— потерпевший Д., будучи в нетрезвом состоянии, пришел на ферму и стал кричать, что он покажет, как надо работать. Видя, что Д. сам не работает, а только кричит, А. ему сказала, что нужно меньше болтать, а больше работать. Тогда Д., обидевшись, ударил ее кулаком по голове, А. заплакала, а потерпевший намеревался ее еще ударить, но осужденная ударила его лопатой по голове, причинив тяжкое телесное повреждение, от которого Д. примерно через месяц скончался.

На суде было подтверждено, что А. совершила преступление в результате внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием и оскорблением со стороны потерпевшего, а потому ее действия следует квалифицировать по ст. 110 УК РСФСР»¹.

По другому аналогичному делу Судебная коллегия по уголовным делам того же суда заняла иную позицию. Коллегия, в частности, указала, что тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, следует квалифицировать по ст. 104 УК РСФСР. «По ст. 110 УК,— определила коллегия,— указанные дейст-

¹ Дело № 56-ДЗ пр. 26, 1963 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 18 июня 1963 г. по делу А.

вия квалифицируются лишь в случаях, когда они не повлекли смертельного исхода»¹.

При тяжком телесном повреждении, повлекшем за собой смерть потерпевшего, субъективная сторона характеризуется тем, что в состоянии аффекта у виновного возникает умысел на причинение телесного повреждения. Сознанием виновного не охватывается возможность и желание причинить потерпевшему смерть. Умышленно причиненное в состоянии аффекта тяжкое телесное повреждение, от которого наступает смерть потерпевшего, сочетается с неосторожным отношением к лишению жизни потерпевшего. Виновный не предвидит, что в результате его действий может наступить смерть потерпевшего, но должен и может это предвидеть; или предвидит наступление смерти, но не желает этого, хотя находится в аффектированном состоянии, надеется предотвратить смерть потерпевшего.

Тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего, является разновидностью одного общего преступления, предусмотренного ст. 108 УК и названного «Умышленное тяжкое телесное повреждение».

Поэтому, когда в ст. 110 УК говорится об умышленном тяжком телесном повреждении, то имеются в виду тяжкие телесные повреждения, предусмотренные как ч. 1, так и ч. 2 ст. 108 УК РСФСР.

Умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего, совершенное в состоянии аффекта, не может квалифицироваться по ст. 104 УК, так как у виновного отсутствует умысел на убийство.

Если виновный, действуя в аффектированном состоянии, стремится причинить потерпевшему любой вред, в том числе допускает возможность причинения смерти, и смерть потерпевшего наступает, то такого рода деяния, даже если смерть наступит через некоторый промежуток времени, будут квалифицироваться как умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения.

Причинение тяжких телесных повреждений, носившее характер мучения и истязания, по ст. 110 УК РСФСР не может квалифицироваться, так как мучения и истязания

свидетельствуют о длительном характере совершаемого преступления, что несовместимо с таким признаком, как аффект. Преступления, совершаемые в состоянии аффекта, исполняются по внезапно возникшему умыслу, в ответ на насилие или оскорбление или иное противоправное поведение со стороны потерпевшего, и, следовательно, виновный в этом случае действует в результате вспышки гнева, ужаса, страха и т. п., а мучения и истязания свидетельствуют об известной продолжительности действий, когда аффектированное состояние должно пройти.

Наказывается умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения, лишением свободы до двух лет или исправительными работами на срок до одного года.

§ 5. ТЯЖКОЕ ИЛИ МЕНЕЕ ТЯЖКОЕ ТЕЛЕСНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ, ПРИЧИНЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Общественная опасность тяжкого и менее тяжкого телесного повреждения зависит не только от тяжести вреда, причиненного здоровью, но и от обстоятельств, при которых эти преступления совершены.

Причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в условиях необходимой обороны от противоправного нападения не образует преступления вообще, а если были превышены пределы необходимой обороны, то это свидетельствует о меньшей общественной опасности деяния.

Исключить уголовную ответственность за причинение тяжких и менее тяжких телесных повреждений может не только состояние необходимой обороны. «Действия граждан,— говорится в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»,— направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1966 г. № 4, стр. 5.

действиями вынуждено был причинен вред преступнику»¹.

При тяжких или менее тяжких телесных повреждениях, причиненных в результате превышения пределов необходимой обороны или совершении действий, направленных на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, лицо стремится совершить общественно полезный поступок, руководствуясь при этом побуждениями, не порицаемыми советским правом и советской моралью. Кроме того, оно в этом случае действует в состоянии сильного душевного волнения, вызванного нападением или иным преступным поведением потерпевшего.

Эти и ряд других признаков тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, подтверждают целесообразность выделения данного вида телесного повреждения в самостоятельный состав преступления.

Естественно, возникает вопрос — как должны квалифицироваться тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, причиненные при превышении необходимых мер по пресечению преступных посягательств и задержанию преступника. С нашей точки зрения, он должен быть решен следующим образом.

Причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений при превышении мер, необходимых для пресечения преступных посягательств и задержания преступника, является преступлением, совершенным при смягчающих обстоятельствах. Однако эти действия не могут квалифицироваться по ст. 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, так как при совершении этого преступления не было необходимой обороны и не было превышения ее пределов. Подобные преступления могут квалифицироваться по ст. ст. 108, 109 или 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. То обстоятельство, что совершение преступления произошло при задержании преступника, в состоянии волнения, без преднамеренности и из побуждений, поощряемых правом и моралью, должно учитываться как смягчающее

обстоятельство¹. Целесообразно, с нашей точки зрения, при квалификации этих действий по ст. ст. 108, 109 или 110 УК РСФСР и избрании меры наказания исходить из размера санкции, предусмотренной ст. 111 УК. Такой вывод можно сделать потому, что в этой статье предусмотрена ответственность за превышение пределов необходимой обороны, а этот институт близок к превышению мер, необходимых для задержания преступника. Для квалификации рассматриваемых действий по ст. 111 УК необходимо изменение ее диспозиции законодателем.

Устанавливая ответственность за тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное в результате превышения пределов необходимой обороны, закон исходит из того, что при совершении таких преступлений виновный, хотя и вышел за пределы необходимой обороны, исключаящие уголовную ответственность, тем не менее совершил общественно опасное и уголовно наказуемое деяние в условиях, заслуживающих снисходительного к нему отношения.

Превышение пределов необходимой обороны, как и сама необходимая оборона, имеет определенные границы, которые определяются признаками, относящимися к характеру нападения и к характеру оборонительных действий.

Индивидуальные признаки противоправного нападения определяют характер законных оборонительных действий.

Превышение пределов необходимой обороны возможно только в том случае, когда вопрос о допустимости оборонительных действий не подлежит сомнению, однако реальное осуществление необходимой обороны вышло за пределы необходимого².

Превышение пределов необходимой обороны может обуславливаться только характером и обстановкой оборонительных действий, оцениваемых соответственно с характером нападения.

Советское уголовное законодательство определяет содержание института необходимой обороны и указывает,

¹ Т. Г. Шавгулидзе, Необходимая оборона, Тбилиси, 1966, стр. 142—143.

² Т. Г. Шавгулидзе, Необходимая оборона, Тбилиси, 1966, стр. 120; В. Ф. Кириченко, Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве, М.—Л., 1948, стр. 76.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 4, стр. 7.

в каких случаях оборонительные действия превышают необходимые пределы, что в значительной степени облегчает практическую квалификацию таких действий.

«Превышением пределов необходимой обороны,— указывается в статье 13 Уголовного кодекса РСФСР,— признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства». Из этого следует, что превышение пределов необходимой обороны может быть только в том случае, когда имеет место явное несоответствие характера защиты (способа действия обороняющегося, избранного им оружия, обстановки и условий защиты, намерений нападающего и т. п.) характеру и опасности посягательства (способу действий нападающего, используемому им оружию, обстановке и условиям нападения и т. п.), когда, следовательно, характер и интенсивность обороны явно превышают характер и интенсивность нападения.

Действия, предпринятые для отражения еще не начавшегося нападения или совершенные после того, как нападение уже закончилось, признаются рядом авторов превышением пределов необходимой обороны¹.

Однако нельзя превысить пределов необходимой обороны, если нет нападения. При несвоевременной обороне нападения нет. Следовательно, не может быть и обороны, не может быть превышения ее пределов.

На практике может вызвать затруднение решение вопроса о начале нападения. В этом случае неприемлемы механические рецепты и шаблоны. Подобные вопросы должны решаться с учетом всех обстоятельств дела. Лицо может воспользоваться правом на необходимую оборону не только тогда, когда нападающий начал попираить чьи-то права, но и тогда, когда появилась реальная угроза для охраняемых благ. Нападение должно быть признано начавшимся не только тогда, когда начался процесс причинения вреда защищаемым интересам, но и тогда, когда угроза причинения вреда стала реальной, ясно и объективно выраженной.

В некоторых случаях бывает не менее трудно решить

¹ Ш. С. Рожковская, Преступления против жизни, здоровья и достоинства личности, 1956, стр. 29, М. И. Якубович, Вопросы теории и практики необходимой обороны, М., 1961, стр. 128—136; А. А. Пионтковский, Учение о преступлении, М., 1961, стр. 431.

вопрос и об окончании нападения. Пленум Верховного Суда СССР справедливо указал: «Состояние необходимой обороны не может считаться утраченным и в том случае, когда акт самозащиты последовал непосредственно за актом хотя бы и оконченного нападения, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент окончания нападения»¹.

В тех случаях, когда нападение еще не началось или когда оно уже кончилось, не может быть необходимой обороны и превышения ее пределов, однако виновный в подобной обстановке действует в состоянии сильного волнения, вызванного нападением. Поэтому такие деяния (несвоевременная оборона) должны квалифицироваться как действия, совершенные в состоянии сильного и внезапно возникшего душевного волнения.

Причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны может быть не только при нападении на жизнь или здоровье потерпевшего или его близких, но и при отражении посягательства на интересы Советского государства, общественных организаций, на другие интересы обороняющегося или третьих лиц.

При решении конкретных дел для квалификации тяжких и менее тяжких телесных повреждений, совершенных в состоянии необходимой обороны или с превышением пределов необходимой обороны, большое значение имеет обстановка оборонительных действий, личность нападающего, соотношение физических сил нападающего и защищаемого и другие обстоятельства. Это, однако, не значит, что необходимо в каждом конкретном случае устанавливать соразмерность и равенство средств нападения и защиты, однотипность орудий нападения и защиты и на этом основании решать вопрос о правомерности необходимой обороны.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 марта 1962 г. указал: «При разрешении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения необходимой обороны нельзя механически исходить из требуемой соразмерности средств защиты и средств нападения, а также соразмерности интенсивности защиты и напа-

¹ «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1963 гг.)», М., 1964, стр. 184.

дения, а следует учитывать как степень и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, так и его силы и возможности по отражению нападения»¹.

Тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, может быть причинено как умышленно, так и по неосторожности.² Причинение таких повреждений по неосторожности представляет меньшую общественную опасность и в некоторых случаях, когда превышение пределов необходимой обороны незначительно, может встать вопрос об исключении уголовной ответственности.

В судебной практике возникает вопрос о квалификации действий представителей власти, которые в связи с исполнением служебных обязанностей наделены оружием и при необходимой обороне применили это оружие.

Поскольку представителям власти оружие выдается для охраны общественного порядка, пресечения преступных действий и для применения его при исполнении других служебных обязанностей, существует мнение, что при необходимой обороне эти лица должны руководствоваться не только положениями уголовного закона, но и другими нормами (ведомственными инструкциями и пр.).

Так, по делу И., по мнению одной из судебных инстанций, превышение пределов необходимой обороны работником милиции выразилось в том, что И. как работник милиции должен был действовать в соответствии с правилами применения оружия работниками милиции и произвести предупредительный выстрел².

Пленум Верховного Суда СССР признал эту позицию неправильной и указал: «Положение закона о необходимой обороне в равной степени распространяется как на работников милиции, так и на всех других граждан; никаких особых требований о необходимой обороне работника милиции Закон не устанавливает».

Решение этих вопросов на практике осложняется еще тем, что применение оружия представителями власти при необходимой обороне внешне напоминает превышение власти, соединенное с насилием над личностью, и поэто-

му суды иногда квалифицируют эти действия как превышение служебных полномочий. Действия представителя власти, применившего оружие в связи с исполнением служебных обязанностей в целях обороны от нападения и причинившего при этом тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения в случае превышения пределов необходимой обороны образуют не должностное преступление, а преступление против здоровья.

Наказывается тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны, лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок.

§ 6 УМЫШЛЕННЫЕ ЛЕГКИЕ ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

К легким телесным повреждениям закон относит такое нарушение анатомической целостности тканей, функций органов и тканей человеческого тела, которое повлекло за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, а также такое телесное повреждение, которое вызвало незначительное расстройство здоровья без утраты трудоспособности.

В законе не называются признаки умышленного легкого телесного повреждения. Очевидно, что эти телесные повреждения исключают возможность наступления последствий, присущих тяжким или менее тяжким телесным повреждениям. Поэтому умышленное легкое телесное повреждение — это такое причинение вреда здоровью, которое лишено признаков, изложенных в ст. 108, 109 УК РСФСР.

Действующее законодательство предусматривает два вида легких телесных повреждений: легкие телесные повреждения, вызвавшие кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности (ч. 1 ст. 112 УК), и легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой этих последствий (ч. 2 ст. 112 УК). Утрата трудоспособности должна быть причинно связана и обусловлена телесными повреждениями.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г. № 4, стр. 33

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 6, стр. 23—25.

Умышленное легкое телесное повреждение, повлекшее за собой кратковременное расстройство здоровья, предполагает наличие одного из двух признаков: кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности.

Кратковременное расстройство здоровья предполагает такое расстройство здоровья, которое вызвало заболевание, повреждение или нарушение функций какого-либо органа, продолжавшееся не менее семи дней, но не свыше четырех недель. Если телесные повреждения вызвали расстройство здоровья свыше четырех недель, то они будут подпадать под признаки менее тяжкого телесного повреждения.

При определении продолжительности расстройства здоровья как признака легкого телесного повреждения не следует механически уравнивать продолжительность временной утраты профессиональной трудоспособности и длительность расстройства здоровья. В этом случае так же, как и при тяжких и менее тяжких телесных повреждениях, имеется в виду общее расстройство здоровья, а не расстройство здоровья, продолжительность которого определяется профессиональными функциями потерпевшего.

Например, лицо, получившее нагноение царапины и работающее кондитером, может получить освобождение от работы на продолжительное время (и более 4 недель), однако такое повреждение будет отнесено к легкому независимо от продолжительности временной нетрудоспособности, так как эта продолжительность определялась не тяжестью причиненного вреда здоровью, а особенностью профессии потерпевшего.

Незначительная стойкая утрата трудоспособности — второй признак легкого телесного повреждения. В этом случае утрата трудоспособности предполагает, что причиненное телесное повреждение вызывает стойкую утрату общей трудоспособности менее 15%. При этом также имеется в виду не профессиональная, а общая трудоспособность. Относительно небольшой процент утраты трудоспособности служит показателем того, что здоровью потерпевшего не было нанесено большого ущерба.

Легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья, предполагают,

что легкие телесные повреждения причинили здоровью незначительный вред.

Легкие телесные повреждения этого вида причиняют вред здоровью на очень короткий срок. В данном случае расстройство здоровья связано с временной утратой трудоспособности продолжительностью не более семи дней.

При легких телесных повреждениях, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья, исключается стойкая утрата трудоспособности любой степени.

Наказывается умышленное легкое телесное повреждение, повлекшее за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок (ч. 1 ст. 112 УК РСФСР). Умышленное легкое телесное повреждение, не повлекшее за собой этих последствий, наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей, либо допускается применение мер общественного воздействия (ч. 2 ст. 112 УК РСФСР).

Уголовные кодексы Украинской, Узбекской, Казахской, Азербайджанской, Латвийской, Таджикской, Эстонской союзных республик в санкциях статей, предусматривающих ответственность за умышленные легкие телесные повреждения, применение мер общественного воздействия не предусматривают.

§ 7. НЕОСТОРОЖНЫЕ ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

Общественная опасность правонарушения в значительной степени зависит от психического отношения виновного к своим действиям и их последствиям. Эта зависимость существует при совершении любых преступлений, и в частности при преступлениях против здоровья. Больше того, зависимость степени общественной опасности от формы вины при этих преступлениях настолько значима, что в законе предусматривается отдельно ответственность за умышленные и неосторожные телесные повреждения.

При телесных повреждениях отсутствие у виновного желания причинить вред здоровью — показательный признак совершенного преступления, и, несмотря на тяжкий характер последствий, неосторожная вина свидетельствует о меньшей общественной опасности содеянного.

В законе предусмотрена ответственность за неосторожное причинение телесных повреждений на единичных основаниях, как при вине в форме преступной небрежности, так и при преступной самонадеянности.

При преступной самонадеянности виновный предвидит возможность причинения телесных повреждений, но не желает их наступления и легкомысленно надеется предотвратить возможные вредные последствия. Следовательно, в подобных случаях виновный совершает действия, опасные для жизни и здоровья, но проявляет легкомысленное, а подчас и пренебрежительное отношение к благополучию, безопасности, здоровью других людей. Наступившие последствия придают им четко выраженный преступный характер.

При преступной самонадеянности виновный понимает общественную опасность своих действий, сознает, что ставит в опасность здоровье другого человека, но, сознавая это, не желает наступления вредных последствий. В случае реальной угрозы причинения вреда здоровью других людей виновный надеется предотвратить эти последствия, рассчитывает на какие-то определенные обстоятельства, которые, по его мнению, способны не допустить причинения увечья, ранения или других телесных повреждений. К числу этих обстоятельств прежде всего относятся силы и способности самого виновного и действия других лиц.

В некоторых случаях при самонадеянности виновный может рассчитывать и на закономерные процессы, происходящие в природе. Однако такая надежда не может считаться достаточно серьезной в случаях, когда действия виновного могут причинить тяжелый вред здоровью (лишение зрения, какого-либо органа, прерывание беременности и т. п.).

Если виновный, ставя в опасность важные блага человека, рассчитывает на силы природы, то это будет свидетельствовать не о легкомысленной надежде предотвратить вредные последствия, а о пренебрежительном отношении к интересам других людей, о безразличном

отношении к их наступлению. Подобного рода ситуация будет свидетельствовать о совершении действий с косвенным умыслом.

Причинение телесных повреждений в результате преступной самонадеянности может быть следствием нарушения тех или иных правил предосторожности. При этом виновный предвидит возможность наступления вредного результата, но легкомысленно надеется не допустить этого. Если виновный рассчитывает не на какие-то конкретные обстоятельства, а действует на «авось», безразлично относясь к возможным последствиям, такого рода деяния характеризуются косвенным умыслом.

При преступной небрежности телесные повреждения причиняются в результате таких действий, при которых виновный не предвидит возможности причинения вреда здоровью других граждан, но по обстоятельствам дела должен и может предвидеть наступление вредных последствий. Причиной телесных повреждений в результате преступной небрежности, виновный не только не желает причинения вреда здоровью других лиц, но и не предвидит такой возможности.

Непредвидение возможности наступления последствий в виде причинения вреда здоровью может относиться к разным сторонам деятельности человека.

Непредвидение может относиться к характеру действий виновного, к их последствиям и к развитию причинной связи между его действиями и причиненными телесными повреждениями.

При характеристике преступной небрежности, следствием которой стало причинение телесных повреждений, необходимо исходить из того, что виновный в конкретно сложившихся условиях не только должен был, но и мог предвидеть наступление вредного результата в виде причинения вреда здоровью.

При определении степени возможности предвидения необходимо исходить из сложившейся обстановки, поведения потерпевшего, времени и места действия, личности, причинившей вред здоровью другого человека. В этом случае необходимо руководствоваться как объективным, так и субъективным критерием.

Объективный критерий определяется общими требованиями норм поведения в социалистическом обществе, которые предъявляются к советским гражданам при со-

блюдении общих правил предосторожности. Эти правила хорошо понятны, так как они касаются жизненно важных интересов каждого человека.

Правила социалистического общежития, основанные на советских законах, на требованиях морального кодекса строителя коммунизма, определяют тот объективный критерий, который служит основанием для решения вопроса: нарушены ли пределы предусмотрительности или нет.

Такое понимание объективного критерия не имеет ничего общего с пониманием «объективного критерия» в буржуазном праве, где критерий небрежности покоится на конструировании «среднего» предусмотрительно человека, служащего эталоном при решении вопроса о нарушениях предусмотрительности.

Субъективный критерий позволяет судить, мог ли данный конкретный человек в сложившихся обстоятельствах предвидеть возможность причинения вреда здоровью другого лица.

Этот вопрос решается с учетом индивидуальных особенностей личности виновного, его профессиональной подготовки, жизненного опыта, возраста, а также с учетом иных обстоятельств, раскрывающих субъективные возможности человека.

При оценке этих возможностей недопустимо подходить со средней меркой поведения, со средним эталоном осторожности, добросовестности и т. п. Каждый раз необходимо выявить индивидуально присущие человеку способности, объективные условия, в которых ему пришлось действовать.

Вывод о том, «должно ли» было лицо предвидеть наступление вредного результата, основывается на объективном критерии, а вопрос о том, «могло ли» оно предвидеть наступивший результат, решается на основе субъективного критерия.

При решении вопроса о виновности лица в неосторожном телесном повреждении необходимо руководствоваться этими критериями, рассматривая их в диалектическом единстве.

Возможность предвидения последствий своих действий в каждом конкретном случае индивидуальна и ограничена определенными пределами. Человек может оказаться в таких условиях, когда совершает действия, причиняю-

щие вред здоровью другого лица, не имея возможности предвидеть наступление вредных последствий. Подобное состояние психики исключает уголовную ответственность, поскольку при этом имеет место «случай» или «казус» — невиновное совершение действий, которые не лишены известной степени общественной опасности, но не могут влечь уголовной ответственности.

Пределы возможности предвидения наступления вредных последствий при телесных повреждениях в значительной степени определяются характером индивидуальных особенностей рассматриваемых преступлений.

Легко фиксируются в сознании такие последствия, как лишение зрения, слуха, прерывание беременности, обезображивание лица, увечья, влекущие значительную утрату трудоспособности. Предвидеть возможность наступления названных последствий, состоящих в причинении вреда таким благам, которые имеются в распоряжении каждого человека, легче, чем наступление таких, например, последствий, как нарушение нормальной работы учреждения, нарушение графика движения транспорта, и для оценки возможности наступления которых необходимы определенные профессиональные, служебные и другие специальные познания.

Действующее законодательство по-разному определяет уголовную ответственность за неосторожные тяжкие и неосторожные менее тяжкие телесные повреждения. Ответственность за неосторожные легкие телесные повреждения в уголовных кодексах не предусмотрена (кроме УК Узбекской и Латвийской ССР).

Неосторожные тяжкие телесные повреждения (ч. 1 ст. 114 УК РСФСР).

По сравнению с другими неосторожными преступлениями против здоровья за их совершение предусмотрено большее наказание. Это обусловлено не только тем, что в данном случае наступают более тяжелые последствия.

При неосторожном причинении тяжких телесных повреждений виновные обнаруживают большую степень неосмотрительности, недисциплинированности, в большей степени игнорируют интересы других людей, а в некоторых случаях и пренебрежительно относятся к жизни и здоровью граждан. Возможность причинения таких повреждений, как лишение потерпевшего зрения или того или иного органа, прерывание беременности и т. п., чет-

ко выражена и легко отражается в сознании. Непредвидение их или легкомысленный расчет на недопущение наступления таких последствий свидетельствует о большей общественной опасности виновного. При причинении тяжких телесных повреждений виновный имеет большую возможность предусмотреть реальную угрозу здоровью других граждан от совершаемых им действий и более правильно определить характер своего поведения.

Объективные признаки неосторожного тяжкого телесного повреждения определены в ч. 1 ст. 108 УК. Степень тяжести вреда, причиненного здоровью, определяется теми же признаками, что и при умышленных телесных повреждениях.

При неосторожных тяжких телесных повреждениях неосторожная вина охватывает как действия, так и их последствия. Возможно, однако, когда действия виновного были совершены умышленно, а отношение к наступившему результату выражается в форме неосторожности. В целом такое деяние будет образовывать неосторожное телесное повреждение. На охоте в лесу Р. решил испробовать кучность боя своего ружья. Не проявив должной предосторожности, он произвел выстрел в подвешенную на дерево газету. Одной из дробинок был выбит глаз мальчику, собиравшему в лесу грибы. Суд правильно квалифицировал эти действия как неосторожное тяжкое телесное повреждение.

Неосторожное тяжкое телесное повреждение лишено признаков, изложенных в ч. 2 ст. 108 УК. Мучения и истязания не могут совершаться по неосторожности. В случае же причинения смерти при неосторожных телесных повреждениях содеянное образует неосторожное убийство.

Неосторожное менее тяжкое телесное повреждение (ч. 2 ст. 114 УК РСФСР) является менее опасным как по характеру причиненного потерпевшему вреда, так и по меньшей степени нарушения правил социалистического общежития, требований предосторожности, допущенных виновным. Объективные признаки менее тяжкого телесного повреждения изложены в ст. 109 УК.

Уголовные кодексы союзных республик по-разному оценивают степень общественной опасности неосторожного тяжкого телесного повреждения. Менее удачной

представляется та конструкция статьи об ответственности за неосторожные телесные повреждения, в которой определяется единая ответственность за неосторожное причинение как тяжкого, так и менее тяжкого телесного повреждения (УК Украинской, Литовской, Молдавской, Узбекской, Латвийской и Киргизской союзных республик).

При единой норме ответственности за тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения суду трудно дифференцировать наказание за эти два самостоятельных и разных по общественной опасности преступления, и поэтому более вероятны ошибки в определении меры наказания.

Уголовные кодексы Латвийской и Узбекской ССР предусматривают уголовную ответственность за неосторожные легкие телесные повреждения. Представляется, что неосторожное легкое телесное повреждение, хотя бы и соединенное с расстройством здоровья, является деянием, которое по своей общественной опасности не может быть признано преступлением. Нарушение правил предосторожности, следствием которого стало легкое телесное повреждение, не может рассматриваться как преступное отношение виновного к соблюдению правил социалистического общежития, к охране здоровья других людей и не свидетельствует о достаточно высокой степени общественной опасности виновного.

Кроме того, возможность предвидения причинения незначительного вреда здоровью потерпевшего настолько ничтожна, что вменение в вину учиненных действий граничило бы с объективным вменением.

Не случайно поэтому уголовные кодексы всех других союзных республик не предусматривают в подобном случае уголовной ответственности. Это, конечно, не означает, что общественность должна проходить мимо такого поведения граждан, которое представляет собой опасность для окружающих, хотя и совершается по неосторожности. Товарищеские суды и другие общественные организации трудящихся могут и должны рассматривать такие поступки.

Уголовная ответственность за неосторожные телесные повреждения наступает с 16 лет. В возрасте до 16 лет подростки еще не могут в полной мере нести ответственности за нарушение правил предосторожности и причи-

нение при этом по неосторожности телесных повреждений. В подобных случаях возможно применение мер медико-педагогического порядка или мер общественного воздействия.

Наказывае́тся неосторожное тяжкое телесное повреждение лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года. Неосторожное менее тяжкое телесное повреждение наказывае́тся исправительными работами на срок до одного года или общественным порицанием. Такое же наказание предусматривается в уголовных кодексах Белорусской, Таджикской, Армянской и Туркменской союзных республик. Меньшие сроки наказания указаны в уголовных кодексах Грузии, Азербайджана и Эстонии. УК Казахской ССР предусматривает возможность передачи дела о неосторожных телесных повреждениях средней тяжести в товарищеский суд.

УК Латвийской ССР за неосторожное легкое телесное повреждение, повлекшее за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, предусматривает наказание — исправительные работы на срок до шести месяцев, или штраф в размере до тридцати рублей, или общественное порицание, или допускает применение мер общественного воздействия (ч. 2 ст. 110).

По УК Узбекской ССР совершение неосторожного легкого телесного повреждения наказывае́тся исправительно-трудовыми работами на срок до шести месяцев или общественным порицанием (ч. 1 ст. 92).

§ 1 ПОБОИ И ПРИЧИНЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ БОЛИ

Отличительным признаком этого преступления является причинение физической боли без видимого (очевидного) причинения вреда здоровью человека, т. е. без телесных повреждений и других признаков, констатируемых при наблюдении потерпевшего. Этот признак не только анатомический признак побоев, но и показатель характера вреда, причиненного здоровью, а следовательно, свидетельство степени общественной опасности преступного деяния и личности преступника.

Медицинская наука определяет боль как «своеобразное психическое состояние человека, определяющееся совокупностью физиологических процессов центральной нервной системы, вызванных к жизни каким-либо сверхсильным или разрушительным раздражением»¹.

Такие раздражения, в частности, заключаются в разных по тяжести телесных повреждениях. Боль — неизбежный спутник любого телесного повреждения. Нарушения анатомической целостности тканей или функций органов человеческого организма как раз и являются теми «разрушительными раздражениями», которые вызывают физическую боль. Однако физическая боль может быть вызвана не только телесными

¹ «БМЭ», 1958, т. 4, стр. 74. « Боль — самый жестокий враг человека. Она подавляет и угнетает психику, делает людей слабыми, беспомощными. Все помыслы человека, испытывающего боль, направлены на то, чтобы от нее избавиться, успокоить ее, заглушить всеми доступными средствами » (Г. П. Кассиль, Боль и обезболивание, М., 1960,

повреждениями, но и такими действиями, как побои, щипки, дергание волос и другими противоправными насильственными действиями, не связанными с такими внешними, легко поддающимися констатации признаками, как нарушение анатомической целостности тканей и нарушение функций органов человеческого тела.

Законодательство союзных республик по-разному определяет ответственность за побои. В уголовных кодексах всех союзных республик, кроме РСФСР и БССР, предусмотрены специальные статьи об ответственности за побои и другие насильственные действия, причиняющие физическую боль. Уголовные кодексы РСФСР и БССР не выделяют специальной нормы о побоях, а определяют ответственность за них в одной норме и на единых основаниях с легкими телесными повреждениями.

Разный подход уголовного законодательства союзных республик к определению ответственности за побои не может служить основанием для отрицательного решения вопроса о самостоятельном характере данного вида преступления¹.

Как уже отмечалось, побои обладают специфическими признаками, которые отличают их от остальных преступлений против здоровья — от телесных повреждений, абортa, заражения венерической болезнью.

Специфическая особенность данного преступления против здоровья как раз и состоит в отсутствии нарушений анатомической целостности или физиологической функции тканей, органов и систем человеческого организма.

Побои — это нанесение ударов (чаще всего множественных) или иное причинение физической боли, после которых не остается видимых повреждений в виде нарушений функций органов человеческого организма или телесных повреждений (кровоподтеков, ссадин) и т. п.

Объектом преступного посягательства при побоях является здоровье человека. Причинение физической

боли представляет большую опасность для организма, нарушает его нормальную деятельность и даже может вызвать смерть от так называемого болевого шока¹.

«Боль отягощает и разрушает человеческую жизнь. Если боль достигает большой силы и если она длится продолжительное время, то она отнимает у человека желание работать и лишает его радости жизни. Боль охватывает почти весь круг его интересов и концентрирует его внимание только на самом себе и на своей боли. Боль истощает человека душевно и физически, делает его подавленным, затуманивает ясный взгляд на жизнь и на будущее, отчуждает его от близких людей, не дает спокойно спать и спокойно есть. Боль снижает физические способности и силу человека, изнашивает его, изменяет и уничтожает его духовные качества и даже его моральный облик»². Причинение физической боли нарушает нормальную деятельность сердечно-сосудистой системы, сказывается на кровяном давлении, ритмичности работы сердца, влияет на деятельность легких, органов внутренней секреции и др.

С внешней стороны побои состоят в разнообразных активных действиях, причиняющих физическую боль, причем интенсивность и характер действий таковы, что в их результате не наступает длительного расстройства здоровья, не остается телесных повреждений — кровоподтеков, ссадин. Побои характерны с объективной стороны как раз тем, что «при насильственных действиях отсутствуют морфологические изменения организма человека»³. В этом случае не может быть эффективной и роль судебно-медицинского эксперта, так как отсутствие объективных, внешне выраженных признаков лишает его возможности констатировать имевшее место посягательство на здоровье.

Трудности в фиксации объективных признаков побоев ни в какой мере не означают, что это преступление лише-

стр. 5). П. К. Анохин, О физиологических механизмах болевых реакций, «Акушерство и гинекология» 1956 г. № 3, стр. 70—80.

¹ Н. Д. Дурманов, Понятие телесных повреждений по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1956 г. № 1, стр. 84; А. П. Филиппов, Борьба с умышленными телесными повреждениями по советскому уголовному праву, автореферат канд. дисс., Л., 1964, стр. 6.

¹ Б. Петровский, Победить боль, «Известия» 12 октября 1963 г.

² А. Ирасек, Хирургия боли, изд-во Чехословацкой Академии наук, Прага, 1963, стр. 13.

³ В. В. Орехов, Основные вопросы общего учения об уголовной ответственности за телесные повреждения, «Вестник Ленинградского университета 1957 г.», серия экономики, философии и права, № 11, вып. 2, стр. 121.

по самостоятельности. Напротив, это является характерным признаком данного преступления против здоровья. Отсутствие «телесного повреждения» обязывает органы правосудия внимательно отнестись к оценке этого вида посягательства на здоровье, не ограничиваться наказанием и предупреждением только тех преступных посягательств, которые оставляют внешне хорошо видимые следы.

Объективные свойства этого преступления с несомненностью указывают, что в результате причинения физической боли наступает разное по тяжести причинение вреда здоровью. Однако этот вредный результат очень трудно зафиксировать непосредственно после совершения преступления и особенно по истечении некоторого промежутка времени. Поэтому ответственность за побой наступает при доказывании одного факта совершения действий, вызывающих боль, независимо от индивидуальных ощущений физической боли и от характера и тяжести причиненного этими преступными действиями вреда организму человека.

Уголовный кодекс в ч. 1 ст. 112 говорит о легких телесных повреждениях и побоях, повлекших за собой кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности. Эти признаки могут быть последствиями только телесного повреждения. Следовательно, побои как действия, причиняющие только физическую боль без нарушения анатомической целостности тканей и функций органов человеческого тела, могут квалифицироваться только по части второй этой статьи.

Действующее законодательство устанавливает уголовную ответственность только за умышленное нанесение побоев. Неосторожное причинение вреда здоровью путем причинения только побоев или иной физической боли может повлечь за собой ответственность только в административном или дисциплинарном порядке или быть предметом рассмотрения товарищеского суда.

Наказывается умышленное нанесение побоев лишением свободы на срок до шести месяцев, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до пятидесяти рублей, либо влечет применение мер общественного воздействия.

Посягательством на здоровье являются истязания. Они выражаются в причинении тяжких мучений, особенной жестокой боли, могут иметь разную форму и по-разному квалифицироваться.

Истязания могут быть сопутствующим обстоятельством при тяжких или менее тяжких телесных повреждениях и в этом случае рассматриваются как квалифицирующее обстоятельство соответствующего вида телесного повреждения.

Кроме того, закон устанавливает уголовную ответственность за истязания как таковые, т. е. за причинение жестоких мучений, особенной боли. В этом случае истязание выступает как самостоятельное преступное посягательство на здоровье (ст. 113 УК РСФСР).

Уголовный кодекс РСФСР и УК других союзных республик определяют истязание как систематическое нанесение побоев или иные действия, носящие характер истязания, если они не повлекли тяжких и менее тяжких телесных повреждений. Из этого определения истязания как самостоятельного преступления вытекает, что преступные деяния при истязании с объективной стороны могут иметь форму легких телесных повреждений, побоев, учиняемых систематически, или иных действий, причиняющих особо мучительную боль.

Легкие телесные повреждения при истязании обычно носят систематический характер, так как единократное легкое телесное повреждение не вызывает особо мучительной боли. Однако в исключительных случаях, когда и однократное легкое телесное повреждение способно вызвать особо мучительную боль (например, при ожоге), действие может квалифицироваться как истязание.

При тяжких и менее тяжких телесных повреждениях истязание рассматривается как квалифицирующий признак этих преступлений. При легких телесных повреждениях, наоборот, истязание кладется в основу квалификации, и легкое телесное повреждение, сопровождающееся особыми мучениями, должно квалифицироваться по ст. 113, а не 112 УК РСФСР.

Побой как объективная сторона преступления-истязания должны обладать известными особенностями. Отличительная особенность этого преступления состоит в том,

что действия при истязании своими количественными признаками обуславливают иное качественное содержание последствий, характера причиненного вреда здоровью и в целом совершенного преступления.

Единокатное нанесение удара остается в рамках только этого преступления (удары или побои), но те же действия, совершаемые систематически, многократно, иначе воздействуют на человеческий организм. Они причиняют не просто боль, а особенно мучительную боль, продолжающуюся или многократно повторяемую и тем самым более глубоко травмирующую организм человека и, следовательно, причиняющую здоровью большой вред.

Истязания — такие действия, которые повторяются многократно или одним действием вызывают длящуюся боль и поэтому глубоко травмируют здоровье человека. В данном случае количественный признак имеет решающее значение для конструкции состава преступления.

Судебная практика правильно считает, что «под истязанием следует понимать физическое насилие, совершаемое систематически или связанное с длительным причинением физического страдания». Приговором Иркутского областного суда Л. признан виновным в том, что он истязал жену — гр-ку Л-ву и осужден по ст. 113 УК РСФСР к одному году лишения свободы.

Рассмотрев это дело по кассационной жалобе Л., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила: Л-ва показала в суде, что в течение двух лет муж дважды наносил ей побои. Как видно из материалов дела, указанные действия Л. не носили систематического характера и не причинили потерпевшей длительных физических страданий. А под истязанием понимается систематическое, т. е. постоянно повторяющееся нанесение побоев или причинение телесных повреждений, связанных в силу их систематичности со значительными физическими и психическими страданиями. Поэтому действия Л. нельзя расценивать как истязания. В связи с этим их следует квалифицировать не по ст. 113 УК, а по ч. 2 ст. 112 УК как умышленные легкие телесные повреждения, не повлекшие расстройства здоровья¹.

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965 г. № 1, стр. 11.

Истязание, таким образом, может осуществляться путем нанесения множественных, продолжительных ударов и побоев, легких телесных повреждений, щипков и иных действий, причиняющих особенно мучительную боль. При истязаниях потерпевшим выступает обычно лицо, зависимое от преступника, которое в силу этой зависимости не может уклониться от издевательств. Зависимое положение потерпевшего является определенным и весьма показательным свидетельством повышенной опасности виновного.

При квалификации преступных действий по ст. 113 УК РСФСР в случаях, если потерпевший находился в зависимом положении, это учитывается как обстоятельство, отягчающее ответственность в силу п. 5 ст. 39 УК. Это обстоятельство имеет также большое значение для избрания вида и определения размера наказания.

При истязании причинение потерпевшему особенно мучительной физической боли неизбежно. Один факт нанесения множественных периодических ударов, щипков, легких телесных повреждений и иных подобных действий свидетельствует о том, что последствия этого преступления — причинение особенно мучительной физической боли налично.

Поэтому установление того, испытал потерпевший эту боль или нет и была ли она действительно особенно мучительной, не служит предметом доказывания по уголовному делу.

Закон в этом случае исходит из общего свойства человеческого организма, которое состоит в том, что механические удары, побои вызывают ответную реакцию нервной системы человека в виде болевого ощущения.

Систематическое нанесение ударов или совершение иных подобных действий, воздействующих механически на организм человека, рассматривается как полное содержание объективной стороны; что же касается последствий, то наступление боли неизбежно, и поэтому этот признак оставлен за пределами состава.

Признаком истязания является множественный характер действий. Это в свою очередь является показателем общественной опасности личности виновного, свидетельством жестокости, пренебрежения к интересам потерпевшего и т. п.

Характер действий при истязании предопределяет также содержание субъективной стороны этого преступления. Истязания могут совершаться только умышленно.

Наказывается истязание лишением свободы на срок до трех лет.

§ 3. ЗАРАЖЕНИЕ ВЕНЕРИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Вред здоровью другого человека может быть причинен не только путем механического повреждения целостности человеческого организма или нарушения функций органов и систем тела человека, но и путем введения в организм разного рода инфекций, возбудителей заболеваний.

Здоровье может пострадать или оказаться совсем подорванным от умышленного заражения такими болезнями, как дизентерия, брюшной тиф, проказа, сибирская язва и т. п.

Такое заражение может в некоторых случаях повлечь за собой уголовную ответственность в зависимости от характера наступивших от этого последствий, в частности, как за разные по тяжести телесные повреждения. Например, умышленное заражение трахомой, повлекшее за собой слепоту, может обусловить уголовную ответственность за телесные повреждения. Однако подобного рода дела встречаются редко, и практически судебным органам приходится иметь дело только с заражением венерической болезнью.

Закон устанавливает уголовную ответственность за заражение венерической болезнью потому, что, во-первых, в практике такие факты встречаются и, во-вторых, при этом преследуется общая превентивная цель. Она состоит в том, чтобы удержать отдельных лиц от половой распущенности, от случайных связей и аморального поведения в быту. Наличие уголовной ответственности за заражение венерической болезнью должно быть предупредительным средством, удерживающим лиц, страдающих этой болезнью, от общения с другими гражданами в такой форме, которая могла бы повлечь за собой передачу венерического заболевания другому лицу.

Заражение венерической болезнью причиняет вред здоровью человека. Даже в тех случаях, когда эта болезнь легко излечивается, кратковременное расстройство здо-

ровья неизбежно, а в некоторых случаях, особенно при несвоевременном лечении, такое заболевание, как сифилис, может повлечь за собой тяжкое расстройство здоровья в виде психического заболевания, нарушение функций отдельных органов и т. п. Поэтому с полным основанием рассматриваемое преступление относится к преступлениям против здоровья.

Ответственность за заражение венерической болезнью, как это вытекает из закона, может нести только лицо, страдающее этой болезнью и знавшее о наличии у него такого заболевания.

К венерическим болезням медицина относит сифилис, гонорею и мягкий шанкр. Характер венерических заболеваний, и влияющие на здоровье человека, неодинаковы. Различны также приемы и продолжительность лечения этих болезней и перспективы излечимости. Однако для квалификации данного преступления значения не имеет, каким венерическим заболеванием заражен потерпевший.

При определении меры наказания суд должен учитывать, каким заболеванием заражен потерпевший, насколько успешным оказалось последующее лечение и какие вредные последствия фактически наступили. Но для состава рассматриваемого преступления не имеет значения, какие последствия наступили в результате заражения венерическими заболеваниями. Сам факт заражения другого лица венерической болезнью образует законченный состав преступления.

При заражении венерической болезнью больной может полностью вылечиться от этой болезни и в последующем от нее никаких вредных результатов может не наступить. Однако сам факт заражения венерической болезнью настолько опасен, что законодатель наступление или ненаступление тяжких последствий оставляет вне состава данного преступления, и он должен учитываться судом только при определении меры наказания.

В рассматриваемом составе преступления предполагается наличие специального субъекта — лица, достигшего 16-летнего возраста и болеющего венерической болезнью.

Лица, не страдающие венерической болезнью, но заразившие другое лицо этим заболеванием (путем искусственного внесения инфекции в организм другого лица),

не могут отвечать по данной статье. Гр-ка К., зная, что ее сосед по квартире страдает венерической болезнью, из чувства мести систематически подставляла его посуду соседке и ее детям с намерением передать заболевание другим лицам. Таким способом произошло заражение венерической болезнью в результате действия лица, не страдающего венерическим заболеванием. Подобного рода случаи не могут квалифицироваться по ст. 115 УК РСФСР, а могут образовывать при определенных условиях состав иного преступления против здоровья. Это деяние может образовывать состав тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в зависимости от характера ущерба, причиненного здоровью потерпевшего.

Заражение венерической болезнью чаще всего бывает при половом акте. Однако возможно распространение этой инфекции и иным способом, например при пользовании общей посудой, при поцелуе, при пользовании общими вещами и т. п.

Заражение венерической болезнью с субъективной стороны характеризуется только умышленной виной или неосторожностью в форме преступной самонадеянности.

Указание законодателя на то, что ответственность за данное преступление несут только лица, знавшие о наличии у них венерического заболевания, исключает ответственность при преступной небрежности.

Заражение венерической болезнью по неосторожности в результате преступной самонадеянности означает, что лицо, страдающее венерической болезнью, вступая в половой акт или в иное общение со здоровым лицом, сознает опасность его заражения этой болезнью, но рассчитывает избежать этого, надеясь на те или иные средства предостережения.

При умышленном совершении этого преступления виновный или желает заразить другое лицо венерической болезнью, или безразлично относится к подобным последствиям, допускает их наступление.

В литературе высказано мнение о том, что «при наличии прямого умысла в отношении заражения потерпевшего виновный должен нести ответственность за причинение ему телесных повреждений»¹.

Того же мнения придерживаются авторы учебника «Советского уголовного права» (часть Особенная), которые считают, что «прямой умысел для этого состава невозможен и при наличии его деяние должно будет квалифицироваться по ст. 108 или ст. 109 УК РСФСР»¹. Однако никаких доводов в обоснование этого мнения не приводится. С нашей точки зрения, такое утверждение ошибочно.

Закон специально выделяет состав заражения венерической болезнью. Эта — частная норма по отношению к нормам о телесных повреждениях. Поэтому и при наличии прямого умысла заражение венерической болезнью должно квалифицироваться по ст. 115 УК РСФСР. Для квалификации подобного рода действий по ст. 108 или ст. 109 нет достаточных оснований еще и потому, что заражение венерической болезнью в большинстве случаев не имеет последствий, указанных в ст. ст. 108 и 109 УК. Вопрос о квалификации действий по этим статьям может возникнуть только в том случае, если заражение венерической болезнью вызовет или утрату трудоспособности больше чем на $\frac{1}{3}$, или неизгладимое обезображивание лица, или иные последствия, указанные в этих статьях.

Таким образом, заражение венерической болезнью и при прямом умысле виновного охватывается составом ст. 115 УК РСФСР и только в том случае, если эти действия повлекут за собой последствия, указанные в ст. ст. 108 и 109 УК независимо от формы умысла, может встать вопрос о квалификации заражения венерической болезнью как умышленного тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

В борьбе с распространением венерических заболеваний имеет первостепенное значение хорошо поставленная система принудительного лечения лиц с такими болезнями. С этой точки зрения было бы целесообразно опре-

¹ «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1964, стр. 153. Такого же мнения придерживается П. А. Дубовец, который утверждает, что «умысел при заражении венерической болезнью может быть только косвенным. При наличии прямого умысла на заражение венерической болезнью содеянное должно квалифицироваться как умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение» П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 118.

¹ «Научно-практический комментарий УК РСФСР», М., 1964, стр. 237.

делить в санкции данной статьи не только вид и размер наказания, но и принудительное лечение.

Уголовный кодекс Грузинской ССР (единственный из УК союзных республик) предусматривает специальный состав — злостное уклонение от лечения венерической болезни (ст. 122).

Уголовный кодекс Латвийской ССР (ч. 2 ст. 112) устанавливает уголовную ответственность не только за заражение венерической болезнью, но и за заведомое поставление другого лица через половое сношение или иные действия в опасность заражения венерическим заболеванием. Эта норма имеет предупредительное значение. До принятия в 1960—1962 гг. новых уголовных кодексов подобная норма содержалась в УК большинства союзных республик. Однако впоследствии все союзные республики, кроме Латвийской ССР, признали возможным с подобного рода деяниями вести борьбу мерами общественного и административного воздействия.

Предупредительное средство распространения венерических заболеваний состоит в установлении ответственности за злостное уклонение от их лечения. Органы министерства здравоохранения ведут большую работу по предупреждению распространения венерических заболеваний и принудительному лечению лиц, страдающих ими. В этом случае используются меры общественного воздействия, административноправовые и дисциплинарные меры.

В борьбе с венерическими заболеваниями прежде всего должны быть использованы медико-профилактические и санитарно-пропагандистские средства, меры общественного воздействия. Что же касается уголовноправовых средств, то в этом случае они не играют главной роли и применяются только в крайних случаях, когда меры, применяемые административными органами и общественностью, окажутся недостаточными.

Наказывается заражение венерической болезнью лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года. Уголовный кодекс Узбекской ССР указывает на присоединение к основному наказанию принудительного лечения (ст. 101 УК).

Уголовный кодекс Грузинской ССР устанавливает наказание за злостное уклонение от лечения венерической

болезни — лишение свободы на срок до одного года (ч. 2 ст. 122 УК).

Уголовный кодекс Латвийской ССР предусматривает ответственность за поставление другого лица через половое сношение или иные действия в опасность заражения венерической болезнью и устанавливает наказание — лишение свободы на срок до шести месяцев, или исправительные работы на срок до одного года, или штраф в размере до пятидесяти рублей (ч. 2 ст. 112 УК).

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
КРИМИНАЛЬНОГО АБОРТА

Криминальный аборт прежде всего причиняет вред здоровью женщины. Это обстоятельство последовательно отражено в действующем уголовном законодательстве союзных республик, а также единодушно признается представителями медицинской науки и юристами¹.

При написании учебников это преступление чаще всего помещают среди преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье человека.

Советское государство всегда стремилось создать условия, в которых каждая женщина имела бы возможность родить и воспитать ребенка. С этой целью принимался ряд мер для того, чтобы женщины имели возможность помещать детей в ясли, детские сады, устанавливалась ответственность за невыполнение отцами своих алиментных

¹ «Многотомное руководство по акушерству и гинекологии», М., 1961, т. VI, стр. 29; М. Г. Сердюков, Чем вреден и опасен аборт, М., 1954, стр. 40; Е. К. Кириловская, Анализ внебольничных абортотворений и борьба с ними («Первая научно-практическая конференция врачей г. Кишинева», Кишинев, 1962); А. Вербенко, С Ильин, В. Гусева, К вопросу организации борьбы с абортотворениями, «Вопросы охраны материнства и детства» 1965 г. № 8, стр. 80; И. М. Косой, Аборт не проходит бесследно, М., 1956, стр. 12; М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 412; Г. А. Мендельсон, Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 16, А. А. Пионтовский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, М., 1955, т. 1, стр. 512; И. И. Горелик, Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву, Минск, 1964, стр. 84—85.

обязательств и создавались условия, при которых женщина как можно реже прибегала бы к аборту.

Самый передовой класс общества, — указывал В. И. Ленин, — рабочий класс всегда был против искусственного прерывания беременности. Он разоблачал реакционную сущность неомальтузианства и говорил, что «сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества»¹. В. И. Ленин говорил, что «мы безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уже лучше ненужно»².

Чтобы уменьшить вред, который причиняет аборт здоровью женщины, и создать благоприятные условия для женщины-матери, Советское государство всегда принимало действенные меры для того, чтобы не только в законодательном порядке оградить здоровье женщин от преступных посягательств со стороны невежественных лиц, но и создать наиболее благоприятные материальные условия для советской семьи. Даже в условиях Великой Отечественной войны в общегосударственном масштабе осуществлялись меры, направленные на повышение материального уровня советской семьи.

8 июля 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была увеличена государственная помощь многодетным и одиноким матерям, установлено почетное звание «Мать-героиня», учрежден орден «Материнской славы» и медаль «Материнства». Этим указом был увеличен срок отпусков по беременности и родам, расширена сеть детских учреждений, предусматривался также целый ряд новых мер, преследующих цель укрепить семью, создать благоприятные условия для нормального роста и развития подрастающего поколения. Советское государство оказывает матерям, советским семьям большую материальную помощь и осуществляет целый ряд иных мероприятий, направленных на то, чтобы удерживать женщин от искусственного прерывания беременности¹. Это поло-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 257.

² Там же.

жительно сказывается на профилактической работе по борьбе с так называемыми «подпольными» абортами, причиняющими огромный вред здоровью женщин.

Действующие уголовные кодексы союзных республик устанавливают ответственность за производство аборта лицами, не имеющими специальной медицинской подготовки, и за производство этой операции в антисанитарных условиях, причем при наличииотягчающих обстоятельств закон значительно повышает уголовную ответственность за производство аборта.

§ 2. ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТАВА КРИМИНАЛЬНОГО АБОРТА

Под абортom понимают всякое противоестественное прерывание беременности. Аборт может быть патологическим, т. е. результатом какого-либо заболевания женщины, и искусственным, когда прерывание беременности вызывается посторонним вмешательством в организм женщины.

Искусственный аборт разделяется на правомерный и криминальный. Действующее законодательство СССР не запрещает производства абортom. Однако для производства этой операции установлены строгие правила, обеспечивающие ее максимально возможную безопасность.

Криминальным абортom называют противоправное, умышленное, искусственное прерывание беременности с согласия потерпевшей. Искусственное прерывание беременности образует состав криминального аборта только в том случае, если при этом нарушены правила, установленные для проведения этой операции.

Прерывание беременности может наступить не только в результате умышленных действий, сознательно направленных на производство аборта, но и некоторых неосто-

рожных действиях медицинского персонала или других лиц, окружающих беременную.

Криминальный аборт предполагает, что действия, вызвавшие прерывание беременности, совершены умышленно. Неосторожное прерывание беременности не подпадает под признаки ст. 116 УК РСФСР.

Незаконное прерывание беременности в соответствии с действующим законодательством предполагает в качестве неопременного условия согласие матери на производство этой операции. Действующие уголовные кодексы союзных республик при определении аборта не упоминают о согласии матери как о признаке этого преступления. Однако этот признак по юридической природе данного преступления присущ ему.

Возможна такая ситуация, когда женщина не желает делать аборт, но ее нежелание подавляется определенными действиями лиц, окружающих эту женщину, вследствие чего она дает согласие.

В таком случае налицо состав незаконного аборта.

Прерывание беременности без согласия потерпевшей образует состав не аборта, а в зависимости от формы вины — состав умышленного или неосторожного тяжкого телесного повреждения.

Уголовные кодексы союзных республик, кроме Уголовного кодекса Эстонской ССР, признают телесное повреждение, повлекшее прерывание беременности, тяжким телесным повреждением. Если операция по искусственному прерыванию беременности проводится без согласия матери, то такое действие выходит за рамки состава преступления криминального аборта. Криминальный аборт — это преступление, которое причиняет тяжкий вред здоровью женщины. Даже в случаях совершения аборта в медицинских учреждениях вред для здоровья женщины несомненен.

Общественная опасность незаконного аборта складывается из нескольких элементов. Во-первых, самим фактом искусственного прерывания беременности. «Беременность и роды, — указывает доктор О. Осадчая, — являются физиологическим явлением, способствующим расцвету организма женщины, прерывание же беременности нарушает жизненные его процессы. Аборт вызывает глубокое нарушение обмена веществ, деятельности органов внутренней секреции и нервной системы. Опера-

¹ Весьма интересные данные о причинах абортom можно почерпнуть из статьи И. М. Авдеевой «Изучение причин и условий, способствующих совершению преступных абортom, и меры по их устранению», «Вопросы предупреждения преступности», 1965, вып. 2, стр. 73—78.

ция искусственного аборта является биологической и механической травмой для организма женщины¹.

Не случайно поэтому Инструкция о порядке проведения операций искусственного прерывания беременности устанавливает что женщинам, работницам и служащим на время пребывания в стационаре по поводу аборта выдается листок нетрудоспособности, а членам сельскохозяйственной артели — справка об освобождении от работы. День выхода на работу устанавливается в женской консультации, поликлинике, амбулатории в зависимости от состояния здоровья женщины.

Во-вторых, вред здоровью женщины причиняется при криминальном аборте хирургическим или иным посторонним вмешательством в нормальную жизнедеятельность организма. Независимо от прерывания беременности это вмешательство причиняет большой вред здоровью потерпевшей. Чаще всего при аборте прибегают к хирургической операции. Как и каждая хирургическая операция, аборт не может не травмировать организм женщины. «Грозная опасность, — указывает проф. М. Г. Сердюков, — заключается в ранении во время аборта влагалища, матки и других важных органов, тазовой и брюшной полости»².

При криминальном аборте нередко в целях прерывания беременности невежественные лица прибегают к вспрыскиванию различных растворов внутрь матки. Такое вмешательство в организм женщины также причиняет тяжелый вред здоровью женщины и даже может вызвать смерть потерпевшей.

В-третьих, вред здоровью женщины при аборте причиняется тем, что в организм женщины могут быть внесены разного рода болезнетворные микроорганизмы, «вслед за чем наступает заражение крови или воспаление брюшины»³.

При криминальном аборте, кроме того, нередко причиняется вред здоровью женщины в таком виде, что он может быть обнаружен только по истечении известного времени «Операция искусственного аборта относится к весьма серьезным вмешательствам, при которых даже опытный врач не всегда может избежать тяжелых непосредственных и отдаленных осложнений»¹ (разрядка наша — Н. З.) Особая опасность криминального аборта как раз в том и состоит, что вред здоровью женщины может быть обнаружен по истечении известного промежутка времени.

Профессор А. Г. Бутылкин и ординатор Л. А. Казак в результате исследования этой проблемы пришли к следующим выводам: «Анализ отдаленных результатов медицинских абортов показывает, что искусственный аборт, производимый даже в больничных условиях при соблюдении всех правил асептики и антисептики, ведет к ряду глубоких нарушений в половых органах женщины и во всем организме»².

Наряду со здоровьем объектом криминального аборта некоторые авторы называют и жизнь беременной³.

Такой вывод основывается на том, что при аборте создается угроза не только здоровью, но и жизни. Эта точка зрения, а тем более доводы, которые приводятся в ее обоснование, представляются по меньшей мере малоубедительными.

Создание теми или иными действиями опасности для жизни не означает еще, что эти действия направлены против жизни. Так, один из признаков тяжкого телесного повреждения состоит в совершении таких действий, которые опасны для жизни (ч. 1 ст. 108 УК РСФСР). Признаком состава нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ч. 2 ст. 85 УК РСФСР) также является создание опасности для жизни. Создание

¹ О Осадчая, Непосредственные и отдаленные результаты операции искусственного аборта, «Здравоохранение Белоруссии» 1963 г. № 3, стр 59—60 «Искусственное прерывание беременности — это всегда насильственное изменение естественно протекающих в организме процессов, и поэтому оно не может быть безвредным» (И. М. Косой, Аборт не проходит бесследно, М., 1956, стр 12)

² М. Г. Сердюков, Чем вреден и опасен аборт, М., 1954, стр 61—62

³ Там же, стр 40

¹ И Г Сердюков, Чем вреден и опасен аборт, М., 1954, стр 40

² А. Г. Бутылкин, Л. А. Казак, Ближайшие и отдаленные последствия медицинского искусственного аборта («Сборник трудов Курского государственного медицинского института», Курск, вып. XVI, стр 270)

³ И И Горелик, Преступления, опасные для жизни и здоровья, автореферат докт дисс Л., 1965, стр 24, С Я Булатов, А. М Мамутов, Ответственность за преступления против личности по Уголовному кодексу Казахской ССР, Алма-Ата, 1961, стр 62

опасности для жизни людей составляет признак ряда преступлений. Однако никто, в том числе и названные авторы, не считает, что объектом этих преступлений выступает жизнь человека

Правильное решение этого вопроса имеет большое практическое значение для разграничения криминального аборта и преступлений против жизни и здоровья.

Если мы признаем объектом криминального аборта жизнь беременной, то при искусственном прерывании беременности, когда виновный в силу каких-либо причин сознательно допускает смерть потерпевшей или даже желает ее смерти, мы вынуждены были бы, если быть последовательными, содеянное квалифицировать только как квалифицированный аборт. В действительности же такого рода деяния образуют состав умышленного убийства.

Аборт может быть совершен путем активных действий, направленных на искусственное прерывание беременности и совершенных вопреки существующим правилам. Закон не выделяет каких-либо средств, безусловно запрещенных или повышенно опасных, а устанавливает ответственность за сам факт противоправного прерывания беременности любыми способами и средствами.

Порядок проведения операции искусственного прерывания беременности определен Инструкцией «О порядке проведения операции искусственного прерывания беременности (аборта)», утвержденной приказом министра здравоохранения СССР от 29 ноября 1956 г. В связи с изданием постановления Совета Министров СССР от 3 декабря 1961 г «Об упорядочении выплаты пособий по временной нетрудоспособности и выдачи больничных листов» в эту Инструкцию были внесены некоторые изменения приказом министра здравоохранения СССР № 560 от 20 января 1961 г. В новой редакции Инструкция содержится в приложении 1 к приказу министра здравоохранения СССР от 20 января 1961 г.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г «Об отмене запрещения аборт» производство операции искусственного прерывания беременности (аборта) разрешается всем женщинам, возбудившим просьбу о производстве этой

операции при отсутствии медицинских противопоказаний

Производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в стационарных лечебных учреждениях. Следовательно, с объективной стороны признаком незаконного аборта будет производство операции вне стационарных лечебных учреждений: на дому, в служебных помещениях или в иных местах, даже и в медицинских учреждениях, но не в стационарных лечебных учреждениях, специально приспособленных для производства операции искусственного прерывания беременности.

Производство аборта допускается в тех случаях, когда беременность не превышает 12 недель.

При беременности сроком свыше 12 недель вопрос об аборте может быть решен только после тщательного обследования беременной в условиях стационара, и операция может быть проведена только в тех случаях, когда продолжение беременности и роды угрожают жизни женщины или могут нанести ущерб ее здоровью. Во всех других случаях производство операции беременной, даже если эта операция была проведена в стационарных условиях, следует признать криминальным аборт

При значительном сроке беременности (6—7 мес) попытка произвести аборт может привести к преждевременным родам. Если в результате попытки искусственного прерывания беременности начинаются преждевременные роды, обязанность врача и других окружающих роженицу лиц заключается в оказании помощи ей и ее ребенку. Умерщвление жизнеспособного плода (а после 6—7 мес. беременности плод жизнеспособен) будет образовывать помимо покушения на криминальный аборт самостоятельное преступление — убийство (или детоубийство), квалифицируемое по совокупности.

Возникает вопрос, какова должна быть ответственность врача, осуществившего в условиях больницы операцию по искусственному прерыванию беременности женщине, у которой были противопоказания к этой операции (например, после последнего аборта прошло менее 6 мес. или срок беременности превышал 12 недель).

По этому поводу в нашей литературе высказаны различные точки зрения. Г. А. Мендельсон, исследовав этот вопрос, пришел к заключению, что такого рода действия

следует квалифицировать как должностные преступления¹.

С нашей точки зрения, такого рода деяния охватываются законом об ответственности за криминальный аборт². Статья 116 УК РСФСР, в частности, определяет ответственность за незаконное производство аборта врачом. При производстве аборта с нарушением установленных для этой операции правил, например при беременности свыше 12 недель, ответственность врача должна наступать по ст. 116 УК РСФСР.

В этом случае врач нарушает свои профессиональные и служебные обязанности, злоупотребляет своим служебным положением. Однако данное злоупотребление является не общим, а специальным, особо предусмотренным в законе и прямо подпадающим под признаки ст. 116 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

В этом нас убеждает также и то, что Уголовный кодекс, например, Латвийской ССР устанавливает ответственность за «производство аборта врачом вне больницы или другого лечебного заведения или в лечебном заведении, но без законного основания» (ст. 113) (разрядка наша.— Н. З.). Такую же позицию занимают уголовные кодексы Таджикской ССР (ст. 119) и Туркменской ССР (ст. 121).

Искусственное прерывание беременности не допускается также в тех случаях, когда у женщины имеются противопоказания к операции, в частности в случае острой и подострой гонорей, острых и подострых воспалительных процессов половых органов, наличия гнойных очагов независимо от их локализации и при некоторых других заболеваниях. Производство операции женщине, страдающей этими болезнями, также должно рассматриваться, с нашей точки зрения, как незаконное прерывание беременности и квалифицироваться по ст. 116 УК РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик.

¹ Г. А. Мендельсон, Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 22.

² И. И. Горелик, Преступления, опасные для жизни и здоровья, автореферат докт. дисс., Л., 1965, стр. 25; его же, Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву, Минск, 1964, стр. 90.

Инструкция о порядке проведения искусственного прерывания беременности устанавливает, что аборт может быть произведен по истечении не менее 6 месяцев после перенесенной женщиной аналогичной операции. Производство этой операции до истечения 6 месяцев после аналогичного оперативного вмешательства также является незаконным абортом.

Действующее законодательство при определении ответственности за криминальный аборт не связывает ее со способом, приемами, средствами для искусственного прерывания беременности.

Ответственность за это преступление зависит от обстановки, в которой производился аборт. Прерывание беременности во внебольничных условиях, где невозможно обеспечить все правила асептики и антисептики, причиняет большой вред здоровью и может вызвать такие тяжкие последствия, как воспалительные процессы в половых органах, общее заражение крови, очень часто заканчивающееся смертью потерпевшей, бесплодие, невротозы, аномалии психики, значительные кровопотери.

Характер избранных средств для прерывания беременности может учитываться для определения степени общественной опасности совершенного преступления.

В судебной практике и в литературе обсуждался вопрос, с какого момента следует считать рассматриваемое преступление законченным. Криминальный аборт, с нашей точки зрения, считается законченным с момента искусственного прерывания беременности, т. е. с того момента, когда плод человека удален из матки женщины.

Г. А. Мендельсон указывает, что рассматриваемое преступление «должно считаться оконченным не только тогда, когда в результате действий виновного уже последовало прерывание беременности и изгнание плода. Поскольку объектом незаконного аборта является здоровье женщины, следует прийти к выводу, что незаконный аборт будет оконченным преступлением и в том случае, когда виновному почему-либо не удалось добиться плодизгнания в результате примененных им с этой целью мер и средств...»¹

¹ Г. А. Мендельсон, Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 24—25.

Аналогичную точку зрения высказывает и И. И. Горелик, утверждая, что криминальный аборт становится окончанным, когда совершены действия, создавшие опасность для здоровья или жизни беременной, хотя бы плод не был умерщвлен¹. С этими утверждениями едва ли можно согласиться.

«Рассматриваемое преступление, — пишут А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин, — является окончанным независимо от тех фактических последствий, которые аборт имел для здоровья оперированной женщины. Сущность рассматриваемого преступления заключается в самом постановлении в опасность здоровья и жизни беременной женщины и в уничтожении плода»² (разрядка наша. — Н. З.)

Профессор Шаргородский справедливо указывает: «Хотя мы и исходим из того, что наше законодательство охраняет не плод, а мать и общество, однако это не исключает того, что необходимо принимать во внимание, действительно ли действия, которые были совершены данным лицом, вызвали наступление аборта»³.

Закон устанавливает уголовную ответственность за незаконное производство аборта, и поэтому для того, чтобы признать это преступление окончанным, необходимо, чтобы виновный совершил действия, необходимые для аборта, т. е. осуществил противоправное изгнание плода у беременной женщины. Если виновный совершил все действия, необходимые с его точки зрения для производства выкидыша (произвел спринцевание, осуществил хирургическое вмешательство или совершил иные действия), чем безусловно поставил в опасность здоровье женщины, но беременность прервана не была, такого рода деяния могут квалифицироваться только как покушение на аборт.

Ответственность наступает не за поставление в опасность здоровья женщины, а за совершение действий,

¹ И. И. Горелик, Преступления, опасные для жизни и здоровья, автореферат докт. дисс., Л., 1965, стр. 24, его же, Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву, Минск, 1964, стр. 88.

² А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 614.

³ М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 426.

состоящих в искусственном прерывании беременности. Причиненный вред здоровью женщины в этом случае рассматривается как неизбежное последствие указанных действий. Для состава же данного преступления необходимо наступление последствий в виде прерывания беременности.

Наступление иных последствий помимо искусственного прерывания беременности (заражение крови, невроз, бесплодие) рассматривается как отягчающее обстоятельство.

Незаконное производство аборта может быть совершено только умышленно, причем только с прямым умыслом. Виновный сознает, что им незаконно прерывается беременность, и желает наступления этого результата.

Субъективная сторона данного преступления характеризуется сознанием не только того, что осуществляются действия, результатом которых будет искусственное прерывание беременности, но и сознанием того, что эти действия совершаются противоправно.

Виновный должен сознавать, что операция совершается не в стационарном лечебном учреждении или что он не имеет высшего медицинского образования, а следовательно, не имеет права ее совершать, или должен сознавать иные признаки противоправности своих действий. При сознании признаков противоправности действий виновный совершает их и при этом желает, чтобы беременность была прервана.

Таким образом, прямой умысел в этом случае складывается из следующих признаков: из сознания того, что виновный своими действиями прерывает беременность; из сознания противоправности прерывания беременности и желания добиться искусственного прерывания беременности.

Мотив и цель данных преступлений могут быть самыми разнообразными. Чаще всего криминальный аборт совершается из корыстных соображений, за вознаграждение. Цель и мотив совершенных преступлений могут учитываться при определении меры наказания. Естественно, что корыстные мотивы будут свидетельствовать о большой общественной опасности совершенного преступления. Действия, лишённые низменных побуждений, при прочих равных условиях могут рассматриваться как смягчающее обстоятельство.

На практике возможно и неосторожное прерывание беременности. Оно может быть следствием неправильных действий врача, который, избирая тот или иной способ оказания помощи потерпевшей, избирает такие средства и приемы, которые приводят к выкидышу. В подобных случаях врач не предвидит, но по обстоятельствам дела должен и может предвидеть, что его действия приведут к прерыванию беременности, или предвидит, но легкомысленно надеется этого не допустить.

С нашей точки зрения, подобного рода последствия могут служить основанием для привлечения врача к ответственности. Это возможно при условии, если исполнение своих обязанностей врачом — должностным лицом будет подпадать под признаки халатности или злоупотребления служебным положением.

Неосторожное прерывание беременности может быть результатом действий и других лиц. В этом случае ответственность должна наступать по общим правилам ответственности за преступления против здоровья: за неосторожное тяжкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 114 УК РСФСР).

Субъектом незаконного производства аборта может быть любое лицо, своими действиями умышленно вызвавшее искусственное прерывание беременности. Такими лицами могут быть как врачи, так и лица, не имеющие специальной подготовки.

Нередко субъектами этого преступления выступают разного рода знахари и другие невежественные лица, которые, преступно небрежно относясь к здоровью людей, идут ради своих корыстных интересов на совершение весьма сложной операции, обрекая в большинстве случаев потерпевших на бесплодие, на тяжкие заболевания.

Интересные данные о субъектах преступления по рассматриваемой категории дел приводит И. М. Авдеева. По изученным ею 300 уголовным делам о незаконных абортах среди виновных насчитывалось 12,3% врачей, 11,6% медицинских сестер и акушерок, остальные лица (76,1%) не имели никакого специального медицинского образования¹.

¹ И. М. Авдеева, Расследование и предупреждение преступных аборт, автореферат канд дисс М., 1966, стр 72

Аборт, совершенный лицами, не имеющими специальной медицинской подготовки,— более опасное преступление, и это находит отражение в действующем уголовном законодательстве.

§ 3 ВИДЫ НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА АБОРТА

Уголовные кодексы союзных республик предусматривают три самостоятельных вида незаконного производства аборта.

1. Незаконное производство аборта врачом (ч 1 ст. 116 УК РСФСР). В данном случае имеется в виду аборт, произведенный незаконно врачом впервые, при условии, что эта операция не имела тяжких последствий

Производство операции по искусственному прерыванию беременности врачом, т. е. лицом, прошедшим высшую медицинскую подготовку, обладающим определенными знаниями о строении человеческого организма, о путях и средствах прерывания беременности, о правилах производства этой операции, законодатель рассматривает как менее опасный вид названного преступления.

В данном случае закон врачом признает любое лицо, которое имеет высшее медицинское образование. При анализе этого вида аборта в литературе высказаны различные толкования. Так, Комментарий УК Белорусской ССР указывает, что таким лицом может быть не всякий врач, а только лицо, имеющее специальное высшее медицинское образование, т. е. «такое образование, которое дает право на производство соответствующих оперативных вмешательств, связанных с абортom»¹

Такой же точки зрения придерживаются авторы Комментария УК РСФСР, изданного Ленинградским государственным университетом. «Под понятие врача,— пишут авторы этого Комментария,— подойдет лицо,

¹ «УК Белорусской ССР, Комментарий», Минск, 1963, стр 129. Аналогично понимает этот вопрос А. Н. Игнатов, указывая, что субъектом криминального аборта может быть только лицо «по роду своей специальности, имеющее право производить операцию (хирург-гинеколог)»; Н. Загородников, А. Игнатов, Преступления против личности, М., 1962, стр 42, см также И. И. Горелик, указ. соч., стр. 93.

имеющее такое образование, которое дает право его обладателю при наличии законных оснований на производство соответствующих оперативных вмешательств, связанных с абортom»¹.

Нам представляется, что такое толкование субъекта рассматриваемого преступления не основано на законе. Часть 1 ст. 116 УК РСФСР говорит о незаконном производстве аборта врачом и никаких указаний на счет специальной подготовки лиц, имеющих высшее медицинское образование, не содержит.

Это позволяет утверждать, что авторы упомянутых работ не в соответствии с законом, узко толкуют его указание о том, что субъектом этого преступления является любой врач.

С нашей точки зрения, субъектом преступления в данном случае является любое лицо, имеющее высшее медицинское образование, и мы полностью согласны с авторами Комментария УК РСФСР, которые считают, что «всякий врач, имеющий высшее образование, за производство незаконного аборта отвечает по ч. 1 ст. 116»².

Аналогичную точку зрения высказывают и авторы научного Комментария, составленного коллективом ученых Свердловского юридического института. Авторы этого Комментария указывают, что по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР «следует привлекать к ответственности и лиц, имеющих высшее медицинское образование узкого профиля, например врача-стоматолога, в случае совершения ими незаконного аборта»³.

Законодатель, устанавливая повышенную ответственность лиц, не имеющих высшего медицинского образования, исходил из того, что врачи, какой бы они специальности ни были, при производстве аборта используют свои специальные знания для того, чтобы соблюсти правила асептики и антисептики и провести операцию квалифицированно. Поэтому, когда мы говорим о враче, то мы имеем в виду лицо, имеющее высшее медицинское образование и получившее диплом медицинского вуза.

¹ «УК РСФСР, Комментарий», 1962, стр. 232.

² «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», изд. 2-е, М., 1964, стр. 273.

³ «УК РСФСР, Научный комментарий», т. 2, Особенная часть, Свердловск, 1962, стр. 172; см. «Уголовное право, часть Особенная», М., 1966, стр. 192.

II. Производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования (ч. 2 ст. 116 УК РСФСР). Отличительной особенностью данного состава преступления является то, что его субъектом выступает лицо, не имеющее высшего медицинского образования. Субъектом этого преступления могут быть акушерки, сестры и иные лица, имеющие среднюю медицинскую подготовку, а также лица, вообще не имеющие никакой медицинской подготовки.

Для состава данного преступления не имеет значения, в каких условиях производился аборт: в условиях ли стационара, больницы, родильного дома или на дому. Сам факт совершения операции лицом, не имеющим высшего медицинского образования, свидетельствует о повышенной общественной опасности преступления. Естественно, что производство аборта в антисанитарных условиях невежественными лицами, не имеющими никакой медицинской подготовки, в рамках предусмотренной квалификации должно рассматриваться как отягчающее обстоятельство.

Лица, не имеющие высшего медицинского образования, ни в каких случаях не могут производить этой операции (за исключением состояния крайней необходимости).

III. Квалифицированный аборт (ч. 3 ст. 116 УК РСФСР). Действующее уголовное законодательство считает аборт, совершенный как врачом, так и лицом, не имеющим высшего медицинского образования, квалифицированным, если это преступление совершено неоднократно или повлекло за собой смерть потерпевшей или иные тяжкие последствия.

а) Производство аборта неоднократно означает, что виновный более чем один раз произвел незаконную операцию по искусственному прерыванию беременности¹. Имеется в виду повторное незаконное

¹ Такое понимание неоднократности не только применительно к аборту является, с нашей точки зрения, единственно правильным и разделяется подавляющим большинством советских юристов и судебной практикой. Иной позиции придерживается И. И. Горелик, который по этому поводу пишет: «Что же касается неоднократного аборта, то под ним следует понимать преступление, совершенное в третий раз. Однако многие не видят разницы между термином «повторность» и «неоднократность». Такое отождествление этих

совершение этой операции одной и той же женщине или разным женщинам.

Для признания аборта совершенным неоднократно необходимо, чтобы с момента совершения первого аборта не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности. Если виновный за совершение первого преступного аборта был осужден, то для признания аборта совершенным неоднократно необходимо, чтобы судимость с этого лица не была снята. Если судимость за первый аборт снята или погашена истечением установленного в законе срока, то такой аборт должен считаться совершенным впервые.

Для признания аборта совершенным неоднократно не имеет значения, какими способами была произведена эта операция первый и в последующий раз, в чем состояло нарушение правил о производстве аборта.

б) Незаконный аборт, повлекший за собой смерть потерпевшей. Операция по искусственному прерыванию беременности помимо причинения реального вреда здоровью ставит в опасность жизнь потерпевшей. Такая опасность таится при аборте даже в условиях больничного, квалифицированного производства операции по плодотизгнанию.

Наступление смерти потерпевшей в результате незаконного аборта свидетельствует о грубом нарушении санитарно-гигиенических требований, о невежественном использовании тех или иных средств, для прерывания беременности и в конечном итоге указывает на повышенную опасность лиц, виновных в этом преступлении. Поэтому закон в качествеотягчающего обстоятельства называет наступление смерти женщины в результате аборта.

Закон имеет в виду такие случаи, когда операция по искусственному прерыванию беременности производится умышленно, однако виновный допускает неосторожность по отношению к последствиям — смерти потерпевшей.

терминов распространено и в судебной практике. Если «повторность» и «неоднократность» — одно и то же, и законодатель с этим согласен, то он должен разъяснить это либо заменить встречающиеся в ряде статей уголовного кодекса термины «неоднократность» и «повторность» (И. И. Горелик, Преступления, опасные для жизни и здоровья, автореферат докт. дисс., Л., 1965, стр. 26).

Даже при производстве операции по искусственному прерыванию беременности в условиях больницы, на законных основаниях, при отсутствии противопоказаний, врач идет на риск и ставит под угрозу жизнь женщины. Но врач в условиях больницы надеется на реальную возможность не допустить этого тяжкого последствия.

Виновный при криминальном аборте предвидит возможность наступления смерти, но легкомысленно рассчитывает предотвратить эти последствия, надеясь на свой опыт, умение производить такую операцию и т. п. Неосторожность в этом случае может быть только в форме преступной самонадеянности.

Если виновный при производстве криминального аборта безразлично относится к возможности наступления смерти, допускает ее, то в случае смерти потерпевшей такого рода деяние следует расценивать не как аборт, повлекший смерть потерпевшей, а как убийство с косвенным умыслом.

В случае смерти потерпевшей в результате аборта это отягчающее обстоятельство может быть вменено виновному в вину только тогда, когда между смертью потерпевшей и операцией по искусственному прерыванию беременности имеется причинная связь.

В судебной практике возникает вопрос о квалификации таких случаев криминального аборта, при которых виновный, видя, что аборт протекает с осложнениями, что потерпевшей угрожает смерть и боясь ответственности, не принимает надлежащих мер, не обращается за квалифицированной помощью и доводит своим бездействием дело до трагического конца.

Виновный, совершая те или иные действия в целях прерывания беременности, своими первоначальными действиями создает угрозу жизни женщины, и это обязывает его принять меры к недопущению тяжких последствий. Бездействие в этом случае причинно обуславливает наступление смерти, поэтому в подобных случаях содеянное образует состав умышленного убийства с косвенным умыслом. В целом содеянное должно квалифицироваться по ст. 102 или ст. ст. 103 и 116 УК РСФСР.

Если смерть потерпевшей не наступила, но наступили иные тяжкие последствия, то содеянное образует совокупность квалифицированного аборта и квалифицированного состава оставления в опасности.

К., врач-гинеколог в Киевском научно-исследовательском институте, в своем рабочем кабинете, не приспособленном для хирургических операций, произвела аборт пр-же И. и во время операции совершила перфорацию матки. Причинив И. тяжкие телесные повреждения, К. не оказала ей срочной необходимой медицинской помощи в стенах института, а отправила больную на попутной машине-такси в больницу, не выписав направления с диагнозом заболевания. Дополнительное время, потребовавшееся в больнице для установления диагноза заболевания И., не позволило незамедлительно оказать ей медицинскую помощь. Это привело к шоковому состоянию средней тяжести и воспалению брюшины малого таза.

Действия К. суд правильно квалифицировал по ч. 3 ст. 109 (незаконное производство аборта, повлекшее длительное расстройство здоровья) и ч. 2 ст. 111 УК УССР (оставление в опасности, повлекшее тяжкие последствия)¹.

в) Незаконный аборт, повлекший иные тяжкие последствия. В действующем законодательстве не раскрывается содержание иных тяжких последствий. К числу таких последствий, с нашей точки зрения, может быть отнесено причинение женщине в результате аборта стойкой утраты трудоспособности более 15%, душевной болезни, утраты способности к зачатию и наступление других последствий, свойственных тяжкому или менее тяжкому телесному повреждению.

Незаконное производство аборта врачом наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или лишением права заниматься врачебной деятельностью (ч. 1 ст. 116 УК РСФСР).

Производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года (ч. 2 ст. 116 УК РСФСР).

Аборт, совершенный неоднократно или повлекший за собой смерть потерпевшей или иные тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок до восьми лет (ч. 3 ст. 116 УК РСФСР).

¹ Из приговора народного суда Ленинского района г. Киева от 24 мая 1965 г. по делу К. Е. (дело № К-99 за 1965 г.).

Учитывая, что в последнем случае аборт представляет собой исключительную общественную опасность, судам целесообразно к лицам медицинского персонала помимо предусмотренных в законе основных мер наказания дополнительно присоединить лишение права заниматься определенной деятельностью, чтобы лишить их возможности использовать свою медицинскую подготовку для совершения такого опасного преступления, как незаконный аборт.

§ 4. ПОНУЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ К ПРОИЗВОДСТВУ АБОРТА

Ответственность за понуждение женщины к производству аборта предусматривают уголовные кодексы Азербайджанской (ст. 116), Армянской (ст. 121), Казахской (ст. 109), Киргизской (ст. 119), Латвийской (ст. 114), Молдавской (ст. 109), Украинской (ст. 110), Узбекской (ст. 103) и Таджикской (ст. 120) союзных республик.

Понуждение женщины к аборту является преступлением, которое посягает на свободу женщины и ставит в опасность ее жизнь и здоровье.

Это преступление не относится к числу преступлений против здоровья, поскольку при его совершении нет причинения реального вреда здоровью женщины, а только нарушается ее свобода, создается угроза жизни и здоровью.

Понуждение женщины к аборту состоит в таких действиях виновного, которые создают нежелательную для женщины обстановку при условии, что женщина может быть освобождена от неприятных для нее последствий, если откажется от продолжения беременности и согласится на аборт.

Понуждение может выражаться в угрозе уволить с работы, лишить материальной поддержки, огласить позорящие сведения и т. п. Понуждение может выразиться и в обещании предоставления благ, преимуществ, например в обещании предоставить материальное вознаграждение, зарегистрировать брак, если потерпевшая сделает аборт.

Для объективной стороны этого преступления необходимо, чтобы женщина не имела желания совершить

аборт и чтобы действия виновного, принуждение с его стороны парализовали это нежелание и склонили потерпевшую к производству аборта.

Необходимо, чтобы понуждение было действительным, чтобы совершаемые виновным действия могли реально понудить женщину к аборту. При этом имеется в виду не физическое принуждение, а угроза, обман, достаточно эффективные, чтобы преодолеть нежелание женщины прерывать беременность. Простое предложение, совет женщине сделать аборт не может рассматриваться как преступление.

В перечисленных выше уголовных кодексах союзных республик (кроме УК Молдавской ССР) предусматривается ответственность за понуждение к аборту только в том случае, если аборт был совершен. Следовательно, если понуждение к аборту не увенчалось успехом, оно не образует состава рассматриваемого преступления. Уголовный кодекс Молдавской ССР условием ответственности за понуждение к аборту ставит наступление тяжких последствий и не упоминает о производстве аборта потерпевшей (ст. 109).

При понуждении к аборту ответственность наступает как за понуждение к законному, так и незаконному аборту. Иную позицию занимает только УК Узбекской ССР, который устанавливает ответственность только за понуждение «к совершению не разрешенного медицинскими органами аборта» (ст. 103).

Понуждение женщины к производству криминального аборта, естественно,— более тяжкое преступление, и это должно учитываться при определении меры наказания.

Склонение женщины к аборту может в некоторых случаях образовать соучастие в производстве незаконного аборта. Если виновный не только понуждает женщину к незаконному аборту, но и содействует лицу, незаконно производящему аборт: предоставляет помещение, необходимые инструменты, заранее обещает скрыть следы преступления и т. п., то ответственность первого будет определяться по правилам о соучастии. Чаще всего субъектом этого преступления выступает мужчина, сожительствующий с женщиной и заинтересованный в том, чтобы женщина прервала беременность. Субъектом названного преступления могут быть и иные лица, например, родители беременной, не желающие, чтобы их

дочь вне брака родила ребенка, или родители мужчины, препятствующие тому, чтобы от его связи с женщиной был рожден ребенок. Встречаются случаи понуждения к аборту по мотивам религиозных убеждений. Эти обстоятельства следует рассматривать как отягчающие вину.

Понуждение к аборту является преступлением толькоумышленным. Виновный, склоняя потерпевшую к аборту, сознает характер своих действий и желает, чтобы потерпевшая совершила аборт.

Уголовные кодексы Украинской, Азербайджанской, Киргизской и Таджикской союзных республик предусматривают за понуждение к аборту наказание в виде исправительных работ или другие менее тяжкие наказания, а УК других союзных республик, предусматривающие ответственность за это преступление, допускают и применение лишения свободы.

Охрана здоровья человека обеспечивается не только теми нормами уголовного права, которые включены в главу о преступлениях против личности, но и установлением уголовной ответственности за другие деяния, при совершении которых может быть причинен вред здоровью человека.

Так, устанавливая ответственность за бандитизм и массовые беспорядки, за разбой и грабеж, за небрежное хранение огнестрельного оружия или за превышение власти, соединенные с насилием, и помещая нормы об ответственности за эти общественно опасные действия среди государственных, имущественных и других преступлений, закон имеет целью оградить не только общегосударственные интересы, но и интересы личности, здоровье граждан. В этих же целях установлен ряд специальных правил, обеспечивающих безопасность производства тех или иных работ, использования источников повышенной опасности, эксплуатации машин и транспортных средств и т. п. За нарушение этих правил в известных случаях устанавливается уголовная ответственность.

Все преступления, при совершении которых может быть причинен вред здоровью, в зависимости от характера причиненного вреда и условий уголовной ответственности за его наступление могут быть разделены на несколько групп.

1. Действующее советское уголовное законодательство знает ряд так называемых двуобъектных преступлений. К ним относятся такие общественно опасные действия, при совершении которых

виновный одновременно посягает на два охраняемых уголовным законом объекта.

Это, например, разбой, совершенный в целях завладения как социалистической, так и личной собственностью праждап (ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР). Виновный посягает одновременно на чужую собственность, личную или социалистическую, и на жизнь, здоровье человека. Это вытекает из определения в законе разбоя как преступления, которое состоит в нападении с целью завладения чужим имуществом. При нападении, естественно, может быть причинен вред жизни или здоровью потерпевшего. Поэтому объектами этого преступления одновременно выступают социалистическая или личная собственность и жизнь или здоровье человека. По конструкции состава преступления разбой охватывает как реальное причинение вреда здоровью вплоть до умышленного нанесения тяжких телесных повреждений, так и умышленное создание опасности для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению¹.

Устанавливая уголовную ответственность за разбой, законодатель стремился оградить одновременно и отношения социалистической и личной собственности, и жизнь, и здоровье граждан. При определении степени общественной опасности разбоя учитывается характер вреда, причиняемого каждому из объектов указанного преступления. В конечном итоге с учетом всей совокупности признаков опасности преступного посягательства на объекты этого преступления законодатель определил вид и размер наказания. Поэтому при совершении разбоя причинение тяжких телесных повреждений, любоев или другого вреда здоровью является составной частью этого сложного преступления и не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности.

Двуобъектными являются также преступления, при определении ответственности за которые в законе указывается на причинение разных по тяжести телесных

¹ Г. А. Кригер, Борьба с хищениями социалистического имущества, М., 1965, стр. 141; М. И. Якубович, Преступления против социалистической собственности, М., 1962, стр. 22, «Советское уголовное право. Часть Особенная», изд-во МГУ, 1964, стр. 115, 205; «Советское уголовное право, часть Особенная», Юридическая литература, 1965, стр. 120 и 235; М. П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, М., 1958, стр. 121.

повреждений. К таким преступлениям относится террористический акт, совершенный против государственного или общественного деятеля или представителя власти (ч. 2 ст. 66 УК РСФСР); террористический акт против представителя иностранного государства (ч. 2 ст. 67 УК РСФСР); угроза или насилие в отношении должностного лица или общественного работника (ст. 193 УК РСФСР); нанесение телесных повреждений или побоев начальнику (п. «а» ст. 242 УК РСФСР).

При определении ответственности за террористический акт (ч. 2 ст. 66 УК РСФСР) указывается, что это преступление представляет собой тяжкое телесное повреждение, причиненное государственному или общественному деятелю или представителю власти, совершенное в связи с их государственной или общественной деятельностью с целью подрыва или ослабления Советской власти. Таким образом, указанием в самом определении преступления на причинение тяжкого телесного повреждения законодатель подчеркнул, что он тем самым берет под свою защиту как интересы Советской власти, так и здоровье представителя власти, государственных и общественных деятелей.

При этом преступлении виновный совершает преступное посягательство на интересы Советского государства и на жизнь и здоровье человека. Вполне естественно поэтому, что объектом террористических актов являются: власть Советов депутатов трудящихся, представители власти, государственные или общественные деятели, их жизнь и здоровье¹.

Действующий уголовный закон, ограждая интересы Советской власти, естественно проявляет заботу о жизни и здоровье тех людей, которые являются представителями власти, государственными или общественными деятелями.

Совершенно неправильным представляется утверждение о том, что здоровье человека не служит объектом

названных преступлений и что причинение вреда здоровью при этом является только способом посягательства на Советскую власть¹.

Советскую власть нельзя рассматривать в отрыве от деятельности граждан, активно работающих в Советах депутатов трудящихся, в органах государственного управления. Здоровье лица, ставшего представителем власти или общественным деятелем, не перестает быть объектом уголовноправовой охраны, ибо Советское государство в равной мере проявляет заботу о здоровье всех граждан независимо от их служебного положения, общественной и политической деятельности.

При причинении телесных повреждений, совершенных в целях подрыва или ослабления Советской власти или в целях провокации войны и международных осложнений, когда эти действия образуют состав террористического акта, деяния виновного квалифицируются только по ст. 66 или ст. 67 УК и не требуют дополнительной квалификации.

К двуобъектным преступлениям относятся нанесение легких телесных повреждений, побоев или совершение иных насильственных действий в отношении должностных лиц или общественных работников в связи с их служебной деятельностью или выполнением ими общественного долга (ч. 2 ст. 193 УК РСФСР) и нанесение телесных повреждений или побоев начальнику в связи с исполнением им обязанностей по военной службе (ст. 242 УК)². При совершении этих преступлений виновный осуществляет одновременно посягательство и на деятельность органов власти или военных начальников, и на здоровье человека.

Особенность рассмотренных преступлений состоит в том, что в самой диспозиции закона, определяющей ответственность за их совершение, указание на причинение вреда здоровью дается в конкретной форме, указывается на причинение либо тяжкого, либо легкого телесного по-

¹ В. А. Владимиров, П. Ф. Гришанин и др., Государственные преступления, М., 1961, стр. 43, 49; Д. И. Богатиков, И. А. Бушуев и др., Особо опасные государственные преступления, стр. 105, «Уголовное право, часть Особенная», М., 1966, стр. 34—36; В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступления, М., 1963, стр. 173; М. В. Турецкий, Особо опасные государственные преступления, М., 1965, стр. 60.

¹ П. А. Дубовец, Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву, М., 1964, стр. 15.

² Х. И. Ахметшин, Н. В. Васильев и др., Воинские преступления, М., 1963, стр. 102, «Научно-практический комментарий к закону об уголовной ответственности за воинские преступления», М., 1961, стр. 28, «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», М., 1963, стр. 493.

вреждения и это лишнее раз убеждает нас в том, что данные преступления являются двубъектными.

Указание в диспозиции статьи на характер вреда, причиненного здоровью, означает также то, что при квалификации подобных действий нет необходимости ссылаться на статьи, предусматривающие преступления против здоровья. Однако если эти действия сопровождались причинением более тяжкого вреда здоровью потерпевшего, то содеянное следует квалифицировать по правилам о совокупности¹.

Между механиком автоколонны Д и водителем У. возникли неприязненные отношения, так как Д. строго взыскивал за нарушение указанных в путевом листе маршрутов. Испытывая в связи с этим чувство злости к Д., У. избил его и нанес при этом телесные повреждения средней тяжести. Суд правильно квалифицировал эти действия по совокупности как насилие в отношении должностного лица (ч. 2 ст. 193 УК РСФСР) и как менее тяжкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 109 УК РСФСР).

2. Определенную группу преступлений в системе Особенной части советского уголовного права занимают преступления, объективные свойства которых охватывают возможность причинения разного по тяжести вреда здоровью.

При совершении этих преступлений причинение вреда здоровью не является необходимым их элементом, но если вред здоровью причиняется, он охватывается составом таких преступлений и не требует дополнительной квалификации содеянного по статьям уголовных кодексов, предусматривающим преступления против здоровья.

Действия, учиняемые при совершении этих преступлений, таковы, что они тают в себе возможность совершения насильственных действий, причинения разного по тяжести вреда здоровью. К таким преступлениям относятся бандитизм (ст. 77 УК РСФСР), действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 77¹ УК РСФСР), массовые беспорядки (ст. 79 УК РСФСР), посягательство на личность и права граждан

¹ П. Ф. Гришанин, М. П. Журавлев, Преступления против порядка управления, М., 1963, стр. 9, «Уголовное право, часть Особенная», М., 1966, стр. 452.

под видом исполнения религиозных обрядов (ст. 227 УК РСФСР) и некоторые другие преступления.

При совершении бандитизма предполагается, что виновный, участвуя в вооруженной банде и организуемых бандой нападениях, может причинить личности разный по тяжести вред: лишение жизни, причинение тяжкого телесного повреждения и может совершить иные насильственные действия.

Угроза совершения насилий над личностью или причинение вреда здоровью может быть составной частью действий, которые служат основанием уголовной ответственности при бандитизме. Поэтому при квалификации действий, образующих состав бандитизма, даже если эти деяния и были сопряжены с причинением того или иного вреда здоровью, не требуется дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим ответственность за преступления против здоровья. Эти действия охватываются составом бандитизма.

Точно так же действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, и массовые беспорядки могут причинить тот или иной вред здоровью граждан. Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, и массовые беспорядки сопровождаются нападением на граждан, погромами, оказанием вооруженного сопротивления представителям власти (при массовых беспорядках). Все эти действия могут быть сопряжены с причинением разного по тяжести вреда здоровью людей. Однако совершение названных преступлений возможно и без осуществления насильственных действий.

Терроризирование заключенных в местах лишения свободы возможно путем угроз, без причинения физического насилия, а также путем организации преступных группировок в целях терроризирования заключенных, вставших на путь исправления, или в целях совершения нападения на администрацию. Преступление в этом случае считается оконченным с момента высказывания угроз (терроризирования) или с момента организации преступной группировки.

Поскольку совершение указанных преступлений может включать в себя осуществление насильственных действий, то при квалификации действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, и массовых

беспорядков не требуется дополнительно квалифицировать деяния виновных по статьям о преступлениях против здоровья, ибо в случае совершения этих действий они органически включаются в состав рассматриваемых преступлений¹.

Состав преступления, предусмотренный ст. 77 УК РСФСР, образует уже одна организация вооруженной банды с целью нападения на государственные и общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц. К тому же не исключена возможность нападения банды без причинения физического насилия. Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, и массовые беспорядки также возможны без причинения тяжких телесных повреждений или иного вреда здоровью людей. В связи с этим совершенно основательно в теории советского уголовного права данные составы не относятся к так называемым двуобъектным преступлениям.

3. Действующее законодательство определяет уголовную ответственность за преступления, которые осуществляются общеопасным способом. К таким преступлениям относятся: повреждение путей сообщения и транспортных средств (ст. 86 УК РСФСР), умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества (ст.ст. 98 и 99 УК РСФСР), а также умышленное или неосторожное повреждение и уничтожение личной собственности граждан (ст. ст. 149, 150 УК РСФСР).

Повреждение путей сообщения и транспортных средств можно отнести к преступлениям, совершаемым общеопасным способом, потому что они связаны с нарушением нормальной работы объектов, являющихся источ-

ником повышенной опасности, повреждение которых таит в себе возможность наступления тяжких последствий. Что же касается уничтожения и повреждения социального или личного имущества, то на общеопасный способ имеется указание в самом законе.

Поскольку способ совершения этих преступлений общеопасен, законодатель, определяя размер санкций, исходит из того, что в подобных случаях общественная опасность преступления складывается из того вреда, который причинен объекту уголовноправовой охраны, а также из того вреда, который может быть причинен другим интересам вследствие общеопасного способа преступного посягательства. Причем, определяя ответственность за такие преступления, действующее законодательство включает в их состав причинение любого вреда здоровью, в том числе тяжкие телесные повреждения. Но причинение вреда здоровью не обязательно присуще данным преступлениям. Они могут быть совершены и без причинения телесных повреждений или иных насильственных действий.

Повреждение путей сообщения и транспортных средств, которое влечет за собой или может повлечь крушение поезда, естественно, может быть сопряжено с причинением разных по тяжести телесных повреждений, причинением физической боли и иногда вреда здоровью.

Указанная конструкция состава рассматриваемого преступления предопределяет и квалификацию содеянного. При совершении преступлений, состоящих в умышленном разрушении или повреждении путей сообщения, подвижного состава, судов, средств сигнализации и т. п., в силу общеопасного способа может быть причинен тот или иной вред здоровью. Содеянное охватывается одной ст. 86 УК РСФСР и не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности¹.

С аналогичной картиной мы встречаемся при умышленном или неосторожном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества,

¹ «Нападение на администрацию или терроризирование заключенных, вставших на путь исправления, если оно сопровождалось угрозами, нанесением телесных повреждений и другими подобными действиями, охватываются составом преступлений, предусмотренным ст. 77¹ УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, и дополнительной квалификации по иным статьям УК не требуют» (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. «О судебной практике по делам об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений», «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», М., 1964, стр. 240).

¹ Б. А. Куринов, Квалификация транспортных преступлений, М., 1965, стр. 222—231; З. Г. Корчела, Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, автореферат канд. дисс., Харьков, 1963.

совершенном путем поджога или иным общеопасным способом, когда эти действия повлекли человеческие жертвы. Указание на человеческие жертвы при совершении названных преступлений свидетельствует о том, что их состав охватывает не только действия, состоящие в умышленном уничтожении государственного или личного имущества, но и последствия в виде человеческих жертв¹. Данные преступления могут быть совершены и без причинения вреда человеку, поэтому их нельзя отнести к двуобъектным преступлениям.

При умышленном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества или личной собственности граждан виновный предвидит и желает или сознательно допускает уничтожение имущества. Что же касается отношения к последствиям, и в частности к человеческим жертвам, то субъективное отношение виновного характеризуется, по общему правилу, неосторожностью.

Если при этом виновный имеет умысел на причинение смерти или тяжкого телесного повреждения, то такого рода деяния представляют собой не только умышленное уничтожение имущества, но и преступное посягательство на жизнь и здоровье человека. Такие преступления, с нашей точки зрения, должны квалифицироваться по ст. 98 или ст. 149 и соответственно — по ст. ст. 102, 103 или ст. 108 УК РСФСР.

Необходимость такой квалификации становится особенно очевидной, если рассмотреть следующий пример. Умышленное уничтожение и повреждение личного имущества граждан совершено особо опасным рецидивистом при таких обстоятельствах, когда доказано, что умыслом виновного охватывалось не только уничтоже-

¹ «Под человеческими жертвами следует понимать как лишение жизни потерпевшего, так и причинение тяжкого телесного повреждения» (А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, часть Особенная, т. 1, М., 1955, стр. 789). Авторы учебника по Особенной части советского уголовного права относят к человеческим жертвам только причинение смерти. Причинение преступлением увечья ими относится к другим тяжким последствиям («Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1964, стр. 126—127). Нам представляется такое понимание человеческих жертв не совсем точным. Под человеческими жертвами, с нашей точки зрения, следует понимать причинение не только смерти, но и тяжкого увечья.

ние чужой собственности, но и причинение тяжкого телесного повреждения. В этом случае действия виновного должны быть квалифицированы по статье, предусматривающей ответственность за умышленное уничтожение государственного, общественного или личного имущества, и по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР¹.

Хотя при решении вопроса о совокупности преступлений в основу не может быть положено соотношение санкций конкурирующих статей, это не может не учитываться при решении вопроса о том, по совокупности квалифицировать те или иные действия или только по какой-либо одной статье уголовного закона.

Если, например, квалифицировать действия только по ст. 89 или ст. 149 УК РСФСР, то суд будет лишен возможности полностью индивидуализировать наказание виновному в уничтожении имущества, повлекшем человеческие жертвы. Соответствующие статьи о преступлениях против здоровья предусматривают более тяжкое наказание, чем статья об уничтожении имущества.

4. В некоторых случаях законодатель при определении уголовной ответственности исходит из того, что совершение одного преступления может сопровождаться другими преступными действиями. Учитывая, однако, что такое одновременное совершение двух преступлений повышает общественную опасность каждого из них, что эти общественно опасные деяния оказываются тесно связанными и с целью более эффективного использования мер уголовного наказания в борьбе с преступностью, ответственность за подобные преступления определяется как за одно преступление.

Составной частью подобных преступлений может быть посягательство на интересы личности.

К таким преступлениям относятся превышение власти или служебных полномочий, сопровождавшееся наси-

¹ Г. А. Кригер справедливо указывает, что при умысле по отношению к смерти или тяжким телесным повреждениям действия лица должны квалифицироваться по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 98 УК и статьям, предусматривающим ответственность за умышленное убийство и причинение тяжких телесных повреждений (ст. ст. 102, 103, 108 УК). М. И. Якубович считает необходимой совокупность ч. 2 ст. 98 только в случае умышленного причинения смерти, «Преступления против социалистической собственности», М., 1962, стр. 28.

лием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевшего действиями (ч. 2 ст. 171 УК РСФСР), а также понуждение к даче показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие, соединенное с применением насилия или с издевательством над личностью допрашиваемого (ч. 2 ст. 179).

Рассматриваемые преступления состоят в нарушении специальных служебных обязанностей и являются по своему основному содержанию должностными преступлениями. При их совершении виновный одновременно посягает и на здоровье человека.

Эти преступления состоят как бы из двух самостоятельных составов: из принуждения к даче показаний или из превышения власти и причинения телесных повреждений, побоев, истязаний и т. д. Однако законодатель, учитывая, что подобные действия совершаются в связи с исполнением служебных обязанностей, что они придают преступлению особый характер, свидетельствуют о его повышенной общественной опасности, определяет ответственность за эти деяния как за единые преступления¹.

Если понуждение к даче показаний или превышение власти сопровождаются побоями, телесными повреждениями, в том числе и тяжкими, содеянное в целом квалифицируется как должностное преступление или преступление против правосудия.

Возможность причинения в этом случае тяжких или менее тяжких телесных повреждений учтена законодателем при конструировании состава преступления и при определении размера наказания, поэтому нет необходимости квалифицировать совершенное деяние по совокупности с преступлениями против здоровья².

В литературе высказано мнение о том, что ст. ст. 171 и 179 имеют в виду насилие только в виде телесных по-

вреждений средней тяжести, побоев или других менее общественно опасных преступлений против личности. «Превышение власти, сопровождавшееся причинением указанного выше насилия, охватывается признаками части 2 ст. 171 УК РСФСР и дополнительной квалификации по статьям, предусматривающим соответствующие преступления против личности, не требует, — пишут В. А. Владимиров и В. Ф. Кириченко. — Исключение составляет такое насилие, которое вылилось в причинение тяжких телесных повреждений или смерти. В этом случае действия виновного квалифицируются как совокупность превышения власти и соответствующего преступления против личности³. Такое же мнение высказано и другими авторами². Однако в обоснование этой точки зрения не приводится никаких аргументов. Мы полагаем, что такие утверждения не основываются на законе.

Устанавливая ответственность за названные преступления, закон говорит о превышении власти или служебных полномочий, сопряженном с насилием, и не делает никаких ограничений. Следовательно, здесь имеются в виду насильственные действия любого характера, исключая причинение смерти³.

Подтверждением того, что причинение тяжких телесных повреждений охватывается ч. 2 ст. 171 и ч. 2 ст. 179, является также характер санкций этих статей, который соответствует размеру санкций, предусмотренных за тяжкие телесные повреждения.

¹ В. А. Владимиров, В. Ф. Кириченко, Должностные преступления, М., 1965, стр. 23.

² «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1962, стр. 279; «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1964, стр. 272; «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1965, стр. 304.

³ «Действия виновного, совершившего умышленное убийство при превышении власти или служебных полномочий, должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями, устанавливающими ответственность за умышленное убийство, и по ст. 171 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик» (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963 гг.», М., 1964, стр. 282).

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий, М., 1958, стр. 148.

² «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1965, стр. 304, В. А. Владимиров, В. Ф. Кириченко, Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву, М., 1966.

Правильно толкуют рассмагриваемые преступления авторы Комментария УК РСФСР, изданного Ленинградским университетом, указывая, что «квалификация по совокупности по ч. 2 ст. 179 и по ч. 2 ст. 108 требуется только в случае причинения умышленных тяжких телесных повреждений при отягчающих обстоятельствах»¹.

Аналогичную картину мы встречаем при некоторых других преступлениях, например при побеге из мест лишения свободы. Определяя ответственность за побег из-под стражи, законодатель учитывает, что это преступление часто может быть соединено с учинением насильственных действий над лицами, охраняемыми заключенных. В качестве отягчающего обстоятельства за его совершение указывается на насилие над стражей. Это преступление, таким образом, также состоит как бы из двух самостоятельных составов — из побега из места заключения или из-под стражи и из насильственных действий над стражей, объединенных в одном составе.

Такова же конструкция состава преступления, состоящего в оказании сопротивления работнику милиции или народному дружиннику (ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР). Это преступление состоит в оказании сопротивления работнику милиции или народному дружиннику и в осуществлении насилия при совершении названных незаконных действий. Законодатель в одном составе объединяет два противозаконных деяния и определяет ответственность за них как за единое преступление. Однако законодатель в таких случаях имеет в виду не всякое насилие, а только такое, которое по своей тяжести не превышает менее тяжких телесных повреждений. Этот вывод вытекает из характера санкции названных статей Уголовного кодекса.

Устанавливая уголовную ответственность за побег из места заключения или из-под стражи и за сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, соединенные с насилием, законодатель устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. Исходя из оценки санкции этой статьи, можно прийти к выводу, что законодатель имел в виду только такие насиль-

ственные действия, которые по своему характеру были или побоями, или легкими телесными повреждениями, или менее тяжкими телесными повреждениями

Если побег или сопротивление были соединены с насильственными действиями в таком виде, то подобного рода деяния охватываются соответственно ч. 2 ст. 188 или ч. 2 ст. 191¹ УК РСФСР. Если же побег или сопротивление были соединены с насилием, имеющим форму тяжкого телесного повреждения, то такого рода деяния должны квалифицироваться по совокупности ч. 2 ст. 188 или ч. 2 ст. 191¹ и ст. 108 УК РСФСР¹. В противном случае преступники понесут наказание меньшее, чем за тяжкое телесное повреждение, не соединенное с совершением других опасных противоправных действий.

Если такие действия квалифицировать только по ст. 108 УК РСФСР, то такая квалификация хотя и даст возможность суду избрать меру наказания, соответствующую тяжести совершенного преступления, не отразит полностью юридическую характеристику преступления.

Аналогично должен быть решен вопрос и при квалификации таких действий, как посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Организация или руководство группой, деятельность которой проводится под видом проповедования религиозных вероучений и выполнения религиозных обрядов, сопряженное с причинением вреда здоровью граждан, может быть квалифицирована только по ст. 227 УК РСФСР в том случае, когда причиненный здоровью гражданина вред был менее тяжким телесным повреждением. Законодатель установил в этом случае наказание — лишение свободы на срок до пяти лет. Следовательно, если организация, руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по применению законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников», «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1963», М., 1964, стр. 289—290, Н. Трофимов, Ответственность за сопротивление работнику милиции и народному дружиннику, «Советская юстиция» 1963 г. № 1.

¹ «Комментарий к УК РСФСР», изд. во ЛГУ, 1962, стр. 323

обрядов, была сопряжена с причинением тяжкого телесного повреждения, то действия виновного должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 227 и ст. 108 УК РСФСР.

Подобный подход необходимо применить и при решении вопроса о квалификации сопротивления представителю власти или представителю общественности, выполняющему обязанности по охране общественного порядка (ст. 191). Поскольку совершение данного преступления сопряжено с насилием, наказывается лишением свободы на срок до трех лет, можно сделать вывод, что законодатель имел в виду насильственные действия в виде ударов, побоев, легких телесных повреждений, сопряженных с расстройством здоровья. Если же эти действия сопровождались причинением менее тяжких или тяжких телесных повреждений, то они должны квалифицироваться по совокупности ст. ст. 191 и 108 или ст. 109 УК РСФСР в зависимости от тяжести причиненного телесного повреждения¹.

В судебной практике наиболее часто приходится сталкиваться с разграничением преступления против здоровья и такого преступления против общественного порядка, как хулиганство.

Хулиганские действия нередко бывают сопряжены с причинением вреда здоровью граждан. Явное неуважение к обществу, цинизм и дерзость, проявляемые при хулиганстве, могут сопровождаться нанесением побоев, ударов и иных насильственных действий.

Причинение вреда здоровью вовсе не означает еще, что содеянное следует рассматривать как преступление против личности. В судебной практике встречаются случаи, когда хулиганские действия, грубо нарушившие спокойствие граждан, неправильно расцениваются только как действия, направленные против личности. Приговором Ленинского районного народного суда г. Казани Т. был осужден по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР к трем годам лишения свободы. Президиум Верховного суда Татар-

¹ «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», М., 1964, стр. 109; Н. А. Стручков, Ответственность за сопротивление представителю власти или представителю общественности, «Советская юстиция» 1961 г. № 6, стр. 11; П. Ф. Гришанин, М. П. Журавлев, Преступления против порядка управления, М., 1963, стр. 25—26.

ской АССР приговор народного суда изменил и действия Т. переквалифицировал на ч. 1 ст. 112 УК РСФСР.

Т. в ночь на 1 января 1965 г. в состоянии опьянения пришел в дом своего брата и стал стучать в дверь, а когда его не пустили, разбил в сенях окно. В ночь на 6 января 1965 г. он пришел в дом своих престарелых родителей, также разбил стекло окна, затем через окно влез в дом и стал беспричинно избивать больного отца, причинив ему легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья.

Свидетельскими показаниями очевидцев происшедшего установлено, что в обоих случаях Т. совершил циничные хулиганские действия, связанные с явным неуважением к лицам, проживавшим в доме. Т. стучал в дверь, бранился и своими последующими действиями длительное время нарушал покой жильцов дома.

Заместитель прокурора РСФСР внес в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР протест об отмене постановления Президиума Верховного суда Татарской АССР и оставлении без изменения приговора народного суда.

Судебная коллегия, рассмотрев протест, нашла его обоснованным.

Из материалов дела видно, что действия Т. нарушали покой жильцов дома, шум и брань выражали явное неуважение к обществу и были вызваны исключительно хулиганскими побуждениями, и поэтому он правильно осужден народным судом по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР¹.

Хулиганство отличается от преступлений против личности мотивами преступной деятельности, направленностью умысла виновного и другими обстоятельствами, свидетельствующими о том, что виновный при хулиганстве осознанно нарушает общественный порядок и демонстрирует явное неуважение к обществу.

«Нанесение оскорблений, побоев, причинение легких или менее тяжких телесных повреждений и другие подобные действия, совершенные по личным мотивам,— указал Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О судебной практике по делам о хулиганстве»,— могут квалифицироваться как хулиганство лишь тогда,

¹ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965 г. № 10, стр. 6—7.

когда они были сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу. При этом судам надлежит иметь в виду, что хулиганские действия, связанные с указанными посягательствами на личность, полностью охватываются составом хулиганства и дополнительной квалификации по статьям УК о преступлениях против личности не требуют.

При отсутствии в совершенном деянии указанных признаков, нанесение оскорблений, побоев, причинение легких или менее тяжких телесных повреждений должно квалифицироваться по статьям УК союзных республик, предусматривающим ответственность за преступления против личности¹.

Однако судебная практика сталкивается с такими фактами, когда причинение вреда здоровью граждан или иные преступления против личности, не сопряженные с неуважением к обществу и нарушением общественного порядка, квалифицируются как хулиганство.

П. проживал по соседству с потерпевшим Т. Во время отпуска во дворе дома П. играл с Т. и с другими лицами в карты. При очередной игре они поссорились и между ними установились ненормальные взаимоотношения. На этой почве П. и присоединившиеся к нему братья А. и В. избили Т. В защиту последнего вступился его товарищ Д., которому они также нанесли несколько ударов.

Обвинение П. и его братьев в нанесении побоев Т. указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, доказано материалами дела, однако действия их по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР квалифицированы без достаточных оснований. Хулиганством признаются действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Таких признаков в действиях осужденных по настоящему делу не имеется. На этом основании Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР действия П. и его братьев переклассифицировала с ч. 2 ст. 206 на ч. 2 ст. 112 УК РСФСР².

Борьба с хулиганством, своевременное привлечение к уголовной ответственности хулиганов или применение к

ним иных мер государственного или общественного воздействия могут рассматриваться как предупредительная работа по пресечению других, более тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» говорится: «В условиях развернутого коммунистического строительства все более нетерпимыми становятся любые антиобщественные проявления, в особенности факты хулиганства, причиняющие большой вред обществу, оскорбляющие честь и достоинство советских граждан. На почве хулиганства совершаются другие тяжкие преступления»¹.

Нередко хулиганские действия перерастают в тяжкие преступления против личности. Более тяжкие, чем хулиганство, преступления (умышленное убийство, умышленное причинение тяжких телесных повреждений и др.), совершенные из хулиганских побуждений, разъяснил Пленум Верховного Суда СССР, следует квалифицировать по статьям УК союзных республик, предусматривающим ответственность за эти более тяжкие преступления. По совокупности с хулиганством такие действия могут квалифицироваться лишь при условии, если хулиганство и другое более тяжкое преступление, совершенное из хулиганских побуждений, представляют самостоятельные преступления (реальная совокупность)². По совокупности квалифицируются умышленные убийства, причинение тяжких телесных повреждений и хулиганство в том случае, когда эти преступления совершаются не только из хулиганских побуждений, но и сопровождаются таким поведением виновного, которое представляет собой демонстрацию явного неуважения к обществу, нарушает общественный порядок помимо факта совершения преступления против личности.

5. В целях охраны жизни и здоровья граждан действующее законодательство устанавливает уголовную ответственность за нарушение ряда правил, последствием которых может быть причинение вреда личности

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1966 г. № 4, стр. 7

² Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 11 сентября 1962 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 10

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1965 г. № 1, стр. 7

² «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1967 г. № 9, стр. 8—9

Советское социалистическое государство, стремясь обеспечить безопасность труда, издает общие правила охраны труда, а также специальные правила производства отдельных видов работ¹. В Советском государстве принимаются меры по обеспечению безопасности использования машин и оборудования на фабриках и заводах. С этой целью издаются специальные правила по технике безопасности. Отступление от них может повлечь за собой тяжкие последствия вплоть до причинения тяжких телесных повреждений и смерти человека.

Помимо общих правил охраны труда предусматриваются специальные правила по осуществлению горных строительных работ, работ, связанных с использованием взрывчатых веществ, и т. д. Издание этих правил преследует цель обеспечения охраны жизни и здоровья граждан.

В главе УК РСФСР о преступлениях против политических и трудовых прав граждан содержится специальная статья, определяющая ответственность за нарушение правил охраны труда.

В гл. X УК РСФСР, посвященной преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, содержатся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение правил безопасности горных работ (ст. 214), за нарушение правил при производстве строительных работ (ст. 215), преступления, состоящие в нарушении правил безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах (ст. 216).

Нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, а также специальных правил безопасности производства работ образует состав преступления при одной угрозе тяжких последствий в виде несчастных случаев с людьми или иных тяжких последствий.

¹ З. А. Вышинская, Преступления в области трудовых отношений, М., 1949; А. Б. Сахаров, Уголовноправовая охрана безопасности условий труда в СССР, М., 1958, «Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР», М., 1964, стр. 300—302 и 456—460; «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1965, стр. 213—215 и 413—418, В. Н. Иванов, Уголовноправовая охрана прав граждан СССР, автореферат канд. дисс., М., 1964, стр. 12—15

Подобные нарушения могут в некоторых случаях реально повлечь за собой причинение тяжких последствий¹.

Совершение этих действий образует преступление и влечет за собой лишение свободы или исправительные работы. Если нарушение правил по технике безопасности повлекло за собой смерть человека или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам, то наказание повышается до лишения свободы на срок до пяти лет (ст. 140 УК РСФСР), а в случае наступления тяжких последствий при нарушении правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст. 216) или при нарушении правил хранения, использования или перевозке взрывчатых и радиоактивных веществ (ст. 217) наказание повышается до семи лет лишения свободы. В данном случае мы сталкиваемся с такими преступлениями, когда лицо по роду своей службы обязано организовывать трудовой процесс с соблюдением правил по технике безопасности или соблюдать иные специальные правила безопасности, но нарушает их, в результате чего наступают тяжкие последствия.

Действия лица, выразившиеся в нарушении правил, обеспечивающих безопасность, могут быть совершены умышленно и по неосторожности; отношение к преступным последствиям может быть только неосторожное².

¹ «Под «иными тяжкими последствиями», предусмотренными ст. ст. 214—216 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, следует понимать, в частности, причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких телесных повреждений — многим лицам...» (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 4, стр. 10).

² «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1965, стр. 214; «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1964, стр. 184; «Уголовное право, часть Особенная», М., 1966, стр. 511—512. А. Б. Сахаров придерживается иной точки зрения, отрицает правомерность разных форм вины по отношению к действиям и последствиям и считает, что в аналогичных случаях вина выступает только в форме неосторожности («Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР», М., 1958, стр. 141).

Если, например, должностное лицо способом преступного посягательства на здоровье человека избирает нарушение правил по технике безопасности и, следовательно, умышленно причиняет телесные повреждения потерпевшим, такого рода деяния образуют преступление против личности и должны квалифицироваться в соответствии с тяжестью причиненных телесных повреждений¹.

Одним из источников повышенной опасности является транспорт. Эксплуатация железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также автотранспорта требует высокой дисциплины и строгого соблюдения правил технической эксплуатации и безопасности движения. Нарушение этих правил может повлечь тяжкие последствия, в том числе причинение легкого, менее тяжкого и тяжкого телесного повреждения.

Таким образом, издание названных правил есть одно из средств защиты жизни, здоровья и других интересов личности. При совершении указанных преступлений виновный действует или неосторожно, или умышленно. Что касается последствий, то к ним виновный относится неосторожно. Поэтому, когда в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств причиняются телесные повреждения или иной вред здоровью, действия виновного квалифицируются по ст. 85 или ст. 211 УК РСФСР. Если виновный действует по отношению к последствиям умышленно, избирает транспортные средства как способ причинения тяжкого вреда здоровью, то такого рода деяния образуют преступление против личности и в зависимости от характера наступивших последствий должны квалифицироваться по статьям гл. 3 УК РСФСР.

В тех случаях, когда транспортные средства используются для причинения вреда здоровью и при этом нарушаются правила безопасности движения и эксплуатации транспорта, то такого рода деяния могут быть квалифицированы по совокупности: по соответствующей

¹ «Наличие умысла на причинение подобного вреда,— справедливо замечает А. Б. Сахаров,— меняет направленность совершаемых действий, превращая нарушение правил охраны труда из важнейшего, определяющего признака преступного поведения в один из возможных способов достижения намеченной цели, которая и обуславливает иную сущность посягательства» (указ соч., стр. 140).

статье, предусматривающей нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, и по статье, предусматривающей преступления против здоровья.

Действующее законодательство предусматривает также ответственность за нарушения правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, правил ношения, хранения, изготовления и сбыта оружия и взрывчатых веществ, правил хранения огнестрельного оружия, а также правил пересылки по почте либо багажом легковоспламеняющихся или едких веществ.

Нарушение правил хранения, использования, учета и перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ может повлечь за собой тяжкие последствия. Устанавливая за эти преступления ответственность, закон тем самым ограждает жизнь и здоровье граждан (ст. 217 УК РСФСР). В случае, если нарушение этих правил повлекло за собой тяжкие последствия, действия виновных охватываются соответственно ч. 2 ст. 217 УК РСФСР и не требуют дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против здоровья.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений состоит в умышленном или неосторожном нарушении правил охраны, использования или перевозки взрывчатых или радиоактивных веществ, в умышленной пересылке по почте или багажом легковоспламеняющихся веществ при неосторожном отношении виновных к тяжким последствиям. Если виновный, нарушая те или иные правила или незаконно пересылая легковоспламеняющиеся и едкие вещества, желал причинить вред здоровью граждан, может встать вопрос о квалификации таких действий по ст. 68 или ст. 98 УК или по статьям, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда личности. В рассмотренных преступлениях причиненный здоровью граждан вред может быть легко констатируемым, тяжесть его может быть определена и зафиксирована.

В целях охраны здоровья граждан действующее законодательство предусматривает уголовную ответственность за некоторые действия, совершение которых может вызвать вредные последствия по истечении некоторого промежутка времени, и этот вред, хотя и неизбежный,

трудно определяется и трудно доказывается. Так, закон предусматривает уголовную ответственность за нарушение обязательных правил, установленных в целях предупреждения эпидемических и других заразных заболеваний (ст. 222 УК РСФСР), за загрязнение водоемов и воздуха (ст. 223 УК РСФСР), за изготовление, сбыт наркотических и других сильнодействующих веществ (ст. 224 УК РСФСР), а также за самогонование (ст. 158 УК РСФСР) и т. п.

В этих случаях законодатель также стремился оградить жизнь и здоровье граждан, так как применение наркотических и других сильнодействующих ядовитых веществ, незаконное врачевание и т. п. могут причинить вред здоровью граждан. Но этот вред не конкретизирован, наступление его опосредствовано и трудно доказуемо в каждом конкретном случае. Уголовная ответственность за данные преступления не связывается с конкретным причинением того или иного вреда здоровью человека, а устанавливается в зависимости от угрозы вредных последствий (расстройство нервной деятельности, наркомания, алкоголизм и т. п.). Принятием таких норм закон стремится использовать дополнительные возможности для охраны жизни и здоровья человека.

Предисловие	3
-----------------------	---

1 ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

§ 1. Причинение вреда здоровью как основание уголовной ответственности	5
§ 2. Виды преступлений против здоровья	10

2 ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

§ 1. Объект преступлений против здоровья	14
§ 2. Действие (бездействие) при преступлениях против здоровья, их последствия и причинная связь	20
§ 3. Субъективная сторона преступлений против здоровья	25
§ 4. Субъекты преступлений против здоровья	30

3 ТЕЛЕСНЫЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ

§ 1. Общая характеристика телесных повреждений	35
§ 2. Умышленное тяжкое телесное повреждение	45
§ 3. Умышленное менее тяжкое телесное повреждение	78
§ 4. Умышленное телесное повреждение, причиненное в состоянии сильного душевного волнения	81
§ 5. Тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение, причиненное при превышении пределов необходимой обороны	91
§ 6. Умышленные легкие телесные повреждения	97
§ 7. Неосторожные телесные повреждения	99

4 ИНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЗДОРОВЬЕ

§ 1. Побои и причинение физической боли	107
§ 2. Истязания	111
§ 3. Заражение венерической болезнью	114

5 УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРИМИНАЛЬНЫЙ АБОРТ

§ 1. Общая характеристика криминального аборта . . .	120
§ 2. Понятие и юридический анализ состава криминального аборта	122
§ 3. Виды незаконного производства аборта	133
§ 4. Понуждение женщины к производству аборта . . .	139

6 ИНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОПРЯЖЕННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

142

Загородников Николай Иванович
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ»

Редактор *Е. М. Бирюков*
Обложка художника *Ю. К. Мосеева*
Художественный редактор *И. Е. Сайко*
Технический редактор *В. А. Серякова*
Корректоры *М. И. Буланова*
и *Г. А. Злотникова*

Сдано в набор 9/XII 1968 г. Подписано в печать 29/I 1969 г. Бумага типографская № 2, формат 84×108^{1/32}. Объем: усл. печ. л. 8,82, учет.-изд. л. 8,7. Тираж 13 000 экз. А 05127.

Издательство «Юридическая литература»,
Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38—40

Областная типография Ивановского
управления по печати, г. Иваново,
Типографская, 6

Заказ 6959 Цена 52 коп.